

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»

На правах рукописи

ЦАО ХУАНЬ

ПРОЦЕСС РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В
КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИКИ

Специальность 5.5.4 «Международные отношения, глобальные и региональные
исследования»

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Почта Юрий Михайлович

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРИИ, СВЯЗАННЫЕ С РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИЕЙ И ГЕОПОЛИТИКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	19
1.1. Концепции и теории, связанные с интеграцией и геополитикой.....	19
1.2. Геополитика Центральной Азии.....	45
ГЛАВА 2. МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПОД РУКОВОДСТВОМ ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ.....	74
2.1. Программа «Большая Центральная Азия» и стратегия «Новый Шелковый путь» (США).....	76
2.2. Евразийский Экономический Союз (Россия).....	86
2.3. Экономический пояс Шелкового пути (Китай).....	95
2.4. Шанхайская Организация Сотрудничества (Китай и Россия).....	105
2.5. Организация тюркских государств (Турция).....	116
2.6. Анализ моделей интеграции в Центральной Азии с точки зрения теории регионализма и интеграции.....	125
ГЛАВА 3. ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ И ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	132
3.1 Движущие силы развития интеграции в Центральной Азии.....	132
3.2. Препятствия на пути развития интеграции в Центральной Азии.....	139
3.3. Вызовы развития интеграции в Центральной Азии.....	161
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	172
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ.....	178
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	217

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Когда-то Центральная Азия была театром «большой игры», местом напряженной борьбы между Великобританией и Россией. Традиционно ученые-геополитики рассматривали эти территории как часть Евразии и придавали им уникальное геополитическое и экономическое значение. После распада Советского Союза и обретения независимости пятью странами¹ Центральная Азия вновь оказалась в центре внимания мировой общественности благодаря своему географическому положению, природным ресурсам, войне в Афганистане и другим факторам. После терактов 11 сентября 2001 года США использовали Центральную Азию как плацдарм для войны в Афганистане, и этот регион занял важное место во внешней политике США. Россия как традиционный игрок в Центральной Азии, естественно, не могла отказаться от борьбы за доминирование в регионе. Кроме того, поддержание безопасности, стабильности и экономического сотрудничества в Центральной Азии стало главной стратегической целью Китая как близкого соседа. С другой стороны, Турция, где доминирует пантюркистская идеология, активно привлекает к себе страны Центральной Азии посредством культурного влияния. Можно сказать, что Центральная Азия стала местом «большой игры» в новую эпоху.

Исторически сложилось так, что Центральная Азия была частью Советского Союза и страны Центрально-Азиатского региона были тесно связаны друг с другом. После окончания холодной войны, распада Советского Союза и обретения независимости пятью странами Центральной Азии регион пережил двойной опыт интеграции и дезинтеграции. С одной стороны, в этот период наблюдается снижение объема внутрирегиональной торговли, сокращение гуманитарных обменов, достаточно слабая координация между странами, а также сдерживание готовности и способности к региональной интеграции территориальными,

¹ К Центральной Азии в данной работе относятся пять республик, которые стали независимыми после распада Советского Союза: Республика Казахстан, Республика Узбекистан, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан и Республика Туркменистан.

религиозными проблемами и проблемами водных ресурсов. С другой стороны, страны Центральной Азии связаны историческими воспоминаниями, имеют общее советское наследие и схожие географические возможности, лидеры стран стремятся сохранить их самобытность, сформировать соответствующие региональные организации и работать над продвижением региональной интеграции. Наконец, из-за своего особого географического положения Центральная Азия привлекает все большее внимание великих держав, и каждая из них выдвигает свою собственную политику и пути региональной интеграции в регионе. Все пять стран Центральной Азии – небольшие государства, их собственный потенциал ограничен, существуют конфликты и противоречия друг с другом, поэтому самостоятельно им трудно добиться доминирования в процессе региональной интеграции. Наибольшее влияние на развитие региональной интеграции в Центральной Азии оказывают Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Хотя США, Европейский Союз, Турция и другие страны выдвигали свои собственные планы региональной интеграции в Центральной Азии и пытались создать соответствующие региональные системы и организации, их эффективность и влияние вряд ли могут конкурировать с двумя вышеназванными региональными организациями.

В настоящее время академические исследования региональной интеграции в Центральной Азии сосредоточены в основном на изучении влияющих на нее факторов, однако с геополитической точки зрения с учетом влияния игр великих держав эта тема практически не рассматривалась, более того многие ученые негативно относятся к развитию интеграции в Центральной Азии. В данной работе мы всесторонне рассмотрим геополитику Центральной Азии, внутреннюю среду, игру великих держав и другие факторы, проанализируем деятельность существующих региональных организаций, чтобы предложить идеи для будущего развития интеграции в Центральной Азии.

Степень научной разработанности темы. После окончания холодной войны

Центральная Азия вновь стала важным регионом в геополитике международного сообщества. Малышева Д.Б.², Сарват Рауф³, Кэтлин Коллинз⁴, Аннет Бор⁵, Аджай Кумар Патнаик⁶, Тимур Дадабаев⁷, Генри Хертамбах⁸, Хэлфорд Маккиндер⁹, Николас Дж. Спайкмен¹⁰, Сунь Чжуанчжи¹¹, Су Цан¹² и другие ученые оценивали и комментировали геополитическую важность Центральной Азии.

Распад СССР не только изменил политическую карту Евразии, но и вновь вывел на первый план геополитическое и стратегическое значение Центральной Азии¹³. Центральная Азия снова стала геополитическим игровым полем. Ахмедов Ф.А.¹⁴, Карнаухова Е.А.¹⁵, Сирочиддин С.¹⁶, Аубакир А.¹⁷, Данапияева Ж.К.¹⁸,

² Малышева Д.Б. Международно-политическая конкуренция на постсоветском центральноазиатском пространстве. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. №7, с. 106-115.

³ Sarwat R. Changing Geopolitical Dynamics in Central Asia: Causes and Effects. // *Strategic Studies*, Vol. 37, No. 4, 2017, pp.149-165.

⁴ Collins K. The Limits of Cooperation: Central Asia, Afghanistan, and the New Silk Road. // *Asian Policy*, No. 17, January 2014, pp.18-26.

⁵ Bohr A. Regionalism in Central Asia: New Geopolitics, Old Regional Order. // *International Affairs*, Vol. 80, No. 3, 2004, pp. 485-502.

⁶ Patnaik P. Regionalism and Regional Cooperation in Central Asia. // *International Studies*, Vol 56, No.2-3, 2019, pp.147-162.

⁷ Timur D. Shanghai Cooperation Organization (SCO): Regional Identity Formation from the Perspective of the Central Asia States. // *Journal of Contemporary China*, Vol.8, No. 85, 2014, pp.102-118.

⁸ Hunczak T. Russian imperialism from Ivan the Great to the revolution. -New Brunswick: Rutgers University Press, 1974.

⁹ Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History (1904). // *The Geographical Journal* 170, No. 4, 2004, pp. 298-321; Mackinder H. J. Democratic ideals and reality. - New York: W.W. Norton, 1962.

¹⁰ Spykman, N.J. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power (1st ed.). – Routledge, 2007.

¹¹ 孙壮志. 中亚五国的地缘战略地位//东欧中亚研究. 2000 年第四期. 第 61-67 页. (перевод: Сунь Ч. Геостратегическая позиция пяти стран Центральной Азии. // *Исследования Восточной Европы и Центральной Азии*. № 4. 2000, с. 61-67.)

¹² 苏畅. 从“边缘地带”到“枢纽地带”:中亚稳定的地缘政治视角分析. // *俄罗斯东欧中亚研究*. 2023 第 3 期. 第 122-141+161 页.

(перевод: Су Цан. От «периферии» к «оси»: стабильности в Центральной Азии сквозь геополитическую перспективу. //

Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. 2023. No. 3, с. 122-141+161.)

¹³ 陈军. 地缘战略视角下的大国博弈——以中亚为例. 上海: 上海外国语大学出版社, 2021 年. 第 1 页. (перевод: Чэнь Ц. Игра великих держав с точки зрения геостратегии: пример Центральной Азии. Шанхай: Издательство Шанхайского университета иностранных языков, 2021. С. 1.)

¹⁴ Ахмедов Ф.А. «Большая игра» XXI века или геополитические игры мировых держав в Центральной Азии. // *Известия Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан*. 2018. №. 4, с. 201-210.

¹⁵ Карнаухова Е.А. «Большая игра» в Центральной Азии в контексте формирования нового мирового порядка. // *Мировая политика XXI века: образы будущего в мозаике региональных проблем: сборник статей по материалам секции «Мировая политика» XXV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»* / Отв. ред. В.И. Бартенев, Н.В. Юдин. М.: Издательство Московского университета, 2018, с. 13-40.

¹⁶ Сирочиддин С. Новая большая игра в Центральной Азии: конфликты и интересы России, Китая и США. // *Известия института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова национальной академии наук Таджикистана*, 2021, №. 3, с. 150-156.

¹⁷ Aubakir A. Global actors in Central Asia: Great Game or Great Gain? // *Public administration and civil service*. 2020. №. 3(74), pp. 68-76.

¹⁸ Данапияева Ж.К. Геополитика Центральной Азии на орбите мировых систем. // *Вестник Кыргызского Национального Университета имени Жусупа Баласагына*. 2022. № 3 (111), с. 246-253.

Карпович О.Г., Шангараев Р.Н.¹⁹, Новиков Д.П.²⁰, Малышева Д.Б.²¹, Притчин С.А.²², Сюй Тао²³, Цзэн Сяньхун²⁴, Сунь Чжуанчжи²⁵, Лю Дань²⁶ и ряд других ученых проанализировали большую игру в Центральной Азии в новом геополитическом окружении основных мировых держав: Китая, США и России.

Масат С.²⁷, Опарин В.И.²⁸, Чазов О.П.²⁹, Литвинова Т.Н.³⁰, Андиржанова Г.А.³¹, Игитян М.Ю.³², Бжезинский З.К.³³, Старр С.Ф.³⁴, Жильцов С.С., Зонн И.С.³⁵, Кокошин А.А., Кокошина З.А.³⁶, Олкотт М.Б.³⁷, Юнюшкина А.С.³⁸, Пономарев

¹⁹ Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Центральная Азия в контексте современной геополитики на евразийском пространстве. // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 6, с. 65–72.

²⁰ Новиков Д.П. Китайско-американское соперничество и Большое Евразийское партнерство: Влияние и перспективы. // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 1 (109), с. 113-134.

²¹ Малышева Д.Б. Центральноазиатское Ближнее Зарубежье в стратегии коллективного Запада // Постколониализм и современность. 2023. № 3, с. 7-25; Малышева Д.Б. Центральноазиатское направление политики Турции // Россия и новые государства Евразии. 2024. № II (LXIII), с. 60-72; Малышева Д.Б. В контексте фактора Афганистана. Россия и Китай в постсоветской Средней Азии // Свободная мысль. 2021. № 6 (1690), с. 99-114.

²² Притчин С.А. Турецкая стратегия в отношении Центральной Азии на современном этапе: сильные стороны и ограничители // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2, с. 52-62; Притчин С.А. “Большая игра 2.0” в Центральной Азии на современном этапе // Мировая экономика и международные отношения. 2022. т. 66, № 6, с. 112-123.

²³ 许涛. 中亚地缘政治沿革——历史、现状与未来. 北京: 时事出版社, 2016 年. (перевод: Сюй Т. Геополитическая эволюция Центральной Азии: история, настоящее и будущее. -Пекин: Издательство «Актуальные вопросы», 2016.)

²⁴ 曾向红, 王子寒. “错位的竞争”: 大国在中亚地区的互动新态势. // 俄罗斯东欧中亚研究, 2024 年第 5 期. 第 1-26 页. (перевод: Цзэн С., Ван Ц. «Смещенная конкуренция»: новая динамика взаимодействия великих держав в Центральной Азии. //

Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. 2024. № 5, с. 1-26.); 曾向红. “无声的协调”: 大国在中亚的互动模式新探. // 世界经济与政治, 2022 年第 10 期. 第 42-70+165-166 页. (перевод: Цзэн С. «Молчаливая координация»: новый взгляд на модели взаимодействия держав в Центральной Азии. // Мировая экономика и политика. 2022. №10, с. 42-70+165-166.)

²⁵ 孙壮志. 阿富汗变局后的中亚安全: 大国博弈与地区合作. // 俄罗斯东欧中亚研究, 2022 年第 1 期. 第 1-16+154 页. (перевод: Сунь Ж. Безопасность Центральной Азии после изменений ситуации в Афганистане: игра великих держав и региональное сотрудничество. // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. 2022. № 1, с. 1-16+154.)

²⁶ 刘丹. 后苏联空间: 俄罗斯的战略依托及大国博弈. // 俄罗斯东欧中亚研究, 2021 年第 6 期. 第 81-96+154 页. (перевод: Лю Д. Постсоветское пространство: стратегическая обусловленность России и игра великих держав. // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. 2021. № 6, с. 81-96+154.)

²⁷ Масат С. Геополитические модели стратегии и внешняя политика России в Центральной Азии. // Центральная Азия и Кавказ. 2014, 4(17), с. 34-42.

²⁸ Опарин В.И. Политика США в Центрально-Азиатском регионе в контексте национальных интересов России. // Проблемы национальной стратегии. 2023. № 4 (79), с. 106-125.

²⁹ Чазов О.П. Интересы и политика России в Центральной Азии в новых геополитических условиях. // Обозреватель. 2012, 5(268), с. 44-55.

³⁰ Литвинова Т.Н. Россия в большом евразийском партнерстве: от цивилизационной теории к политической практике. // Право и управление. XXI век. 2020;16(2), с. 33-42.

³¹ Андиржанова Г.А. Формирование политики России в региональных институтах Центральной Азии. // Narxoz law and public policy. 2020, 1(1), с. 61-68.

³² Игитян М.Ю. Китайская внешняя политика в Центральной Азии и интересы России. // Власть. 2019. № 3, с.250-259.

³³ Zbigniew K. Brzezinski. The grand chessboard. - New York: Basic books, 1997.

³⁴ S. Frederick Starr, Mike Doran, To Avert Disaster in Afghanistan, Look to Central Asia. American Foreign Policy Council. 12.07.2021 [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.afpc.org/publications/articles/to-avert-disaster-in-afghanistan-look-to-central-asia> (дата обращения: 24.05.2024).

³⁵ Жильцов С.С., Зонн И.С. США в погоне за Каспием. – М: Международные отношения, 2009.

³⁶ Кокошин А.А., Кокошина З.А. Об основных направлениях внешнеполитической стратегии США в Центральной Азии. // Современная Европа. 2022, № 6, с. 126-139.

³⁷ Olcott M.B. Central Asia's Second Chance. -Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace. 2005.

³⁸ Юнюшкина А.С., Понька Т.И. Шаповалова К.А. Конкуренция мировых держав в Центральной Азии. // Международные отношения. 2021. № 2, с. 40-54.

В.А.³⁹, Хантингтон С.П.⁴⁰, Арас Б., Фидан Х.⁴¹, Султанов Ш.М.⁴², Сабов И.Н.⁴³, Желдыбаева А.Т.⁴⁴, Неклюдов Н.Я., Слинко А.А.⁴⁵ в своих работах предоставляют подробную информацию о политике России, США, Китая и Турции в Центральной Азии как в собственно политической сфере, так и в области экономики, культуры и безопасности.

Теоретические исследования процессов региональной интеграции в современном мире, а также интеграционных процессов в Центральной Азии, отражены в результатах исследований экспертов в области международной политики. В академических исследованиях по этой проблематике участвуют в основном ученые из Центральной Азии, России, Китая и ряда западных стран.

Хеттне Б.⁴⁶, Паниккар К.М.⁴⁷, Харрелл Э.⁴⁸, Догерти Дж.Е.⁴⁹, Линдберг Л.⁵⁰, Пучала Д.Дж.⁵¹, Маттли В.⁵², Митрани Д.⁵³, Хаас Э.Б.⁵⁴, Хоффман С.⁵⁵, Байков

³⁹ Пономарев В.А. Об основных направлениях политики США в Центральной Азии. // Проблемы постсоветского пространства. 2020. № 6, с. 445-459.

⁴⁰ Huntington S.P. The clash of civilizations and the remaking of world order. - New York: Touchstone, 1997.

⁴¹ Aras B., Fidan H. Turkey and Eurasia: Frontiers of a New Geographic Imagination. // New Perspectives on Turkey, 2009, Vol.40, Iss.1, pp.193-215.

⁴² Султанов Ш.М. Геостратегия Турции в регионе Центральной Азии: провал политики пантюркизма и уроки экономического прагматизма. // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017, 9(2), с. 39-44.

⁴³ Сабов И.Н. Имиджевое позиционирование Турции в Центральной Азии: проблемы институционализации интеграции тюркского мира. // Журнал «Вестник КРСУ», 2021, № 3, с. 197-203.

⁴⁴ Желдыбаева А.Т. Стратегия "мягкой силы" как инструмент политики Турции в отношении Казахстана. // Дневник Алтайской школы политических исследований, 2018, № 34, с.77-83.

⁴⁵ Неклюдов Н.Я. Мягкая сила на перепутье границ: к вопросу религиозно-культурного взаимодействия России, Турции и Ирана в Грузии // Аспирантские тетради : сборник научных статей, Воронеж, 31 января 2018 года / Воронежский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». Том Выпуск 2. – Воронеж: Воронежский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2018, с. 119-129.

⁴⁶ Hettne B. Globalization and the New Regionalism: The Second Great Transformation. In Wagstaffed P., Regionalism in the European Union. -U.K.: Intellect Books; USA: Intellect Books, 1999, pp. 10-14.

⁴⁷ Panikkar K.M., Regionalism and World Security, in K.M. Panikkar. (eds.), Regionalism and Security. -Bombay, Calcutta, Madras and London: Oxford University Press, 1948, pp. 1-6.

⁴⁸ Hurrell A. Regionalism in Theoretical Perspective in Louise Fawcett and Andrew Hurrell (eds.), Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order. - New York: Oxford University Press, 1995, pp.37-73.

⁴⁹ Dougherty J.E., Pfaltzgraff R.L. Contending Theories of International Relations: A Comprehensive Survey. -New York: Harper & Row, 1981.

⁵⁰ Lindberg L. The Political Dynamics of European Economic Integration. -Stanford University Press, 1963.

⁵¹ Puchala D.J. Of Blind Men, Elephants and International Integration. // Journal of Common Market Studies. 10(3), 1971.

⁵² Mattli W. The Logic of Regional Integration: Europe and Beyond. - Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

⁵³ Mitrany D. A Working Peace System: An Argument for the Functional Development of International Organization. - London: The Royal Institute of International Affairs, 1943.

⁵⁴ Haas E.B. The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces, 1950-1957. - Stanford: Stanford University Press, 1958; Haas E.B. The Study of Regional Integration: Reflections on the Joy and Anguish of Pre theorizing. // International Organization, Vol.24, No.4. Regional Integration: Theory and Research, Autumn, 1970, pp. 607-646; Haas E.B. and Schmitter P.C. Economics and Differential Patterns of Political Integration: Projections about Unity in Latin America. // International Organization, Vol.18, No.4, Autumn, 1964, pp.705-737.

⁵⁵ Hoffmann S. Obstinate or Obsolete: The Fate of the Nation State and the Case of Western Europe. // Daedalus, Vol.95, No.3, Summer, 1966, pp.862-915.

А.А.⁵⁶ и др. разработали концепции, связанные с региональной интеграцией.

Выдающийся вклад в изучение проблем и развития процессов региональной интеграции в Центральной Азии внесли ряд политологов и экономистов из Казахстана, такие как Кушкумбаев С.К.⁵⁷, Лаумулин М.Т.⁵⁸, Примбетов С.⁵⁹, Музапарова Л.М.⁶⁰, Сужикова Ш.М.⁶¹, Казбеков Б.К.⁶², Сыроежкин К.Л.⁶³, Нарibaев М.⁶⁴ и другие. Вопросам становления и развития новых независимых государств посвящены и труды первого президента Казахстана Н. Назарбаева⁶⁵, в которых изучен ряд важнейших проблем стабильности и развития Центральной Азии, а также вопрос о интеграции Казахстана в мировую экономику⁶⁶.

Чжан Нин⁶⁷, Хэ Цзинькэ⁶⁸, Ван Чжи⁶⁹, Ян Шу⁷⁰, Гу Вэй⁷¹, Ван Сихай⁷² и другие

⁵⁶ Baikov A.A. International Integration in Theoretical Discourse. In: Polycentric World Order in the Making. – Singapore : Palgrave Macmillan Ltd., 2023, pp. 181-201; Байков А.А. Интеграционизм в мировой политике. Современная политическая наука: Методология : Научное издание / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. – 2-е изд., испр. и доп.. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Аспект Пресс", 2019, с. 696-727.

⁵⁷ Кушкумбаев С.К. Геополитические концепции регионообразования Центральной Азии. // Обеспечение безопасности и стабильности государства в контексте формирования международного имиджа Республики Казахстан, – Алматы: КазНУ им. аль-Фараби, 2009, с. 72-82.

⁵⁸ Лаумулин М.Т. Политические аспекты интеграции Казахстана и России. // Казахстан в глобальных процессах. 2006. №4, с. 68-75.

⁵⁹ Примбетов С. Перспективы интеграции центральноазиатских государств. // Центральная Азия и Кавказ, 2006, №6, с. 135-144.

⁶⁰ Музапарова Л.М. К вопросу об экономическом сотрудничестве и интеграции в Центральной Азии. // Казахстан в глобальных процессах. 2007. №3, с. 38-42.

⁶¹ Сужикова Ш.М. Роль региональной интеграции на евразийском пространстве в условиях глобализации. // Политические проблемы международных отношений и глобального развития: материалы международной научно-практической конференции в рамках шестых мустафинских политологических чтений. Алматы: КазНУ им. аль-Фараби, 2005, с. 78-84.

⁶² Казбеков Б.К. Интеграция Казахстана и Центральной Азии в мировую экономику. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002.

⁶³ Сыроежкин К.Л. ШОС и интеграционные объединения на постсоветском пространстве. // Проблемы экономического и финансового сотрудничества в рамках ШОС: материалы международной научно-практической конференции. Алматы: КИСИ, 2006, с. 91-97.

⁶⁴ Нарibaев М. Республика Казахстан и ОЭС: современное состояние и перспективы взаимодействия. // Центральная Азия и Кавказ. 2008. №1, с. 114-129.

⁶⁵ Назарбаев Н.А. Пять лет независимости. – Алматы: «Казахстан», 1996.

⁶⁶ Назарбаев Н.А. Региональная интеграция и евразийство. // Казахстанская правда. 02.04.2004.

⁶⁷ 张宁. 中亚五国元首峰会与区域一体化新动向. // 世界知识, 2022 年第 16 期. 第 32-33 页. (перевод: Чжан, Н. Саммит пяти глав государств Центральной Азии и новые тенденции в региональной интеграции. // Мировые знания, 2022, №16, 2022, с. 32-33.)

⁶⁸ 何金科. 中亚安全共同体与中亚一体化趋势研究. // 国外理论动态, 2020 年第 1 期. 第 162-169 页. (перевод: Хэ Ц. Исследование Сообщества безопасности Центральной Азии и тенденций интеграции в Центральной Азии. // Зарубежная теоретическая динамика, 2020, № 1, с. 162-169.)

⁶⁹ 王志. 制度与规范——比较视野下中亚区域一体化研究. 北京: 社会科学文献出版社, 2021 年. (перевод: Ван Ч. Институты и нормы: исследование региональной интеграции в Центральной Азии в сравнительной перспективе. -Пекин: Издательство литературы по общественным наукам, 2021.)

⁷⁰ 杨恕, 王术森. 社会认同理论视角下的中亚地区一体化. // 俄罗斯研究, 2018 年第 3 期. 第 45-75 页. (перевод: Ян Ш., Ван Ш. Региональная интеграция в Центральной Азии с точки зрения теории социальной идентичности. // Вестник Российских исследований, 2018, №3, с. 45-75.)

⁷¹ 顾炜. 中亚一体化的架构变化与发展前景. // 国际关系研究, 2020 年第 2 期. 第 9-30+153-154 页. (перевод: Гу В. Архитектурные изменения и перспективы развития интеграции Центральной Азии. // Исследование международных отношений, 2022, №2, с. 9-30+153-154.

⁷² 王四海, 魏锦, 孙默融, 艾沙江·艾买提. 聚焦合作, 中亚区域一体化呈现哪些新动向? (перевод: Ван С., Вэй Ц., Сунь М., Аймайти А. Фокусируясь на сотрудничестве, каковы новые тенденции региональной интеграции в Центральной Азии?) [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://news.haiwainet.cn/n/2022/0922/c3541089-32489310.html> (дата обращения: 13.11.2024)

китайские специалисты по изучению Центральной Азии, уделяя внимание текущей ситуации интеграции в Центральной Азии и размышляя о ее будущем, проанализировали процесс интеграции в Центральной Азии с позиций теории и институциональных аспектов.

Среди многочисленных российских экспертов, специализирующихся на проблемах региональной интеграции на постсоветском пространстве, можно выделить результаты исследований Кузьмина Е.М.⁷³, Шишкова Ю.В.⁷⁴ и Мукимджановой Р.М.⁷⁵.

Существует ряд западных экспертов, в основном американских ученых, таких как Олкотт М.Б.⁷⁶, Вайц Р.⁷⁷, Линн Дж.⁷⁸, которые специализируются на изучении влияния новой геополитической ситуации на страны Центральной Азии, а также на участии этих стран в процессах региональной интеграции.

Мнения экспертов и коллег послужили очень полезным руководством для написания настоящей работы.

Анализ степени научной разработанности темы показывает, что большой массив научной литературы анализирует интеграционные процессы в Центральной Азии как с теоретической, так и с эмпирической точек зрения соответственно. На уровне теоретических исследований большая часть литературы анализирует интеграцию в Центральной Азии, используя старый и новый регионализм, и существует ряд ученых, которые пытаются объяснить процесс интеграции в Центральной Азии, используя опыт европейской интеграции. В данной работе используются теории сравнительной регионализма и геополитики для изучения

⁷³ Кузьмина Е.М. Проблемы экономического единства Центрально-Азиатского региона. // Проблемы национальной стратегии, 2018, № 4(49), сс.116-130; Кузьмина Е. М. Государства Центральной Азии и ЕАЭС: экономические возможности и проблемы экономической сопряженности / Е. М. Кузьмина // Постсоветские государства: 25 лет независимого развития : в 2-х томах. Том 1. – Москва : Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2017, с. 136-149.

⁷⁴ Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. - М.: III тысячелетие, 2001.

⁷⁵ Мукимджанова Р.М. Страны Центральной Азии: Азиатский вектор внешней политики. - М.: Наука, 2005.

⁷⁶ Olcott M.B., Aslund A., Garnett, Sh.W. Regional Cooperation and Commonwealth of Independent States. Getting It Wrong. - Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 1999.

⁷⁷ Weitz R. Kazakhstan and the New International Politics of Eurasia. - Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies, 2008.

⁷⁸ Linn J.F., Pidufala O. The Experience with Regional Economic Cooperation Organizations. Lessons for Central Asia. - Washington, DC: Wolfensohn Center for Development at Brookings, October 2008.

центральноазиатской интеграции. Хотя доминирующее влияние России в Центральной Азии заставило экспертов сосредоточиться на рациональности анализа центральноазиатской региональной интеграции с точки зрения стратегической и интеграционной политики России, геополитика и игры держав оказывают значительное влияние на развитие интеграции в Центральной Азии сегодня. Поэтому в данном исследовании процесс интеграции в Центральной Азии будет проанализирован с точки зрения геополитики и конкуренции между основными державами в Центральной Азии, включая Россию, Китай, США и Турцию. Кроме того, глобальная политика США, направленная на сохранение однополярного мира и гегемонистской позиции, также оказывает негативное влияние на развитие интеграции в Центральной Азии.

Источниковая база исследования. В данной диссертации автор использовал большое количество документальных источников, среди которых официальные документы на русском, английском и китайском языках: договоры интеграционных организаций государств Центральной Азии, такие как Декларация Шанхайской организации сотрудничества⁷⁹, а также разнообразные международные договоры между государствами Центральной Азии и великими державами, между интеграционными организациями Центральной Азии и т.д., которые отражают двустороннее и многостороннее сотрудничество⁸⁰.

⁷⁹ Декларация о создании "Шанхайской организации сотрудничества". [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1678030/ (дата обращения: 19.09.2024)

⁸⁰ Договор о Евразийском экономическом союзе. 29.05.2014. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://economy.gov.ru/material/file/2bbbf9ae33443d533d855bf2225707e/Dogovor_ees.pdf (дата обращения: 18.09.2024); Заявление Глав Правительств (Премьер-министров) государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о региональном экономическом взаимодействии. ИНФО ШОС, 15. 12. 2015. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://infoshos.ru/ru/?id=130> (дата обращения: 28.05.2023); Ликвидация барьеров, ограничений и изъятий во взаимной торговле в ЕАЭС. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://economy.gov.by/ru/likv_izjatij-ru/ (дата обращения: 20.11.2023); Московская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://kremlin.ru/supplement/5575> (дата обращения: 19.09.2024); Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. 08.05.2015. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 28.10.2024); Соглашение между государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://kremlin.ru/supplement/3864> (дата обращения: 19.09.2024); Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910250023?index=1> (дата обращения: 19.09.2024); Declaration of the tenth summit of the Organization of Turkic states. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.turkicstates.org/u/d/basic-documents/tenth-summit-declaration-2023-21-en.pdf> (дата обращения: 06.10.2024); Samarkand declaration of the ninth summit of the Organization of Turkic States. (2022). [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.turkicstates.org/u/d/basic-documents/ninth-summit-declaration-16-en.pdf> (дата обращения: 06.10.2024).

Источниками информации являются публикации в Интернете, материалы агентств печати, средств массовой информации, официальные сайты правительств, международных и региональных организаций. Например, официальный сайт Евразийского экономического союза⁸¹, официальный сайт проекта КНР «Один пояс - один путь»⁸², официальный сайт Шанхайской организации сотрудничества⁸³, официальный сайт МИД России⁸⁴, официальный сайт Центрального народного правительства Китайской Народной Республики⁸⁵, информационные агентства Синьхуа (Xinhua News Agency)⁸⁶ и Жэньминь жибао онлайн (People's Daily Online)⁸⁷, РИА Новости⁸⁸, ИТАР-ТАСС⁸⁹ и другие.

Материалы национальных информационных агентств и аналитических центров, находящиеся в открытом доступе в Интернете⁹⁰, становятся еще одним источником информации для исследования, включающим не только фактическую информацию, но и мнения и комментарии экспертов из разных стран.

Объектом исследования является процесс региональной интеграции в Центральной Азии.

Предметом исследования является влияние великих держав на процесс региональной интеграции в Центральной Азии.

Цель исследования: выявить геополитическую ситуацию и игры держав в Центральной Азии и их влияние на процесс интеграции в Центральной Азии.

⁸¹ Официальный сайт Евразийского экономического союза. [режим доступа]: <https://www.eaeunion.org/?lang=ru> (дата обращения: 19.03.2025).

⁸² Официальный сайт проекта КНР «Один пояс - один путь». [режим доступа]: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/> (дата обращения: 19.03.2025).

⁸³ Официальный сайт Шанхайской организации сотрудничества. [режим доступа]: <https://rus.sectsc.org/> (дата обращения: 19.03.2025).

⁸⁴ Официальный сайт МИД России. [режим доступа]: <https://www.mid.ru/> (дата обращения: 19.03.2025).

⁸⁵ Официальный сайт Центрального народного правительства Китайской Народной Республики. [режим доступа]: <https://www.gov.cn/> (дата обращения: 19.03.2025).

⁸⁶ Информационные агентства Синьхуа (Xinhua News Agency). [режим доступа]: <https://www.xinhuanet.com/> (дата обращения: 19.03.2025).

⁸⁷ Жэньминь жибао онлайн (People's Daily Online). [режим доступа]: <http://www.people.com.cn/> (дата обращения: 19.03.2025).

⁸⁸ РИА Новости. [режим доступа]: <https://ria.ru/> (дата обращения: 19.03.2025).

⁸⁹ ИТАР-ТАСС. [режим доступа]: <https://tass.ru/> (дата обращения: 19.03.2025).

⁹⁰ The Central Asia-Caucasus Analyst. [режим доступа]: <https://cacianalyst.org/> (дата обращения: 19.03.2025); Reuters. [режим доступа]: <https://www.reuters.com/> (дата обращения: 19.03.2025); CNN. [режим доступа]: <https://edition.cnn.com/> (дата обращения: 19.03.2025); American Foreign Policy Council. [режим доступа]: <https://www.afpc.org/> (дата обращения: 19.03.2025); The Diplomat. [режим доступа]: <https://thediplomat.com/> (дата обращения: 19.03.2025); News Central Asia. [режим доступа]: <https://www.newscentralasia.net/> (дата обращения: 19.03.2025); Central Asian Bureau for Analytical Reporting. [режим доступа]: <https://cabar.asia/en/> (дата обращения: 19.03.2025); Каспийский вестник. [режим доступа]: <https://casp-geo.ru/> (дата обращения: 19.03.2025); Central Asian Analytical Network. [режим доступа]: <https://www.caa-network.org/> (дата обращения: 19.03.2025).

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) провести анализ теорий геополитики, интеграции и сравнительного регионализма, уточнить содержание их ключевых понятий;
- 2) изучить существующие модели интеграции в Центральной Азии на основе данных теоретических рамок;
- 3) выявить особенности геополитических отношений в Центральной Азии, происходящих под влиянием внерегиональных акторов;
- 4) исследовать геополитические стратегии России, Китая, США и Турции в Центральной Азии;
- 5) на основе теории геополитики изучить особенности и влияние моделей региональной интеграции в Центральной Азии, в которых главенствуют Россия, Китай, США и Турция;
- 6) определить ключевые движущие факторы интеграционного процесса в Центральной Азии и их механизмы;
- 7) выявить и объяснить основные факторы, препятствующие процессу интеграции в Центральной Азии, как с внутренней, так и с внешней точки зрения;
- 8) провести перспективный анализ потенциальных вызовов для региональной интеграции в Центральной Азии и определить возможные пути ее развития.

Хронологические рамки работы ограничены периодом с момента обретения независимости странами Центральной Азии (1991 год) до настоящего времени.

Гипотеза исследования: после окончания холодной войны геополитическое значение Центральной Азии значительно повысилось, и Центральная Азия стала театром для игр держав. Для того чтобы адаптироваться к внутренним проблемам, вызванным распадом, и справиться с огромным давлением, обусловленным геополитическими изменениями, объективной необходимостью для стран Центральной Азии является развитие регионального сотрудничества и региональной интеграции. В противном случае страны Центральной Азии не смогут справиться с возникающими проблемами, такими как национальная стабильность, безопасность границ и трансграничная преступность. В то же время

геополитическая конкуренция между экстерриториальными державами в Центральной Азии предоставила различные интеграционные модели для интеграции в Центральной Азии и способствовала ее развитию.

Теоретическая и методологическая основа: теоретической основой данного исследования являются теории, связанные с регионализмом.

Уточняя термин «Центральная Азия», мы ссылаемся на классификацию регионов Бьорна Хеттне, который выделяет регионы как географические понятия, регионы как социальные системы, регионы как организованное сотрудничество, регионы как гражданские общества и регионы-государства.

Исследование существующих региональных интеграционных организаций в Центральной Азии основано на теории интеграции и практике и теории сравнительного регионализма. А при анализе геополитики центральноазиатских государств автор опирается на концепцию «Хартленда» Хэлфорда Маккиндера.

Для достижения поставленных целей в работе используется ряд общенаучных и собственно гуманитарных методов исследования:

Цивилизационный анализ: изучение влияния этнических, религиозных, лингвистических, национальных и других факторов на развитие региональной интеграции в Центральной Азии.

Исторический подход: история развития региональных интеграционных организаций, существующих в Центральной Азии.

Сравнительный метод: в отличие от естественных наук, в исследованиях в области социальных наук сложно проводить эксперименты, поэтому сравнительный метод, основанный на сопоставлении сходств и различий, может дать эффект, схожий с экспериментом, выявить причинно-следственные связи. Анализируя текущее состояние региональных интеграционных организаций в Центральной Азии, в данной работе мы сравниваем их с такими экстерриториальными организациями, как ЕС и АСЕАН.

Метод анализа конкретных ситуаций (кейс-стади): он широко используется в социальных науках, и его важнейшей особенностью является выявление причинно-

следственных связей. В данной работе рассматривается положительная роль «доверия» в развитии ШОС с помощью метода конкретных ситуаций.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в данной работе:

1) роли, которые играют Россия, Китай, США и Турция при осуществлении своей деятельности в Центральной Азии, определены в четырех измерениях: политическом, экономическом, гегемонистском и культурном. Россия по-прежнему остается самой влиятельной страной в Центральной Азии, но, учитывая текущую геополитическую ситуацию и голоса внутри государств Центральной Азии, ей приходится колебаться между ролями лидера и партнера; Китай, как страна с одной из самых активных экономик мира, является огромной движущей силой экономического развития в Центральной Азии; США хотят сохранить свой гегемонистский статус в однополярном мире; а Турция является лидером и партнером, активно развивая связи со странами Центральной Азии и используя политические преимущества идеи общего «тюркского гена»;

(2) показано, что под влиянием игр великих держав и геополитики в Центральной Азии возник ряд региональных интеграционных организаций с дублирующими функциями. Пока что в этих организациях доминируют крупные державы, а страны Центральной Азии являются простыми участниками;

(3) определено, что «Программа Большой Центральной Азии» и «Программа Нового Шелкового пути» США основаны на интеграции Центральной Азии и Южно-Азиатского субконтинента, что способствует экономическому развитию Центрально-Азиатского региона. Однако, поскольку отправной точкой США является защита собственных геополитических интересов, эти идеи региональной интеграции достаточно холодно восприняты странами Центральной Азии, и их будет трудно реализовать;

4) выяснено, что несмотря на некоторое функциональное дублирование существующих хорошо работающих региональных интеграционных организаций в Центральной Азии, такие как ШОС и ЕАЭС, доминирующими странами в них являются Китай и Россия, тесно сотрудничающие в политической, экономической

и культурной сферах. Поэтому есть надежда, что эти центральноазиатские региональные интеграционные организации смогут укрепиться в будущем и способствовать дальнейшему развитию региональной интеграции в Центральной Азии;

5) предложенный диссертантом подход к рассмотрению региональной интеграции в Центральной Азии в динамике, в трех измерениях по отношению к региону: национальном, региональном и внешнем, позволил выявить факторы, сдерживающие развитие региональной интеграции в Центральной Азии с точки зрения экономики, этнических, пограничных и водных споров внутри региона, а также ситуации в Афганистане, «трех сил зла» и игры великих держав за пределами региона;

6) отмечается, что страны Центральной Азии породили новую тенденцию – в последние годы они активно иницируют свое участие в Саммите глав государств Центральной Азии. Автор считает, что этот диалоговый механизм уже пригоден для углубления интеграции, а в будущем он, вероятно, станет новым направлением региональной интеграции в Центральной Азии, будет способствовать развитию соответствующих институтов и способствовать поддержанию региональной безопасности и стабильности.

На защиту выносятся следующие положения:

1. С момента обретения независимости и по сегодняшний день страны Центральной Азии прилагают усилия для достижения региональной интеграции. Однако интеграционные организации, возглавляемые странами Центральной Азии, в конечном итоге не смогли сформироваться и были поглощены или заменены интеграционными организациями, возглавляемыми внешними державами. Это связано как с отсутствием сильных держав в Центральной Азии, так и с отсутствием доверия между странами Центральной Азии.

2. Согласно теории регионализма по образцу ЕС, Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в настоящее время является наиболее зрелой региональной интеграционной организацией в Центральной Азии. ЕАЭС имеет четкое

институциональное стремление выйти за рамки национального суверенитета и создать наднациональную институциональную организацию; в плане экономической интеграции ЕАЭС демонстрирует явную прогрессивность, пытаясь эволюционировать от таможенного союза к экономическому или даже политическому альянсу.

3. Экономический пояс Шелкового пути отличается от традиционных моделей региональной интеграции тем, что он не ограничивается созданием экономических союзов или наднациональных институтов, а провозглашает активное продвижение экономической и культурной взаимосвязи стран в рамках данной модели посредством функционального сотрудничества и продвижения «общения между людьми».

4. По сравнению с Европейским Союзом, АСЕАН и другими организациями, институциональный административный потенциал Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) не очень силен. Если рассматривать ШОС с точки зрения западных региональных теорий, то развитие интеграции в рамках ШОС не будет успешным. Однако, несмотря на отсутствие идентичности, ШОС построила политическое взаимное доверие под руководством «шанхайского духа». На основе взаимного политического доверия ШОС сформировала новую модель региональной интеграции, которая стала «шанхайской» моделью для других региональных интеграционных организаций.

5. Современный уровень развития Организации тюркских государств невысок, интеграция сосредоточена в области культуры и образования, а уровень сотрудничества в экономической, политической и военной сферах намного ниже, чем в других интеграционных организациях Центрально-Азиатского региона. Тем не менее Организация тюркских государств имеет большой потенциал для того, чтобы в будущем стать влиятельной организацией в Евразийском регионе.

6. Игра великих держав оказала двойное влияние на развитие региональной интеграции в Центральной Азии. С одной стороны, стратегические планы, выдвинутые экстерриториальными державами, помогли укрепить взаимосвязь

стран Центральной Азии. Чтобы завоевать доверие стран Центральной Азии, экстерриториальные державы также обещают региону больше выгод, делают больше инвестиций и способствуют развитию региона. С другой стороны, стратегические планы геоконкурентного характера, предлагаемые различными странами, объективно расходуют ресурсы региональной интеграции, усложняя при этом региональную обстановку.

7. Ситуация в Афганистане является одним из факторов, препятствующих развитию региональной интеграции в Центральной Азии. В краткосрочной перспективе региональный хаос, вызванный выводом американских войск и правлением Талибана, будет сдерживать развитие региональной интеграции в Центральной Азии. Но в долгосрочной перспективе, если политическая ситуация в Афганистане сможет и дальше сохранять стабильность, Афганистан станет центром Центральной Азии для связи с Южной Азией, Ближним Востоком и другими регионами, открывая новые возможности для развития региональной интеграции в Центральной Азии.

8. Непрерывное сотрудничество между странами Центральной Азии является важным фактором будущего развития региональной интеграции. В последние годы новая международная ситуация, геополитическая обстановка и постпандемийная реальность заставили страны Центральной Азии лучше осознать важность единства и сотрудничества в развитии. В будущем страны Центральной Азии смогут разработать новую модель региональной интеграции, отбросив свои предубеждения, активно разрешая внутрирегиональные конфликты и развивая двусторонние и многосторонние отношения внутри региона.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что его положения и выводы, а также практические рекомендации могут быть использованы в научных работах, посвященных изучению геополитики Центрально-Азиатского региона, игр великих держав и развития региональной интеграции в Центральной Азии. Обобщения, рекомендации, основанные на результатах исследования, могут быть использованы при формулировании

предложений по будущему направлению развития интеграционных организаций в Центральной Азии. Исследование может быть полезно при подготовке учебных курсов по направлениям подготовки «Политология», «Международные отношения», «Регионоведение», а также в ходе лекций и дискуссий на образовательных мероприятиях.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту, прошли **научную апробацию** на научных конференциях и форумах, среди которых:

1. Ежегодная конференция РАПН, (декабрь 2022 г., Москва, ИНИОН РАН/МГИМО МИД РФ);
2. The 2nd Vorobyovy Gory International Forum of young students and scholars (2-10 августа 2023 г., Москва, Отдел образования Посольства КНР в России);
3. XV Конвент РАМИ «Незападный мир: возможности и роль России» (12-14 октябрь 2023г., Москва, МГИМО РФ);
4. Ежегодная конференция РАПН (декабрь 2023 г., Москва, ИНИОН РАН/РУДН/ МГИМО МИД РФ);
5. Международная конференция молодых ученых Ломоносов-2024, (12-26 апрель 2024 г., Москва, МГУ им М.В. Ломоносова).

Основные положения настоящей диссертации были опубликованы в 7 статьях, 5 из которых входят в перечни журналах, рекомендованных РУДН и ВАК РФ.

Структура диссертации. Настоящее исследование состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников и литературы и списка сокращений.

ГЛАВА 1. ТЕОРИИ, СВЯЗАННЫЕ С РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИЕЙ И ГЕОПОЛИТИКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

1.1. Концепции и теории, связанные с интеграцией и геополитикой

Изучение международных отношений обычно основывается на устоявшихся теориях. Анализируя интеграционные процессы в Центральной Азии с геополитической точки зрения, необходимо, прежде всего, уточнить понятия, связанные с интеграцией, разработать методологию исследования теории регионализма и разобраться с теоретическими основами, связанными с геополитикой. Исходя из этого, создается исследовательская и аналитическая основа данного исследования.

1.1.1 Основные элементы интеграции и нового регионализма

При обсуждении теории интеграции и нового регионализма необходимо разобраться и выявить основные понятия - «регион», «регионализм», «интеграция» и др.

1. Понятие региона

Понятие «регион» определялось многими учеными. В теории современных международных отношений данное понятие обычно относится к комбинации географических факторов, которые позволяют региональным частям, таким как государства или страны, сочетаться друг с другом и в то же время иметь значительную степень взаимозависимости⁹¹.

Бьорн Хеттне дает следующее определение: «Регионы не даны, не являются какой-то формальной организацией. Они создаются и воссоздаются в процессе перехода к глобализации. Регионы – это, во-первых, международные системы, основанные на национальных границах, и, во-вторых, существует множество различных подсистем регионов на разных уровнях»⁹². Хеттне делит регионы на

⁹¹ Nye J.S. Comparative Regional Integration: Concept and Measurement. // International Organization, Autumn 1968, pp.12-17.

⁹² Hettne B. and Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness, in Breslin, S., Hughes, C.W., Phillips, N., & Rosamond, B. (Eds.).

пять уровней – «регионы как географические концепции, регионы как социальные системы, регионы как организованное сотрудничество, регионы как гражданское общество и регионы-государства»⁹³.

По мнению Луиса Дж. Кантори и Стивена Л. Шпигеля, региональная подсистема включает в себя «одну, две или более географически близких и взаимодействующих стран, которые имеют общие этнические, языковые, культурные, социальные и исторические связи. Чувство однородности этих стран часто усиливается восприятием и действиями стран, находящихся за пределами системы»⁹⁴.

Джозеф Най определяет подсистему регионов как «ограниченное число государств, связанных между собой географическими отношениями и определенной степенью взаимозависимости»⁹⁵.

Согласно обобщению Б. Хеттне, о котором упоминалось выше, существует пять различных уровней регионов. На первом из них регион как географическая единица не ограничивается природными факторами, а характеризуется человеческим поселением. Примерами могут служить выражения «Европа от Атлантики до Урала», «Африка южнее Сахары» или «Индийский субконтинент». Сначала регион должен быть заселен людьми. Это начальная стадия развития региона, которую мы называем «первичным регионом» или «предрегиональным регионом».

На втором, регион как социальная система – это взаимосвязь между людьми с различными характеристиками. Он образует структуру безопасности, в которой единицы зависят не только от общей политической стабильности, но и друг от друга в других отношениях. Такие области образуют часть мировой системы, которая является анархической. Типичный пример – Европа XIX века. Это относительно низкоуровневая форма организации, где баланс сил или некая форма

New Regionalism in the Global Political Economy: Theories and Cases (1st ed.). Routledge, 2002. P.38.

⁹³ Wagstaffed P. Regionalism in the European Union. U.K.: Intellect Books. - USA: Intellect Books, 1999. P.10.

⁹⁴ Dougherty J.E., Pfaltzgraff R.L. Contending Theories of International Relations: A Comprehensive Survey. -New York: Harper & Row, 1981, P. 167.

⁹⁵ Nye, Joseph S. International regionalism: readings. -Boston: Little, Brown & Co., 1968. P.5.

«координации» является главной гарантией безопасности. Это относительно рудиментарный механизм безопасности. Поэтому мы называем его «первичным регионом».

Третий уровень – это регион как любое организованное сотрудничество в культурной, экономической, политической или военной областях. В этом случае регион определяется государствами-членами региональной организации. Без организованного сотрудничества понятие регионализма в данном случае не имеет смысла. Данное образование можно назвать «формальным регионом». Этот «формальный регион» (определяемый государствами-членами организации) можно сравнить с «реальным регионом» (который определяется по менее точным критериям), чтобы оценить легитимность и потенциал конкретной региональной организации.

На четвертом уровне организационная структура региона как гражданского общества способствует социальной коммуникации и концентрации (или интеграции) ценностей через форму региона. Существование общей культурной традиции, проходящей через весь регион, конечно, является важнейшим условием, но культура не только дана, она также постоянно создается и обновляется. Это определение фокусируется на непрерывной интеграции многомерного и социального характера регионального сотрудничества как «регионального анархического общества».

Пятый уровень – регион как субъект идентичности, компетентности субъекта, легитимности и структур формирования политики. Ключевыми областями регионального вмешательства являются разрешение конфликтов (между бывшими «государствами» и внутри них) и благосостояние (т.е. социальное обеспечение и региональное равновесие). Конечной структурой этой формы региона является «регион-государство», сравнимый по масштабам с древними династиями, но с политическим устройством, которое представляет собой сознательную эволюцию от суверенного государства, политической единицы, к наднациональному обществу безопасности. Это более высокая форма региона с четкими политическими целями.

Это измерение может выражать эволюционную логику, но это не теория этапов, а рамки для сравнительного анализа. Поскольку регионализм – это политическая теория, он, как и теория национального государства, может потерпеть неудачу. Это аналогичным образом будет означать маргинализацию определенных регионов⁹⁶.

Из вышесказанного вытекает, что регионы и глобализация неразрывно связаны. В мире существует множество региональных систем с разной степенью развитости, обладающих согласованностью и общими интересами с точки зрения географии, истории и актуальной реальности. Они представляют собой международные единицы или международных акторов, которые являются комбинацией различных сплоченных сил в рамках регионов. Таким образом, регион – это формирующаяся региональная субмеждународная система, направленная в первую очередь на экономическое и политическое сотрудничество, такая как Европейский Союз, Североамериканская зона свободной торговли и Ассоциация стран Юго-Восточной Азии.

2. Определение понятий регионализма и региональной интеграции

«Регионализм» – это понятие, которое, как и понятие «регион», широко используется и имеет множество значений. Что касается определения «регионализма», то почти каждый ученый, занимающийся изучением данного явления, дал свое собственное определение в зависимости от потребностей собственного исследования, что можно рассматривать как вопрос мнения. Можно сказать, что развитие теории регионализма неотделимо от все большего обогащения коннотации понятия регионализма.

В ранних исследованиях под регионализмом понималось «создание региональных организаций»⁹⁷ и «формирование коалиций или блоков государств на региональной основе»⁹⁸. Эта волна регионализма возникла в Европе в 1950-х годах и известна как «старый регионализм». На новой волне развития регионализма

⁹⁶ Hettne B. Globalization and the New Regionalism: The Second Great Transformation. In Wagstaffed P., Regionalism in the European Union. - U.K.: Intellect Books; USA: Intellect Books, 1999. pp. 10-14.

⁹⁷ Panikkar K.M. Regionalism and World Security, in K.M. Panikkar. (eds.), Regionalism and Security (Bombay, Calcutta, Madras and London: Oxford University Press, 1948), pp. 1-6.

⁹⁸ По словам Джозефа Ная, «и как теория, регионализм благоприятствует формированию таких межгосударственных союзов или блоков». Joseph S. Nye, Jr., International Regionalism: Readings (Boston: Little, Brown and Company, 1968, p. vii.

(новый регионализм) после холодной войны коннотация понятия «регионализм» была беспрецедентно расширена, горизонт исследования стал более обширным, и в понятие регионализма были включены такие категории, как регионализация, региональное сознание и идентичность, внутрирегиональное межгосударственное сотрудничество, региональная интеграция под влиянием государства и региональная сплоченность⁹⁹. Еще более обогатило понятие регионализма возникновение теории межрегионализма. В целом, однако, регионализм включает в себя три значения: (1) Регионализм – это концепция и убеждение. Регионализм – это «набор концептуальных носителей, который побуждает к трансформации геосоциального пространства идентичности в региональную схему, или же воплощает объективное существование или сознательное конструирование определенной региональной идентичности»¹⁰⁰. Регионализм представляет собой ценностный поиск порядка, направленный на построение, поддержание и пересмотр политического, экономического порядка и порядка безопасности в данном регионе, а также на организацию акторов, разделяющих общую цель, для совместного достижения мирового порядка. Более того, регионалисты твердо убеждены, что договоренности на региональном уровне – это наиболее эффективный способ максимизировать национальные выгоды. (2) Регионализм – это международное явление, добровольное объединение географически близких национальных государств, имеющих сложные отношения друг с другом, для создания некой региональной кооперативной организации, что формирует специфическое явление международных отношений со связанными интересами и взаимозависимостью. Регионализм в данном случае является прямым отражением роста международного взаимодействия и сотрудничества между внутрирегиональными акторами мировой политики, а также между регионами для продвижения региональных интересов, сопровождается распространением

⁹⁹ Hurrell A. Regionalism in Theoretical Perspective, in Louise Fawcett and Andrew Hurrell (eds.), *Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order*. - New York: Oxford University Press, 1995, pp. 39-45.

¹⁰⁰ Hveem H. Explaining the Regional Phenomenon in an Era of Globalization. In: Richard Stubbs, Geoffrey R.D. Underhill (eds.), *Political Economy and the Changing Global Order*, 3rd Edition (New York: Oxford University Press, 2006, Chapter 20.

региональных организаций, становясь объективной тенденцией в развитии мировой политики. Большинство исследователей международных отношений рассматривают регионализм в таком смысле как непосредственный объект изучения. (3) Регионализм – это практический процесс, в ходе которого члены региона формируют единство посредством ассоциации с целью образования гармоничной и прочной региональной единицы¹⁰¹. Регионализм в таком значении отражает процесс изменений во взаимодействии между странами, между странами и регионами и даже между регионами в глобальном и региональном масштабе, поэтому исследователи предпочитают выражать это понятие в терминах регионализации и интеграции, что обозначает переход от относительной неоднородности и несогласованности к растущему сотрудничеству, взаимодействию и интеграции между странами и обществами в широком спектре областей развития, таких как экономика, политика, безопасность и культура, в рамках определенного географического пространства¹⁰².

Интеграция и регионализм – это два тесно связанных, но разных понятия. Согласно приведенному выше определению, регионализм охватывает более широкую область¹⁰³, в то время как интеграция – это одна из категорий регионализма. В определенном смысле регионализм – это теоретическая конструкция процесса региональной интеграции, в то время как интеграция – это описание и изучение фактического процесса.

Слово «интеграция» произошло от латинского слова «intergratio», которое первоначально означало обновление, восстановление. Позже понятие «интеграция» получило новое значение, означающее сложение или объединение отдельных частей, элементов в единое целое¹⁰⁴. Этот процесс проявляется в стремлении от

¹⁰¹ Andrew Hurrell. Regionalism in Theoretical Perspective, in Louise Fawcett and Andrew Hurrell (eds.), *Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order*. - New York: Oxford University Press, 1995, pp.37-73.

¹⁰² Michael Schulz, Fredrik Söderbaum, and Joakim Öjendal (eds.). *Regionalization in a Globalizing World: A Comparative Perspective on Forms, Actors and Processes*. - London: Zed Books, 2001, p.5.

¹⁰³ Некоторые ученые считают, что регионализм состоит из трех ветвей: региональной интеграции, регионального транснационализма и комплекса региональной безопасности. (Цитата из: Michael Smith. *Regions and Regionalism*. In Brian Whit, Richard Little and Michael Smith, eds., *Issues in World Politics*. -Macmillan Press Ltd., 1997, p.73.

¹⁰⁴ OED // Oxford English Dictionary, integration. [Режим доступа]: https://www.oed.com/dictionary/integration_n?tab=factsheet#=209348 (дата обращения 15.10.2024).

дифференциации к единству, от разделения к объединению. Понятие «интеграция» обычно имеет разные значения в разных дисциплинах, и в течение довольно долгого времени двумя основными дисциплинами, в которых изучалась теория «интеграции» были экономика и политология.

В политической науке первым, кто изучил интеграцию как политическое поведение, был Карл В. Дойч, который использовал понятие интеграции для описания процесса и состояния возникновения сообщества мира и безопасности среди региональных государств. К.В. Дойч считает, что сообщество безопасности – это «тесно интегрированная группа людей», и выделяет два вида сообществ безопасности: «амальгамированные» и «плюралистические». В первом случае речь идет об объединении двух или нескольких ранее независимых государств в новое единое государство с единым правительством и политическими субъектами; во втором случае предполагается интеграция государств при сохранении государственного суверенитета и независимости в судебном плане¹⁰⁵. По этому критерию нынешняя Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) попадают в категорию «плюралистических» сообществ безопасности. Позже Дойч отмечал, что «политическая интеграция – это сочетание политического поведения политических акторов или политических единиц (таких как отдельные люди, группы, города, регионы, государства). В политике интеграция – это отношения, в которых поведение политических акторов, единиц или компонентов регулируется, т.е. отличается от того, каким оно было бы, если бы они не были объединены»¹⁰⁶.

Разные ученые подчеркивают различные аспекты интеграции в политической науке, такие как отношения, государства и процессы. Теоретик интеграции Филипп Э. Джейкоб считает, что политическая интеграция «обычно подразумевает коммунальные отношения между людьми в одном политическом образовании, то есть связи того или иного рода, которые связывают людей вместе и дают группе

¹⁰⁵ Dougherty J.E., Pfaltzgraff R.L. Contending Theories of International Relations: A Comprehensive Survey. -New York: Harper & Row, 1981, pp. 424-426.

¹⁰⁶ Deutsch, K. W. The analysis of international relations. - Englewood Cliffs, N.J: Prentice-Hall, 1968, p. 166.

чувство общности и самосознания»¹⁰⁷.

Эрнст Хаас определяет политическую интеграцию как процесс, в котором различные функциональные сектора сначала интегрируются экономически, после чего акторы, особенно национальные элиты, обращают свое внимание на наднациональную деятельность и принятие решений в поддержку процесса интеграции и растущих общих интересов¹⁰⁸. Затем интеграция перетекает из экономической сферы в политическую и социальную и порождает политическое давление в пользу дальнейшей интеграции, которая развивается и углубляется. Процесс политической интеграции в конечном итоге приведет к созданию нового политического центра, политического сообщества на основе ряда уже существующих стран. Данный процесс предполагает частичную передачу суверенитета этому центру¹⁰⁹. По словам Леона Линдберга, интеграция – это процесс, в котором «страны отказываются от своего желания и возможности проводить внешнюю и ключевую внутреннюю политику самостоятельно и вместо этого стремятся принимать совместные решения или делегировать принятие решений новым центральным институтам». Кроме того, это процесс убеждения ряда внутренних политических акторов из разных слоев общества перенаправить свои устремления и политическую активность в новый центр»¹¹⁰. В своих более поздних работах Линдберг сосредоточился на анализе политической интеграции с точки зрения многочисленных свойств систем коллективного принятия решений, понимая ее как взаимодействующий многомерный процесс, подчеркивая степень, в которой группа стран практикует коллективное принятие решений через свойства переменных процесса интеграции, и используя ее в качестве важного показателя уровня политической интеграции. Дональд Дж. Пучала, с другой стороны, подчеркивает, что интеграция – это «процесс создания и поддержания международной системы координации», в которой политические акторы чувствуют,

¹⁰⁷ Dougherty J.E., Pfaltzgraff R.L. *Contending Theories of International Relations: A Comprehensive Survey*. -New York: Harper & Row, 1981. P. 427.

¹⁰⁸ Там же. с. 421-422.

¹⁰⁹ Там же. с. 432.

¹¹⁰ Leon Lindberg. *The Political Dynamics of European Economic Integration*. -Stanford University Press, 1963. P.6.

что могут постоянно согласовывать свои интересы, улаживать разногласия и извлекать взаимную выгоду из своего взаимодействия¹¹¹.

Приведенные выше определения интеграции затрагивают разные аспекты и, хотя и отличаются по форме, отражают суть и смысл интеграции с разных сторон, и имеют большое значение для нашего научного исследования и понимания интеграции.

В области экономики термин «интеграция» впервые появился при изучении промышленной организации, обозначая объединение конкурентов в промышленные организации посредством соглашений, картелей, концернов, слияний и т.д. (горизонтальная интеграция), или объединение поставщиков и потребителей (вертикальная интеграция). Исторически термин «экономическая интеграция» вплоть до 1950-х годов появлялся лишь изредка. Впервые понятие экономической интеграции было предложено в 1954 году голландским экономистом Яном Тинбергеном, который определил ее как идеализированную международную экономическую структуру, направленную на устранение искусственных барьеров и намеренное создание гармоничных элементов для взаимного экономического сотрудничества¹¹². В зависимости от круга вовлеченных стран экономическую интеграцию можно разделить на мировую экономическую интеграцию и региональную экономическую интеграцию. Мировая экономическая интеграция означает открытие экономик стран мира друг для друга и образование взаимосвязанного и взаимозависимого организма. Региональная экономическая интеграция означает, что два или более государств или регионов внутри региона под руководством общего органа с наднациональным характером, сформированного с разрешения правительства, посредством выработки единой внутренней и внешней экономической политики, бюджетной и финансовой политики и т.д. устраняют препятствия, мешающие развитию экономики и торговли между странами, добиваются взаимной выгоды, скоординированного развития и

¹¹¹ Puchala D.J. Of Blind Men Elephants and International Integration. // Journal of Common Market Studies. 10(3), 1971. P. 277.

¹¹² Jan Tinbergen. International economic integration. // Revue économique, vol.17, No.4, 1966, pp. 697-698.

оптимального распределения ресурсов внутри региона, и в конечном итоге формируют политический и экономический организм с высокой степенью координации и единства¹¹³.

В современной теории и практике экономическая интеграция носит преимущественно региональный характер. В 1961 году американский экономист Б. Баласса развил определение Тинбергена, предположив, что экономическая интеграция подразумевает устранение различных барьеров в торговле между странами, а также увеличение экономического взаимодействия между ними. Таким образом, экономическую интеграцию можно также определить как процесс устранения торговых барьеров между разными странами ¹¹⁴ . В целом, экономическая интеграция означает устранение различных барьеров в торговле между странами и гармонизацию их монетарной и фискальной политики для достижения полной интеграции, включая создание общей монетарной, фискальной, социальной и экономической политики, разрабатываемой и осуществляемой наднациональными институтами.

Согласно определению Балассы, процесс экономической интеграции состоит из следующих основных этапов:

Зона свободной торговли – устранение барьеров для свободного перемещения товаров и услуг¹¹⁵.

1. Таможенный союз – устранение барьеров в торговле между странами-участницами и гармонизация тарифов на торговлю с третьими странами путем принятия общего тарифа. Позволяет свободно перемещать все факторы производства (товары, услуги, капитал и рабочую силу) с целью оптимизации производства за счет лучшего использования факторов производства.

2. Общий рынок – устранение всех торговых барьеров (включая нетарифные барьеры) и координация большего количества экономических политических мер.

3. Экономический и валютный союз – высокая степень координации

¹¹³ Salvatore D. International economics. - New York: Macmillan publishing company, 1993. P. 291.

¹¹⁴ Balassa B. The Theory of Economic Integration. -Routledge Revivals, Taylor and Francis, 2013.

¹¹⁵ Balassa B. Trade creation and trade diversion in the European Common Market. // The Economic Journal. Vol. 77, No. 305, 1967, pp. 1-21.

макроэкономической и фискальной политики, включая создание механизма общего обменного курса и выпуск единой валюты.

4. Полная экономическая интеграция – разработка и реализация общей монетарной, фискальной, социальной и макроэкономической политики. Этот этап характеризуется созданием наднационального института, решения которого обязательны для всех государств-членов.

В таком контексте экономический и валютный союз означает продвижение общего рынка при одновременной координации национальной экономической политики в определенной степени, чтобы устранить дискриминацию, возникающую из-за различий в политике. Полная экономическая интеграция, с другой стороны, подразумевает унификацию монетарной, фискальной, социальной и антициклической политики, что является высшей формой экономической интеграции. Европейский Союз, который был создан в 1993 году, находится на высшем уровне экономической интеграции, и, таким образом, является высшей целью современной практики международной экономической интеграции.

Приведенный выше анализ позволяет дать общее определение интеграции.

Под интеграцией понимается процесс и состояние, в котором географически близкие национальные государства (без акцента на географическую близость) в целях максимизации собственных интересов или на основе определенных общих интересов и характеристик опосредуют различия в интересах и конфликты интересов и укрепляют сотрудничество в ряде ключевых областей, включая экономику, политику (безопасность) и общество (культуру), посредством межгосударственных систем, соглашений и так далее. Региональная интеграция включает две стадии в зависимости от того, происходит ли передача суверенитета: 1) региональное сотрудничество, не предполагающее передачу суверенитета и, как правило, являющееся предварительной подготовкой к собственно региональной интеграции, представляющее собой ее низшую стадию; 2) постепенная передача суверенитета наднациональному органу власти и эффективное осуществление определенной степени юрисдикции и координации государств-членов через

наднациональную систему, т.е. создание наднациональной системы интеграции – первая или продвинутая стадия региональной интеграции.

В зависимости от наднациональности интеграционной системы, региональную интеграцию можно рассматривать на различных уровнях. С точки зрения концептуального охвата, интеграция определяется как на институциональном уровне, так и с точки зрения содержания. На институциональном уровне экономическая интеграция требует создания механизмов или планов развития, гарантирующих создание и реализацию интеграции; политическая интеграция требует создания совместных органов управления, совместного принятия решений и даже передачи суверенитета. На уровне содержания экономическая интеграция включает в себя облегчение торговли и инвестиций, свободное перемещение факторов производства, интеграцию макроэкономической политики, достижение полной экономической интеграции и т.д.; политическая интеграция включает в себя главным образом совместное принятие решений и совместные действия в политической, дипломатической и социальной сферах, в области безопасности; возникновение чувства общности и создание новых отношений (политическое сообщество).

Стоит отметить, что понятие политической интеграции очень широкое и включает в себя все наднациональные институты, политические меры, которые являются результатом уступки суверенитета государствами-членами. Политическая интеграция в основном характеризуется наличием и функционированием наднациональной политики, институтов принятия решений и наднациональной правовой базы. Концептуально, конечной целью политической интеграции является создание наднационального политического сообщества, которое изменит политические отношения между государствами-членами. В процессе развития политическая интеграция может затрагивать различные уровни в соответствии с различными условиями и задачами. Прежде всего, для достижения политической интеграции необходимо региональное управление¹¹⁶. Построение системы, главной

¹¹⁶ Региональное управление в основном относится к координации и сотрудничеству различных субъектов стран региона

целью которой является региональное управление, является начальным уровнем развития политической интеграции. Во-вторых, необходимо обеспечить общественные блага, такие как региональная безопасность и оборона. Для этого необходимы совместные действия различных стран в области политики, безопасности и обороны – это промежуточный уровень политической интеграции. И, наконец, высший уровень или заключительная стадия политической интеграции, на которой происходит полная смена политических отношений между государствами-членами и возникает наднациональное «политическое сообщество».

Вопрос интеграции в сфере безопасности также нуждается в особом рассмотрении. Некоторые ученые рассматривают политическую интеграцию и интеграцию в сфере безопасности отдельно, утверждая, что сотрудничество в сфере безопасности не является частью политической интеграции. На самом деле, политическую интеграцию нельзя четко отделить от других областей, особенно от высокой политики, а именно проблем национальной безопасности. Отличительной чертой политической интеграции является уступка суверенитета, которая отражается во всех измерениях интеграции, особенно в интеграции в области безопасности, поэтому в данной работе интеграция в области безопасности не рассматривается отдельно, а классифицируется как элемент политической интеграции. Интеграция в сфере безопасности может быть воплощена как в военных союзах, так и в таких формах сотрудничества, как сообщества безопасности. В целом, военные союзы представляют собой средство, с помощью которого более могущественные личности в стране-участнице могут участвовать в процессе принятия решений более слабыми личностями, которые получают взамен помощь со стороны более сильных в обеспечении безопасности. Интеграция в сфере безопасности, с другой стороны, требует, чтобы все государства-члены,

посредством институционализации для решения вопросов региональной безопасности, стабильности и экономического развития, которые не могут быть решены одним национальным государством. Определение этого понятия во многом определяется коннотацией понятия «глобальное управление». Согласно определению таких ученых, как Джеймс Розенау, член Комиссии по глобальному управлению и известный ученый в области международных отношений, и Анна Метте Кьер, датский ученый, которая систематизировала и обобщила теорию управления на раннем этапе, глобальное управление означает выдвижение на первый план глобальных общественных дел, вызванное глобализацией, и участие различных акторов в решении общественных дел с точки зрения их собственных интересов и позиций, а также процесс институционализированного строительства.

независимо от размера и силы, принимали решения и действовали сообща, подобно тому, что Карл Дойч называет сообществом безопасности.

В целом, региональная интеграция, основной единицей которой является суверенное государство, – это отношения, процесс и состояние. Со статической точки зрения, региональная интеграция – это особое состояние взаимоотношений между независимыми суверенными государствами, при котором государства в регионе достигли определенной степени однородности и высокой взаимозависимости в плане системы, управления и даже культуры и образа жизни, и это особый вид межгосударственных отношений, который включает в себя общее управление, общие институциональные механизмы и социальные нормы, единый рынок и т.д. С динамической точки зрения, такое положение вещей не возникает внезапно, а достигается постепенно, начиная с международного разделения труда и трансграничных сделок, до водораздела общего регулирования и общего управления, а затем до реализации интеграции рынка и создания общего механизма управления, где интеграция включает три измерения: содержание, систему и управление.

3. Развитие теории регионализма и точки зрения исследования по сравнительному регионализму

Регионализм обладает длительной историей, и Содербаум распределяет региональные исследования на четыре типа: ранние исследования, старые исследования регионализма, новые теории регионализма и сравнительные исследования¹¹⁷.

Ранние исследования охватывают период с середины XV до начала XX в. Содербаум и Фосетт относят первый этап изучения регионализма к периоду формирования различных типов союзов, межгосударственных объединений вестфальского типа, панконтинентальных и панрегиональных проектов. В этот

¹¹⁷ Михайленко Е.Б. Регионализм и регионализация в процессе формирования нового ядерного порядка: политические и институциональные аспекты: диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук: 5.5.4. Екатеринбург, 2024. С. 86.

период идеи, политические теории и концепции европейского регионализма сформировались в корпус и начали оформляться в различные (часто противоположные) политические и институциональные конструкции¹¹⁸.

Старый регионализм, также известный как первая волна регионализма, возник и развивался с созданием Европейского объединения угля и стали и последующим процессом построения Европейского экономического сообщества. Соответствующие теории можно разделить на три этапа: этап объяснения европейской интеграции после 1960-х годов, этап анализа управления ЕС после 1980-х годов и этап строительства Союза после 1990-х годов¹¹⁹. В отличие от более поздних неорегионализма и сравнительного регионализма, старый регионализм в основном относится к теориям, объясняющим европейскую интеграцию, включая федерализм, неофункционализм, интеракционизм и либеральный межправительственный подход. Хотя эти теории основаны на европейском опыте и применяются в основном для объяснения европейского опыта, они стали составной частью нового регионализма и сравнительного регионоведения, поскольку более широкий контекст развития теорий регионализма, в который они встроены, претерпевает изменения в сторону глобализации и плюрализма.

После окончания холодной войны тенденция к глобализации сопровождалась двумя другими, казалось бы, диаметрально противоположными историческими тенденциями: культурным национализмом и экономическим регионализмом¹²⁰. Эти две тенденции способствовали появлению новых регионализмов по всему миру, и такие регионы, как Восточная Азия, Северная Америка, Латинская Америка и Африка, разработали свои собственные формы регионального сотрудничества и продемонстрировали плюралистическую траекторию, которая отличается от старых регионализмов¹²¹. С одной стороны, культурный регионализм обусловлен

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ 安特耶·维纳, 托马斯·迪兹. 拼盘式的一体化理论. // 安特耶·维纳, 托马斯·迪兹主编: 欧洲一体化理论, 朱立群等译. 北京: 世界知识出版社, 2009 年, 第 15 页. (Перевод: Антея Винер, Томас Дитц. Теория интеграции на блюде // Антея Винер, Томас Дитц (ред). Теория европейской интеграции, перевод Чжу Лицзюнь и др. - Пекин: Издательство «Мировое знание», 2009, с. 15., 2021. С. 1.)

¹²⁰ 耿协峰. “新地区主义”研究 — 不同视角的评析. // 世界经济与政治, 2001 年第 1 期. 第 118-123 页. (Гэн С. Исследование «нового регионализма» - обзор с разных точек зрения. // Мировая экономика и политика, 2001, №1, с. 118-123.)

¹²¹ Comparative regionalism. Edited by Fred H. Lawson. -London: Routledge, 2009.

усилением культурного национализма, вызванного возрождением традиционных культур и сопротивлением местных культур глобальному капитализму, например, панамериканизм, panaфриканизм, панарабизм и т. д., что является разновидностью межобщественного, а не межправительственного регионализма¹²². С другой стороны, экономический регионализм обычно относится к «открытому регионализму» в Восточной Азии или Азиатско-Тихоокеанском регионе, где экономическая взаимозависимость является первоначальной движущей силой открытого регионализма¹²³. Например, в 1980-х годах в Восточной Азии возникли неформальные региональные связи, известные как «Парадигма летящих гусей¹²⁴» - форма регионального сотрудничества, сформированная в первую очередь промышленным разделением труда, а не политическими элитами.

Между «старым» и «новым» регионализмом существует острая дискуссия по поводу условий сотрудничества¹²⁵. Во-первых, новый регионализм делает акцент на регионализме как средстве интеграции в глобальную экономику. Например, раннее предложение АТЭС о ранней добровольной секторальной либерализации представляло собой форму открытия рынков товаров и услуг на добровольной и односторонней основе, не направленную на третьи страны¹²⁶. Во-вторых, экономическая интеграция в рамках нового регионализма не способствует уступке национального суверенитета наднациональному органу власти, а ее неформальность поддерживается сотрудничеством на правительственном уровне. Например, такие механизмы сотрудничества в Восточной Азии, как АСЕАН, Восточноазиатский саммит и встреча лидеров Китая, Японии и Южной Кореи, в целом следуют «пути АСЕАН» - неформальному, конструктивному и консенсусному стилю принятия решений, который контрастирует с жесткой

¹²² Acharya A. Comparative Regionalism: A Field Whose Time has Come? // The International Spectator, №47(1), 2012, pp. 3–15.

¹²³ Mansfield Edward D., Helen V. Milner. The New Wave of Regionalism. // International Organization, vol. 53, №. 3, 1999, pp. 589–627.

¹²⁴ Парадигма летящих гусей - это доктрина о передаче промышленной структуры между странами на международном уровне, особенно в Западно-Тихоокеанском регионе. Основная идея заключается в том, что в Западно-Тихоокеанском регионе экономическое развитие стран упорядочено, как формация летящих гусей; США и Япония - ведущие гуси, «Четыре маленьких дракона Азии» - второй эшелон, а такие страны, как Таиланд, Филиппины, Малайзия и Индонезия - третий эшелон. Такая ситуация «гусей» в экономическом развитии всего западно-тихоокеанского региона обусловлена процессом прямых инвестиций и передачей отраслей между различными странами.

¹²⁵ Väyrynen Raimo. Regionalism: Old and New. // International Studies Review, Vol.5, Issue 1, 2003, pp. 25–51.

¹²⁶ Ravenhill J. APEC and the Construction of Pacific Rim Regionalism. - New York: Cambridge University Press, 2002.

бюрократической структурой и юридическими процедурами ЕС¹²⁷. Наконец, открытость нового регионализма привела к своеобразному намеренному или ненамеренному «строительству регионов», когда все регионы формируются в процессе взаимодействия интересов и идентичностей между участниками¹²⁸.

Короче говоря, ключевое различие между «старым» и «новым» регионализмом заключается в основной движущей силе: старый регионализм был государственным, основанным на логике власти, подчеркивающим ведущую роль политических элит в отраслевом сотрудничестве и даже в процессе интеграции, и представляющим модель сотрудничества «сверху вниз»; новый регионализм склонен быть рыночным, основанным на неолиберализме и «Вашингтонском консенсусе», которые были в моде в то время. Новый регионализм вышел за рамки сравнительной перспективы, сосредоточенной на европейской интеграции, и включил в себя государственных и негосударственных акторов, формальный и неформальный институциональный дизайн. Однако сравнительные региональные исследования в этот период отражали скорее фрагментацию между старым и новым регионализмом и отсутствие диалога между различными регионами и темами.

С наступлением XXI века изучение регионализма вновь изменилось, и сравнительный регионализм укрепился как область исследования. Основываясь на отличительных практиках регионализма, ученые охотнее используют теории и методы сравнительного анализа, чтобы исследовать глубинные причины развития регионализма. Сравнительный регионализм в глобальной перспективе воплощается в основном в двух аспектах.

С одной стороны, делается акцент на укреплении региональных сравнений на основе глобальной перспективы. Сравнительный регионализм теоретизирует европейскую интеграцию в более широких и универсальных рамках. Амитав Ачарья считает, что региональный мир создает по-настоящему достойную «глобальную» теорию международных отношений, то есть, представляя мир как

¹²⁷ Acharya A. Ideas, identity, and institution-building: From the “ASEAN way” to the “Asia-Pacific way”? // Pacific Review, 1997, №10, pp. 319-346.

¹²⁸ Neumann I.B. A Region-Building Approach. In: Söderbaum F., Shaw T.M. (eds) Theories of New Regionalism. International Political Economy Series. -London: Palgrave Macmillan, 2003.

совокупность регионов, он дает возможность соединить региональные связи через множество историй, цивилизаций и знаний¹²⁹. Ряд ученых продолжает идти по пути региональных моделей, повторяющих глобальный порядок, используя регионализм в Африке, Азии, Европе, Латинской Америке и Северной Америке в качестве тематических исследований в попытке построить сравнительный регионалистский подход в разных регионах¹³⁰.

С другой стороны, была предпринята попытка представить комплексную теорию сравнительного регионализма. Этель Л. Солинген в книге «Сравнительный регионализм: экономика и безопасность» предполагает, что Европа представляет собой «аномалию» регионализма. В книге также построена теоретическая схема взаимоотношений между регионализмом и глобализацией с позиций неоклассического реализма: глобализация влияет на внутреннюю конкуренцию между интернационалистами и националистами, ориентированными на внутренний мир. В этих рамках два способа внутривластного выживания являются как движущими силами, так и побочными продуктами регионального сотрудничества¹³¹. Конструктивисты использовали идеи, нормы, идентичности и дискурсы в качестве движущих сил регионализма и пытались проанализировать чувство идентичности и его корни в таких регионах, как Северная Америка и Африка¹³². Также существует множество ученых, которые не используют термин «сравнительный регионализм», но принимают перспективу и методологию регионального сравнения и предлагают «постнеолиберальный регионализм», «дифференцированную интеграцию», «конвергентные регионы», «сетевые регионы» и многие другие теории¹³³.

¹²⁹ Acharya A. Global International Relations (IR) and Regional Worlds: A New Agenda for International Studies. // International Studies Quarterly, Vol. 58, Issue 4, 2014, pp. 647–659.

¹³⁰ Engel U., Zinecker H., Mattheis F., Dietze, A., & Plötze, T. (Eds.). The New Politics of Regionalism: Perspectives from Africa, Latin America and Asia-Pacific (1st ed.). -London: Routledge, 2018; Telò M. European Union and New Regionalism: Competing Regionalism and Global Governance in a Post-Hegemonic Era (3rd ed.). -London: Routledge, 2014; Warleigh-Lack A., Robinson N., Rosamond B. (Eds.). New Regionalism and the European Union: Dialogues, Comparisons and New Research Directions (1st ed.). -London: Routledge, 2011; Söderbaum F. Rethinking Regionalism. -London: Macmillan Education, 2016.

¹³¹ Solingen E. Comparative Regionalism: Economics and Security (1st ed.). -London: Routledge, 2014.

¹³² Risse T. A Community of Europeans? : Transnational Identities and Public Spheres. – Ithaca: Cornell University Press, 2010.

¹³³ Katzenstein P. J. A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium. – Ithaca: Cornell University Press, 2005; Grugel J., Riggirozzi P. Post-neoliberalism in Latin America: Rebuilding and Reclaiming the State after Crisis. // Development and Change, International Institute of Social Studies, vol. 43(1), 2012, pp.1-21; Leuffen D. European Union as a blueprint? : Nine Hypotheses on differentiated integration in a comparative perspective. // WAI-ZEI Paper, No.8, vol. 8, 2013; Lenze N., & Schriwer C. Converging

Кроме того, ряд ученых собрали теории и методы сравнительного регионализма в антологиях. В книге «Ашгейтский исследовательский сборник регионализмов» под редакцией Т.М. Шоу и др. говорится об отсутствии диалога между теорией нового регионализма и региональными исследованиями, и эта фрагментация подрывает формирование знаний, а также инновационную интеграцию теоретических подходов. Включая рационалистический, институционалистский, конструктивистский, критический и постмодернистский подходы, книга предлагает широкое обсуждение регионализма в Европе, Латинской Америке, Азии и Африке, а также таких тем, как экономика, безопасность и окружающая среда¹³⁴. Книга «Оксфордский справочник по сравнительному регионализму» - первый общий обзор сравнительного регионализма - призывает ученых, занимающихся сравнительным регионализмом, принять «децентрированный» подход к исследованиям и рассматривать Европейский союз как особый региональный порядок¹³⁵.

Самыми последними разработками в теоретическом построении сравнительного регионализма являются теория спроса и предложения регионализма, которую пытались построить Бёрцель и Риссе, а также эклектический подход к сравнительным региональным исследованиям, предложенный Сёдербаумом. Как европейские ученые, Бёрцель и Риссе. опираются на теорию интеграции и постфункционализм, но при этом пытаются выйти за рамки теории европейской интеграции, чтобы построить амбициозную теоретическую системную структуру, объясняющую плюралистические и разнообразные регионализмы в современном мире. Их теория состоит из трех основных компонентов: во-первых, взаимозависимость в сфере безопасности и стремление к стабильности режима порождают функциональный спрос на регионализм; во-вторых, усилия региональных элит по созданию региональной идентичности влияют на общественное мнение и обеспечивают предложение для

Regions: Global Perspectives on Asia and the Middle East (1st ed.). –London: Routledge, 2014.

¹³⁴ Grant J.A. The Ashgate Research Companion to Regionalisms (T.M. Shaw, Ed.) (1st ed.). –London: Routledge, 2011.

¹³⁵ Börzel T. A., Risse T. (eds). The Oxford Handbook of Comparative Regionalism. -Oxford: Oxford University Press, 2016.

региональной интеграции; в-третьих, механизм диффузии позволяет распространять соответствующие институциональные конструкции по регионам. Они утверждают, что данная теоретическая структура не только объясняет регионализм во всем мире, но даже выходит за рамки существующих теорий интеграции, чтобы лучше соответствовать европейскому опыту¹³⁶.

Сёдербаум утверждает, что насущная задача, стоящая сегодня перед теоретической конструкцией сравнительного регионализма, - переосмысление того, как сравниваются регионализмы. Несмотря на растущее число сравнительных исследований регионализма в отдельных регионах (особенно в Европе и Азии), некоторые фундаментальные теоретические вопросы в сравнительном регионоведении не получили достаточного внимания и обсуждения. Существует множество разногласий по основным вопросам о том, что сравнивать, как сравнивать и зачем сравнивать, что приводит к значительному ограничению теоретических инноваций и накопления знаний. В теоретическом построении регионализма существуют конфликты и противоречия между универсализмом и партикуляризмом, что часто приводит к европоцентризму и местному парохизму. С другой стороны, с ростом глобального Юга и стремлением к рефлексивизму некоторые западные исследования регионализма полностью игнорируют теорию и практику европейской интеграции, делая упор на «индивидуальный» регионализм, адаптированный к конкретным региональным реалиям и контекстам. В последнем случае большое количество тематических исследований лишено теоретического осмысления и ограничивается описаниями, что затрудняет их академическую ценность за пределами конкретного региона. Поэтому построение сравнительной регионалистики должно идти по эклектичному пути: как всеохватывающее, многомерное сравнение регионов разного уровня и размера, так и изучение регионов и конкретных типов регионализма¹³⁷.

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на многочисленные споры между

¹³⁶ Börzel T. A., Risse T. Grand theories of integration and the challenges of comparative regionalism. // Journal of European Public Policy, vol. 26(8), 2019, pp. 1231–1252.

¹³⁷ Söderbaum F. Rethinking Regionalism. –London: Macmillan Education, 2016, pp. 7-10.

«старым» и «новым» регионализмом, а также различными школами регионализма, такими как функционализм, конструктивизм и федерализм, факт заключается в том, что эти теории занимаются различными аспектами регионального сотрудничества и скорее дополняют, чем конкурируют друг с другом. Таким образом, сравнительный регионализм предлагает возможность обмена между теориями регионализма, а изучение сравнительного регионализма можно рассматривать как развивающуюся парадигму, основанную на концепции плюрализма, эклектических теориях и эмпирических методах.

1.1.2. Теория геополитики

Геополитика, изучающая взаимосвязь между географической средой и политической деятельностью человека, является самостоятельной дисциплиной с историей всего в два столетия, но геополитическое мышление существует уже давно. В эпоху Древней Греции Платон указывал на необходимость уделять внимание влиянию географии на государство. Древнеримский ученый Страбон в своей работе «География» рассматривал географический фактор как одно из необходимых условий для эффективного функционирования крупного политического региона. В древнем Китае также существует множество выражений, говорящих о применении гео-мышления, например, знаменитая стратегия «сочетания вертикали и горизонтали (合纵连横)» в период Воюющих царств. Известные выражения, получившие распространение в период Весен и Осеней: «местность – это помощь солдатам (夫地形者，兵之助也)»¹³⁸, «все военные силы собираются внутри страны, а вопрос продовольствия и припасов решается в стране противника (取用于国，因粮于敌)»¹³⁹ и другие. Эти выражения полностью соответствуют сегодняшнему пониманию геополитики как «изучения или применения влияния политической и экономической географии на политику

¹³⁸ 姜国柱, 肖冬松. 孙子兵法——中华经典精粹解读. 北京: 中华书局, 2011 年. С. 176. (перевод: Цзян Г., Сяо Д. Искусство войны Сунь-Цзы - существенное толкование китайской классики. -Пекин: Чжунхуа Шучзюй, 2011.)

¹³⁹ Там же, с. 43.

страны, национальную мощь, внешнюю политику и т.д.»¹⁴⁰.

Геополитика зародилась в конце XIX – начале XX веков как учение, основателем которого считается немецкий географ Фридрих Ратцель. В начале зарождения геополитика находилась под сильным влиянием естественных наук, государство рассматривалось как основная географическая единица, результаты развития естественных наук использовались аналогичным образом для понимания государства, с акцентом на изучении государства как организма, его пространственных потребностей и пространственных процессов в ходе выживания и развития. В книге «Политическая география» Ф. Ратцель описывает государство как «особую пространственную организацию на поверхности земли», как «человеческую группировку с определенной организацией и распределением жизни на поверхности земли»¹⁴¹ и как «организмы, прикрепленные к земле»¹⁴². Формирование государства и его сила зависят от его жителей, оно подвержено внутренним перемещениям, у него нет статичной концепции границ, новые популяции должны постоянно искать пространство для жизни, «расширение границ государства – это отражение здоровья народа»¹⁴³, и, таким образом, государство проходит динамичный путь от роста до исчезновения. То, как Ратцель объединил изучение географии и государства, создало разновидность политической географии – геополитику.

Разработка Ратцелем концепции государственного организма и его идеи привлекли внимание шведского политолога Рудольфа Челлена, который не только решительно поддержал теорию Ратцеля, но и ввел в обиход термин «геополитика». Для него геополитика – это «наука о государстве как пространственной сфере», «теория государства как географического организма или явления в пространстве»¹⁴⁴, а геопространство – это еще один важный источник легитимности государства, который является лучшим, более благоприятным и более фундаментальным

¹⁴⁰ Dictionary.com // geopolitics. [Режим доступа]: <https://www.dictionary.com/browse/geopolitics> (дата обращения: 14.06.2024).

¹⁴¹ Dickinson R.E. The Makers of Modern Geography. – London: Routledge, 1969. pp. 69-70.

¹⁴² Martin G.J. All possible worlds: a history of geographical ideas. - New York: Oxford university press, 2005. p.169.

¹⁴³ 蔡运龙, 比尔·怀科夫(美). 地理学思想经典解读. 北京: 商务印书馆, 2011 年. С. 7. (перевод: Цай Ю., Уайкофф Б.

Интерпретация классики географической мысли. -Пекин: Коммерческая пресса, 2011.)

¹⁴⁴ Parker G. Geopolitics: past, present and future. - London; Washington, DC: Pinter, 1997. P. 22.

основанием, чем конституционализм.

Как и Ратцель, Челлен утверждает, что государство – это пространственный организм, находящийся в динамичном процессе развития, проходящий жизненный цикл от юности к зрелости и старости¹⁴⁵, и что его пространственные характеристики, такие как природные ресурсы, размер территории, численность населения и т.д., важны для понимания государства и понимания моделей поведения государства, и что «естественная среда государства обеспечивает единице власти возможность следовать неумолимому закону прогресса»¹⁴⁶.

После Фридриха Ратцеля и Рудольфа Челлена значительный вклад в развитие геополитики внес британский географ Хэлфорд Джон Маккиндер. В отличие от Ф. Ратцеля, Х.Дж. Маккиндер основывал свою геополитическую теорию на глобальной перспективе, рассматривая мир как «естественную» единицу и обобщая повторяющиеся модели поведения между государствами в истории¹⁴⁷. Он утверждал, что история мира – это, по сути, процесс повторяющейся борьбы между народами суши и моря¹⁴⁸, и что обширная степная зона в глубине Евразийского континента, куда не могли проникнуть реки с моря, является географическим стержнем истории, который Маккиндер называл «хартлендом» – «сердцем мира», «срединой земель». Теория Маккиндера дала новые идеи для развития геополитики, а его целостный подход оказал большое влияние на последующих геополитических теоретиков и способствовал новому витку развития геополитической теории. В то же время понимание мира Маккиндером подвергалось критике, особенно его краткое изложение мировой истории как процесса повторяющейся борьбы между мореплавателями и землепроходцами, которое было опровергнуто американским ученым Николасом Дж. Спайкменом.

Николас Спайкмен утверждает, что действительно важной частью Евразии является не «хартленд», а «римленд», не «сердцевина», а дуга прибрежной полосы,

¹⁴⁵ Там же, с. 24.

¹⁴⁶ Cohen S.B. Geopolitics: the geography of international relations, third edition. - London: Rowman & Littlefield Publishers, 2014. P. 25.

¹⁴⁷ Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History. // The Geographical Journal, Vol.23, No.4, April 1904, pp.421–437.

¹⁴⁸ Parker G. Western Geopolitical Thought in the Twentieth Century. - London: Routledge, 1985. P. 20.

окружающая «хартленд» с запада, юга и юго-востока. И в противовес высказыванию Маккиндера: «Кто правит Восточной Европой – контролирует «сердце земли», кто правит «сердцем земли» – контролирует «мировой остров»¹⁴⁹, кто правит «мировым островом» – контролирует весь мир¹⁵⁰, – Спайкмен высказался так: «Кто контролирует периферию («римленд»), тот контролирует Евразию, а кто контролирует Евразию, тот контролирует судьбы всего мира». В результате возникновения теории Спайкмена американская внешняя политика была пересмотрена с целью не допустить объединения центров силы в Старом Свете против американских интересов¹⁵¹ и сосредоточиться на сотрудничестве с теми, кто стремится предотвратить объединение периферии¹⁵².

Помимо концепций Хэлфорда Дж. Маккиндера и Николаса Дж. Спайкмена, развивалась теория морской мощи американского военно-морского стратега Альфреда Т. Мэхэна, в которой рассматривалась глобальная перспектива, сосредоточенная на Евразийском континенте¹⁵³. Его теория появилась ранее теории Маккиндера. Как офицер военно-морского флота, он подчеркивал важность морской мощи для нации. А.Т. Мэхэн утверждал, что море – это огромное открытое пространство, к которому можно подойти со всех сторон, и что морские перевозки дешевле и удобнее, чем перевозки по сухопутным маршрутам, что делает их важными воротами коммерческой торговли. А поскольку судоходство часто подвержено различным проявлениям беззакония, появление военно-морских сил и военно-морских баз играет весьма важную роль. Военно-морская система, транспортная система и система причалов составили важную основу «теории морской мощи» Альфреда Т. Мэхэна¹⁵⁴. Как и Маккиндер, Мэхэн также подчеркивал конфликт и конкуренцию между сухопутными и морскими державами и утверждал, что область между 30 и 40 градусами северной широты в Азии

¹⁴⁹ Хэлфорд Дж. Маккиндер называл Евразию Мировым островом.

¹⁵⁰ Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History. // The Geographical Journal, Vol.23, No.4, April 1904, pp.421–437.

¹⁵¹ Spykman N. The Geography of the Peace. - New York: Harcourt, Brace, 1944. P. 45

¹⁵² Там же, с. 62.

¹⁵³ Cohen S.B. Geopolitics: the geography of international relations, third edition. - London: Rowman & Littlefield Publishers, 2014. P. 24.

¹⁵⁴ Там же, с. 62.

является центром борьбы, и что Великобритания и США должны создать альянс, чтобы контролировать важные базы на краю Евразийского континента.

Теории А.Т. Мэхэна, Х.Дж. Маккиндера и Н.Дж. Спайкмена дали относительно простые и ясные ориентиры для понимания хитросплетений международной политической реальности и обосновали влияние географии на политическое взаимодействие человечества с научной точки зрения. Более того, данные теории оказали глубокое влияние, сформировав понимание и практику западных политических элит в мире.

История геополитики в России сравнительно недолгая. Однако у истоков русской геополитической мысли стоял ряд ученых XIX века: К.Н. Леонтьев, Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев, Л.Н. Гумилев. Они были пионерами евразийства и основателями направления евразийской геополитической мысли, заложившими теоретические основы современной геополитической ориентации России.

Л.Н. Гумилев, ученик П.Н. Савицкого, мастер евразийства, внес большой вклад в развитие этнологии, он сформулировал задачи новой науки. Описывая процесс происхождения народов, Гумилев ввел термин «пассионарных толчков», которые представляют собой одновременный всплеск необъяснимой физической и духовной энергии. По его мнению, внезапное включение в движение исторически существующих «старых» народов и культур, втягивание различных этнических и религиозных групп в страсть к пространственной, духовной и технологической экспансии, приводит к порабощению других народов и их слиянию в новые, активные и жизненно важные формы. Динамичный процесс интенсивного желания и национального происхождения приводит к возникновению особых наднациональных групп, которые соответствуют формам политической организации и национальных государств. Постепенное снижение желания сменяется формированием депрессии желания, а национальное начало вступает в стадию отрицания – сохранения и начала упадка. Упадок нации, фрагментация наднации, распад империи продолжают до появления нового «драйва желания».

«Когда появляются новые народы, остатки старых структур все еще расплавлены в них»¹⁵⁵. Некоторые народы остаются в «остаточном» состоянии, в то время как другие исчезают в процессе возникновения новых наций.

Давая определение русской нации, Л.Н. Гумилев утверждал, что «русская нация – это не только ответвление восточных славян, но и особая нация, сформировавшаяся на основе тюрко-славянского слияния»¹⁵⁶, а также подчеркивал, что «именно геополитическое сочетание лесов и степей составляет суть истории России и предопределяет характер ее культуры, цивилизации, идеологии и политической судьбы»¹⁵⁷. Л.Н. Гумилев считает, что русская нация – сравнительно «молодая» нация, которая объединяет вокруг себя сверхнации евразийской империи. Западные нации находятся на завершающей стадии своего этногенеза, и «центр тяжести неизбежно смещается к более молодым нациям». Теории этногенеза и этноцикла Л.Н. Гумилева имеют глубокое значение для формирования российской геополитики.

А.Г. Дугин, основатель нового евразийства, опираясь на евразийство Л.Н. Гумилева, подвел следующие геополитические итоги: 1) евразийский континент – это «полноценное “месторазвитие”», с глубочайшими основами происхождения народов и культур, следовательно изучение мировой истории должно вестись не с однополярной, а с многополярной точки зрения; 2) геополитический синтез Леса и Степи на основе системы Великорусского государства – важный факт стратегического культурного контроля над Азией и Восточной Европой, способствующий гармонии и равновесию между Востоком и Западом; 3) западная цивилизация находится на завершающей стадии упадка своих национальных истоков, и центр тяжести должен переместиться к более молодым народам; 4) в недалеком будущем может возникнуть некий непредсказуемый «пассионарный толчок», которые радикально изменит глобальную политическую и культурную карту.

¹⁵⁵ Дугин А. Основы геополитики. - М: Арктогея, 1997. С. 154.

¹⁵⁶ Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. – М: Аспект Пресс, 2002. С. 166.

¹⁵⁷ Дугин А. Основы геополитики. - М: Арктогея, 1997. С. 153.

По мнению А. Г. Дугина, важнейшей точкой отсчета в истории неоевразийского мировоззрения России является приход к власти В.В.Путина. «Получивший солидное геополитическое образование, апробированное на практике, новый президент не мог культивировать безответственные конъюнктурные мифы. Постепенно в РФ стало возрождаться стратегическое мышление, геополитическое видение мировой ситуации. С Путиным начался процесс поворота от «цивилизованного развода» к «новой интеграции»»¹⁵⁸. Впоследствии ученые в России начали активно исследовать теории евразийства и неоевразийства. Россия начала практиковать евразийскую интеграцию и активно участвовала в создании Евразийского экономического союза. Выводы евразийцев (во главе с Л.Н. Гумилевым) и неоевразийцев заложили основу для процесса интеграции евразийских стран, и практика этих идей находит прямое отражение в возглавляемых Россией или существующих при ее активном участии Содружестве Независимых Государств, Евразийском экономическом союзе и Шанхайской организации сотрудничества. Кроме того, евразийство оказало определенное влияние на внешнюю политику и геополитику Турции, Казахстана и других стран.

1.2. Геополитика Центральной Азии

1.2.1. Определение Центральной Азии в географическом и геополитическом контекстах

Центральная Азия – это географическое понятие, а также культурный и геополитический регион. Ученые до сих пор спорят о концепции Центральной Азии, не приходя к единому мнению. Данное исследование посвящено процессу интеграции в Центральной Азии в геополитическом контексте. Таким образом, прежде чем перейти к следующему этапу анализа, необходимо разобраться с понятием «Центральная Азия» с географической и геополитической точек зрения.

Первым человеком в истории, предложившим термин «Центральная Азия», был немецкий ученый Александр фон Гумбольдт, который после научной

¹⁵⁸ Дугин А. Русская война. -М: Родина, 2024. С. 75.

экспедиции в Сибирь, организованной и профинансированной царским правительством в мае-ноябре 1829 года, завершил трехтомный труд под названием «Центральная Азия». Будучи одним из основателей мировой географии, Александр фон Гумбольдт в 1843 году назвал узкую полосу земли между Каспийским морем и Большим Хинганским хребтом «*Asie centrale* (Азиатским центром)»¹⁵⁹. Как видно, он определил географическую концепцию Центральной Азии исключительно с точки зрения естественных наук. Эта концепция была широко признана и применена в ранних немецких исследованиях Центральной Азии. Позже исследователи в Великобритании, Франции и других европейских странах также испытали на себе ее глубокое влияние.

По мере развития центральноазиатских исследований в мире ученые из разных стран постепенно обогащали и расширяли понятие Центральной Азии. Следуя принципам географии Александра фон Гумбольдта, британский ученый Гэвин Хэмбли так описывал Центральную Азию: «там, где заканчиваются пустыни и степи, там заканчиваются и границы Центральной Азии». «На севере центральноазиатские степи встречаются с южной окраиной таежных лесов Сибири. Южная граница Центральной Азии обозначена почти непрерывной горной цепью протяженностью около четырех тысяч миль». «На востоке границу можно провести по Великой Китайской стене, а затем от Дзехола на север вдоль Маньчжурского лесного массива. На западе же вплоть до Румынии и Венгрии простирается украинская степь, являясь географическим и историческим продолжением степного региона Центральной Азии». Кроме того, Гэвин Хэмбли подчеркивает, что «самой важной и яркой географической особенностью Центральной Азии является ее полная изоляция от влияния со стороны моря»¹⁶⁰. К определению Центральной Азии на основе географических условий Гэвин Хэмбли добавляет климатические соображения.

Термин «Центральная Азия» уже давно используется в России. Ученые Советского Союза утверждали, что термин «Центральная Азия» впервые появился

¹⁵⁹ Humboldt H. *Asie centrale*. - Paris, 1843, Vol.1, pp. XXVIII-XXIX.

¹⁶⁰ Gavin Hambly. *Central Asia*. - New York: Delacorte press, Inc. 1969. P. 2-3.

в русской литературе в начале XIX века. Хотя академическое понятие «Центральная Азия» широко используется в России, ученые определяют его по-разному. Согласно Советскому энциклопедическому словарю, Центральная Азия – это часть Советского Союза, простирающаяся от Каспийского моря на западе до китайско-советской границы на востоке, и от Арало-Эрзизского водораздела на севере до советских границ с Ираном и Афганистаном на юге¹⁶¹. Как видно, понимание границ Центральной Азии советскими учеными не сильно отличалось от понимания Александра фон Гумбольдта, за исключением небольшой разницы в географических обозначениях. На практике, однако, использование понятия «Центральная Азия» в советский период в основном ограничивалось регионами Центральной Азии, расположенными в бассейнах рек Амударья и Сырдарья, т.е. сегодняшними Узбекистаном, Туркменистаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и южным Казахстаном¹⁶². Очевидно, что советская концепция «Центральной Азии» в ее внутреннем административном делении уже отличалась от концепции «Центральной Азии» в Энциклопедическом словаре СССР, и в советском административном делении было принято называть пять среднеазиатских республик «Средняя Азия и Казахстан».

Разница между советским административным планированием и академическим восприятием Центральной Азии проявляется в том, что при переходе от царской России к СССР произошел прагматический геогуманитарно-политический сдвиг в академическом значении концепции Центральной Азии, так что некоторые регионы, не входившие в состав Советского Союза, больше не могли быть включены в дискуссию о «Центральной Азии».

Есть также ученые, которые считают, что Центральная Азия – это историко-географический термин, поскольку существуют названия, которые используются только для определенных исторических периодов. В XIX и XX веках Центральная Азия была известна как «Туркестан», что в первую очередь относилось к обширной

¹⁶¹ Советский энциклопедический словарь. - Москва, 1980. С.1227.

¹⁶² История СССР, с древнейших времен до конца XVIII в., под редакцией Академика Б.А. Рыбакова. Москва: «ВЫСШАЯ ШКОЛА», 1983. С. 226.

территории, населенной тюркоязычными племенами и кланами. Считалось, что Туркестан простирается от Уральских гор на западе до Алтайских гор на востоке, от Ирана и Афганистана на юге до Томска и Тобола на севере. Когда-то Туркестан был разделен на три части: Западный Туркестан (включающий территорию пяти современных государств Центральной Азии), Восточный Туркестан (охватывающий Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая) и Афганский Туркестан (северный Афганистан).

На территории Западного Туркестана царское правительство последовательно создавало Туркестанскую область и Туркестанский губернаторский округ. Позже он был переименован в Туркестанский пограничный округ, который включал Семиреченскую, Сырдарьинскую, Самаркандскую, Ферганскую и Закаспийскую провинции. Кроме того, в него также входили два вассальных государства царской России – Хива и Бухара. После Октябрьской революции советское правительство создало на территории Туркестана ряд советских республик. С тех пор термин «Туркестан» постепенно заменяется термином «Центральная Азия»¹⁶³.

Согласно терминологии, использованной на саммите высших руководителей Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана в Ташкенте в январе 1993 года, регион «Центральная Азия» включает в себя пять республик бывшего Советского Союза: Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан и Таджикистан. Как видно, понятие «Центральная Азия» стало менее географически и культурно специфичным и постепенно превратилось в геополитический термин. Регион Центральной Азии, рассматриваемый в данной статье, относится именно к той территории, на которой расположены эти пять стран.

1.2.2. Геополитика в Центральной Азии: игровое поле великих держав

Центральная Азия занимает уникальное геополитическое положение: она находится «на перекрестке» Европы и Азии, соседствует с двумя ведущими державами, Китаем и Россией, и связана с раздираемым войнами Афганистаном,

¹⁶³ Карабаев Э., Подкуйко Ю. Центральная Азия: История региона. - Бишкек, 2004. С.8.

что позволяет ей легко входить в игру великих держав. Что касается геополитического положения Центральной Азии, то более 100 лет назад известный британский геополитик Хэлфорд Дж. Маккиндер, выдвинув «Теорию Сердцевины», сделал обширную территорию от Восточной Европы и Центральной Азии до Центральной Сибири «сердечным краем». Так Центральная Азия стала фактором возникновения современной геополитической теории. По мнению Маккиндера, Центральная Азия и соседние регионы были центром национальной политики, удаленным от моря и недоступным для стран, обладающих морской мощью. Это привело к разработке знаменитой «теории сухопутной власти».

Центральная Азия расположена на пересечении дорог, соединяющих Азию, Европу, Ближний Восток и Южную Азию, и какая бы великая держава¹⁶⁴ ни стремилась к власти, она попытается включить этот регион в сферу своего влияния. Например, империя Александра Македонского, Тюркская, Персидская, Арабская империи, династии Хань и Тан, Монгольская империя, династия Цин, царская Россия и другие соседние режимы правили этим регионом или оказывали на него влияние. Итак, Центральная Азия всегда была местом борьбы. В 1991 г. после распада СССР пять бывших советских республик создали национальные республики и начали самостоятельно участвовать в международных делах. Поскольку Центральная Азия являлась и остается основным транспортным маршрутом в Евразии, регион по-прежнему играет важную роль в торговле и экономической глобализации. После окончания холодной войны Россия, ставшая правопреемником большей части политического наследия СССР, была слишком занята, чтобы уделять внимание этим бывшим советским республикам. В результате в Центральной Азии образовался вакуум власти, и ведущие мировые державы обратили на этот регион внимание в попытке получить свою долю пирога, в результате чего регион превратился в место ведения игр великих держав. В данной работе мы попытаемся проанализировать отношения нескольких крупных

¹⁶⁴ Великая держава – это государство, за которым признается способность использовать собственное политическое, военное, технологическое или экономическое влияние на глобальном уровне. Большая российская энциклопедия // Великая держава. [Режим доступа]: <https://bigenc.ru/c/velikaia-derzhava-620c48> (дата обращения: 16.06.2024).

держав с Центральной Азией и их политику в отношении Центральной Азии с точки зрения геополитики и игр великих держав.

1) Россия – сложный выбор между лидерами и партнерами.

В игре великих держав в Центральной Азии Россия, в силу исторических и географических факторов, несомненно, является стороной с большими преимуществами. После распада Советского Союза страны Центральной Азии находятся в состоянии сильной зависимости от России с точки зрения безопасности и экономики, и Россия является первым дипломатическим приоритетным направлением для стран Центральной Азии.

Существует две широкие модели отношений России с со странами СНГ: децентрализация и интеграция. Первая модель включает нейтральные страны, такие как Туркменистан. Ко второй относятся отношения России с Беларусью, Арменией, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном; Узбекистан, важная страна в Центральной Азии, отличающаяся тем, что в разное время переходила от политики децентрализации к интеграции в зависимости от своей внутренней и внешней дипломатической ситуации, и на данный момент Узбекистан следует отнести к интеграционному типу. Можно сказать, что Россия всегда была неразрывно связана с Центрально-Азиатским регионом, который, в свою очередь, тесно связан с Россией и является основой ее великодержавного возрождения.

После окончания холодной войны у России было желание каким-то образом интегрироваться с Западом, однако Запад сжимал геостратегическое пространство России либо путем неконституционного захвата власти, либо путем одноуровневой гегемонии через расширение НАТО и Европейского Союза на восток. Реальность заставила Россию признать тяжелую международную политическую ситуацию и скорректировать свою дипломатическую стратегию. В Концепции внешней политики Российской Федерации 2000 года было четко сказано, что «основное внимание будет уделяться развитию добрососедских и дружественных отношений со странами СНГ и формированию партнерства стратегического взаимодействия с

этими странами»¹⁶⁵. В ноябре 2002 года Президент России Владимир Путин заявил, что эпоха стратегического отступления России после распада Советского Союза закончилась. России необходимо восстановить свои зоны стратегических интересов в рамках договоров и соглашений. С тех пор Россия сосредоточила свою стратегию на постсоветском пространстве, а также на соседних странах, и она будет продолжать делать это в обозримом будущем. Благодаря своему географическому положению и равнинной открытой местности Россия с древних времен выработала свой собственный взгляд на безопасность, признав необходимость наличия буферных зон. Но затем произошли «цветные революции» на Украине, в Грузии и Кыргызстане. С двойным расширением ЕС и НАТО на восток все больше стран Восточной Европы, включая страны СНГ, поворачивается лицом к Западной Европе, а некоторые присоединились или выразили желание присоединиться к ЕС или НАТО. Украинская проблема, сохраняющаяся с конца 2013 года, сделала возможность евразийской интеграции Украины под руководством Москвы практически несуществующей. Для России потеря большого количества геостратегических буферных государств в пользу Запада делает недопустимой потерю ее традиционной буферной зоны в Центральной Азии. В результате состояние внешних геополитических «столпов», расположенных в северном Казахстане и на левом берегу Украины, имеет для России не меньшее значение¹⁶⁶. Теперь уже нет сомнений в том, что Центральная Азия, традиционный регион российского влияния, стала важной опорной зоной для возрождения России.

Для России построение сильного государства невозможно без поддержки и гарантий со стороны Центрально-Азиатского региона. Со стратегической точки зрения, для России чрезвычайно важно иметь стабильное место в этом регионе. Центральная Азия гарантирует доступ к Китаю, Индии и мусульманским странам Востока (где ислам является доминирующей религией), а также присутствие

¹⁶⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации 2000г. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://constitutions.ru/?p=23595> (дата обращения: 17.07.2024).

¹⁶⁶ Масат С. Геополитические модели стратегии и внешняя политика России в Центральной Азии. // Центральная Азия и Кавказ. 2014, 4 (17). С. 41.

России в традиционных зонах ее жизненно важных интересов. Как отметил министр иностранных дел Сергей Лавров на пресс-конференции в 2019 году: «Для России Центральная Азия – это исторически определенная зона интересов, важный партнер для привилегированного сотрудничества в военно-политической, торгово-экономической, культурной и гуманитарной сферах, а также для обеспечения общей безопасности евразийских стран с юга»¹⁶⁷. Поэтому вполне естественно, что Центральная Азия будет занимать одно из первых мест во внешнестратегическом выборе России. В целом, интересы России в Центральной Азии можно разделить на следующие категории:

(1) Международное признание ключевой роли Российской Федерации в регионе.

(2) Обеспечение региональной стабильности на основе соглашений о сотрудничестве со странами региона.

С момента начала «арабской весны» в конце 2010 года мир претерпел значительные изменения: региональные войны, экстремизм и террористические организации привели мир в эпоху сильной турбулентности. Частые обвалы мировых цен на нефть также обусловили большую неопределенность в отношении будущего глобального политического и экономического ландшафта. Текущая международная политическая ситуация окажет решающее или преобразующее влияние на будущую судьбу многих стран мира. В эти необычные времена Россия должна в первую очередь обеспечить стабильность, чтобы продолжить развитие. Поэтому с началом специальной военной операции на Украине российский народ пришел к единому мнению о необходимости поддержания стабильности в Центральной Азии для достижения устойчивой политической стабильности в стране.

Безопасность и стабильность в Центральной Азии необходимы России для создания благоприятного соседства для собственного развития. Главный интерес России в Центральной Азии заключается в поддержании стабильности в регионе и

¹⁶⁷ Опарин В.И. Политика США в Центрально-Азиатском регионе в контексте национальных интересов России. // Проблемы национальной стратегии. 2023. № 4 (79). С. 37.

предотвращении эскалации межэлитных конфликтов и гражданских беспорядков¹⁶⁸. А сейчас главным стратегическим приоритетом России является противодействие религиозному экстремизму, поддерживаемому рядом негосударственных религиозно-политических групп в Афганистане, Пакистане, Саудовской Аравии и т.д. Кроме того, влияние России как многонационального светского государства присутствовало в регионе еще в советский период. Сохранение этих устоявшихся традиций, сложившихся за долгий исторический период, не менее важно для России. В то время Россия стремилась к полной (включая политическую, экономическую и военную) интеграции СНГ и хотела быть единственной доминирующей державой в этой организации. Однако «цветные революции» и двойное расширение ЕС и НАТО на восток затруднили реализацию российской стратегии полной интеграции в регионе СНГ. Ослабление лидерских позиций России заставило ее довольствоваться вторым вариантом, а именно активным продвижением стратегии субрегиональной интеграции, что стало ясно из указа, подписанного Владимиром Путиным после его переизбрания на пост Президента Российской Федерации 7 мая 2012 года, когда он заявил, что главной целью российской дипломатии является создание благоприятных внешних условий для долгосрочного устойчивого развития страны. Субрегиональная интеграция с Центральной Азией – важный шаг на пути к этой цели. А объединение такой огромной страны, как Россия, и ее среднеазиатских соседей, если процесс экономического сближения будет постепенным и хорошо структурированным, принесет несомненные выгоды, которые помогут создать широкий внутренний рынок и жесткую конкуренцию на внешних рынках¹⁶⁹. Поэтому 1 января 2015 года в результате подписания Договора о ЕАЭС между Россией и еще четырьмя странами – Казахстаном, Беларусью, Кыргызстаном и Арменией – был создан Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Цель Союза – создать к 2025 году единый рынок товаров, услуг, капитала и рабочей силы и проводить согласованную

¹⁶⁸ Чазов О.П. Интересы и политика России в Центральной Азии в новых геополитических условиях. // Обозреватель. 2012, 5(268). С. 40.

¹⁶⁹ Литвинова Т.Н. Россия в большом евразийском партнерстве: от цивилизационной теории к политической практике. // Право и управление. XXI век. 2020, 16(2). С. 36.

экономическую политику. С момента создания Евразийский экономический союз достиг определенных успехов в плане внутренней интеграции и развития отношений с внешним миром, а также стал для России важным механизмом взаимодействия в укреплении регионального экономического сотрудничества со странами Центральной Азии.

В сентябре 2022 года президент России Владимир Путин принял участие в седьмом Восточном экономическом форуме и выступил с речью, в которой утверждал, что страны Азиатско-Тихоокеанского региона стали глобальным центром технологического роста и притяжения. По мере того как отношения России с Западом продолжают ухудшаться, «поворот на Восток» стал для нее реальным выбором¹⁷⁰. На фоне конфликта между Россией и Украиной страны Центральной Азии испытывают сильное внутреннее и внешнее давление. Они осознали, что стратегия прагматического баланса и диверсифицированного развития является более целесообразной для развития стран и регионов Центральной Азии в настоящее время, и поэтому активно расширяют экономическое и военное сотрудничество с США и странами Запада. В результате Центральная Азия стала центром усилий России по привлечению, поддержанию и укреплению региональной безопасности и недопущению попадания в центр враждебной ситуации¹⁷¹. В октябре того же года на первом саммите Россия — Центральная Азия, проходившем в Астане, президент России Владимир Путин в своем выступлении заявил, что надеется на укрепление сотрудничества с ЦА, расширение форм диалога и сфер взаимодействия со странами ЦА¹⁷². Как видно, роль стран Центральной Азии в российской стратегии «Поворот на Восток» заметно возросла.

В силу особых условий, созданных историей, страны Центральной Азии,

¹⁷⁰ Президент принял участие в пленарной сессии Восточного экономического форума. Тема ВЭФ-2022 – «На пути к многополярному миру». 07.09.2022. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://kremlin.ru/events/president/news/69299> (дата обращения: 11.11.2024).

¹⁷¹ 李睿思, 高辛. 俄罗斯“向东看”战略调整对中国与中亚国家经济合作的影响. // 欧亚经济, 2024 年第 5 期. 第 75 页. (перевод: Ли Ж., Гао С. Влияние стратегии России «Поворот на Восток» на экономическое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии. // Евразийская экономика, 2024, №5, с. 75.)

¹⁷² Владимир Путин принял участие во встрече глав государств – участников первого саммита Россия – Центральная Азия. 14.10.2022. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://kremlin.ru/events/president/news/69598> (дата обращения: 11.11.2024).

активно поддерживая традиционные связи с Россией, унаследованные от советского периода, в то же время крайне настороженно относятся к сохранению и расширению контроля России над Центральной Азией. Они относятся к возглавляемым Россией региональным интеграционным организациям со сложной двойственностью. С одной стороны, страны Центральной Азии надеются расширить пространство своего экономического развития с помощью российского рынка и ресурсов и преодолеть риски экономического развития, с которыми они сталкиваются сегодня; с другой стороны, они обеспокоены постепенно усиливающимся экономическим и политическим контролем со стороны России и постепенным подчинением ей. Некоторые ученые считают, что если Российская Федерация попытается доминировать в странах Центральной Азии, пренебрегая их национальными интересами, это крайне неблагоприятно скажется на возможности улучшения двусторонних отношений¹⁷³. Поэтому, когда Россия будет выбирать свою политику в отношении стран Центральной Азии и развивать проект интеграции России и Центральной Азии, ей также придется делать тщательный выбор между лидерством и партнерством.

2) Китай – важная движущая сила экономики.

Политика Китая в Центральной Азии является частью его глобальной внешней политики. Эта базовая программа напрямую определяет стратегическое направление Китая в регионе. Китай рассматривает соседнюю Центральную Азию как свой «большой задний двор». Для Китая этот регион представляет важные стратегические интересы. Стратегия Китая в регионе может быть кратко изложена следующим образом:

1. Обеспечение стабильности в западных провинциях Китая.

Как известно, Китай имеет общую границу протяженностью 3700 км с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. Регион Центральной Азии постоянно подвергается нападкам экстремистского и террористического характера извне, более того, внутри региона также активно действуют экстремистские

¹⁷³ Андиржанова Г.А. Формирование политики России в региональных институтах Центральной Азии. // Narxoz law and public policy. 2020, 1(1). С. 65.

группировки, такие как «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ)¹⁷⁴, «Исламское движение Туркестана» (ИДТ)¹⁷⁵ и «Посланник Аллаха» (Мухаммад)¹⁷⁶. Мало того, что эти организации подрывают мир и стабильность в Центральной Азии, существует также риск их распространения за пределы региона. В приграничных районах северо-западного Китая проживает большое количество этнических меньшинств, некоторые из которых являются представителями трансграничных этнических групп. Эти этнические группы имеют тот же или схожий язык, культуру, историю и верования, что и жители стран Центральной Азии, и очень уязвимы для влияния террористических и экстремистских сил. Поэтому, помимо Тайваня, который пытается расколоть страну, северо-западный регион считается самой большой угрозой для стабильности, суверенитета и целостности Китая¹⁷⁷. С точки зрения китайской стороны, мирный и стабильный регион Центральной Азии отвечает реалистичным интересам Китая, а объединение усилий с Центральной Азией для борьбы с терроризмом, экстремистской религиозностью и сепаратизмом является основой сотрудничества между двумя сторонами и ядром стратегии Китая в отношении Центральной Азии.

2. Поддержание экономических отношений с регионом Центральной Азии.

Укрепление торгово-экономических отношений со странами региона способствует развитию западного региона Китая. С момента реализации стратегии «Развитие Запада» западный регион Китая достиг значительного развития, но между ним и восточной частью страны все еще существует большой разрыв. В настоящее время общая тенденция ослабления мировой экономики остается неизменной. Вывод большого количества иностранного капитала в результате мирового экономического кризиса значительно замедлил экономическое развитие восточного Китая, что неизбежно скажется на поддержке, оказываемой восточной частью Китая западной части страны. Из-за удаленности от основных мировых морских путей экспорт на основные мировые рынки стал для западного региона

¹⁷⁴ Организация признана террористической и запрещена в Российской Федерации.

¹⁷⁵ Организация признана террористической и запрещена в Российской Федерации.

¹⁷⁶ Организация признана террористической и запрещена в Российской Федерации.

¹⁷⁷ Игитян М.Ю. Китайская внешняя политика в Центральной Азии и интересы России. // Власть. 2019. № 3. С. 251.

очень сложным. Поэтому Китаю тем более необходимо опираться на свои географические преимущества и активно развивать экономическое сотрудничество с Центральной Азией, чтобы развивать западную экономику. Страны Центральной Азии – идеальный рынок. На сегодняшний день объем прямых инвестиций Китая в пять стран Центральной Азии превышает 15 миллиардов долларов. Китай реализовал большое количество совместных проектов, таких как Атырауский газохимический комплекс в Казахстане, Новая автомагистраль Север-Юг в Кыргызстане, строительство электросетей в Таджикистане, добыча природного газа в Туркменистане, тоннель железнодорожной линии Ангрэн-Пап в Узбекистане, которые способствовали двусторонней модернизации промышленности и принесли реальную пользу населению всех стран¹⁷⁸.

3. Обеспечение диверсифицированного доступа Китая к энергетическим ресурсам.

Ближний Восток и Россия являются важными источниками энергии для Китая. Учитывая стратегию «диверсификации импорта энергоносителей», богатые энергетические ресурсы Центральной Азии имеют большое значение для Китая. Будучи близким соседом, Китай имеет возможность напрямую транспортировать нефть и газ по сухопутным трубопроводам. Газопровод Китай – Центральная Азия, введенный в эксплуатацию в 2009 году, только по состоянию на 2022 год поставлял в Китай более 40 миллиардов кубических метров газа¹⁷⁹. Центральная Азия также граничит с Ираном, одним из ключевых источников энергии для Китая, поэтому энергетическое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии становится еще более значимым, учитывая, что в будущем трубопроводы из Центральной Азии могут быть протянуты на север Ирана.

¹⁷⁸ 织密经贸往来 共谋繁荣发展——中国—中亚国家经贸合作开启新篇章. (перевод: Переплетая экономические и торговые обмены и стремясь к общему процветанию и развитию - китайско-центральноазиатское экономическое и торговое сотрудничество открывает новую главу. Центральное народное правительство Китайской Народной Республики.) 20.05.2023. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202305/content_6875214.htm (дата обращения: 23.07.2024).

¹⁷⁹ 中亚天然气管道今年向我国输气超 400 亿方. (перевод: Центральнаазиатский газопровод поставит в Китай более 40 миллиардов кубометров газа в этом году. Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. 28.11.2022.) [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://www.gov.cn/xinwen/2022-11/28/content_5729223.htm (дата обращения: 23.07.2024).

4. Создание транспортных коридоров.

Центральная Азия важна для Пекина как ключевой транспортный коридор, который может гарантировать Китаю сухопутный доступ к Ирану и Европе. В XXI веке Китай приступил к реализации стратегии «На запад», в рамках которой он надеется превратить свою некогда пассивную стратегию в отношении Центральной Азии в активную и самостоятельную стратегию развития. В отличие от Восточной Азии, между Китаем и странами Западного Китая (за исключением Индии) меньше конфликтов, и потенциал для конфронтации или конфликта практически отсутствует. Это благоприятствует реализации стратегии автономного развития Китая. Согласно концепции стратегии «На запад», Китай стремится к многомерному и всестороннему сотрудничеству со странами Центральной Азии, Каспийского моря, Южной Азии, Ближнего Востока и других регионов в области политики, экономики, энергетики, культуры, безопасности, этнической и других сферах. Соответственно, важной частью стратегии Китая является укрепление и расширение роли Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), планирование и строительство Экономического пояса Шелкового пути совместно со странами региона, а также содействие строительству автомобильных и железных дорог, нефте- и газопроводов и другой инфраструктуры в Центральной Азии.

В последние годы Китай и страны Центральной Азии начали устанавливать и укреплять свое стратегическое партнерство и уделять больше внимания региональному и многостороннему сотрудничеству. В 2011 году Китай и Казахстан объявили об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства. В 2012 году Китай установил стратегическое партнерство с Узбекистаном, а в 2013 – с Таджикистаном, Туркменистаном и Кыргызстаном, достигнув полного охвата стратегических партнеров в Центральной Азии. В 2016 году Китай установил всеобъемлющее стратегическое партнерство с Узбекистаном. В 2017 году – с Таджикистаном. В 2019 году – с Казахстаном. 2023 В январе Китай объявил о начале всеобъемлющего стратегического партнерства с Туркменистаном, а в мае – с Кыргызстаном. Всего за несколько лет Китай и страны Центральной Азии

достигли значительного повышения уровня своего добрососедского сотрудничества. В рамках всеобъемлющего стратегического партнерства сотрудничество двух сторон стало более долгосрочным, стабильным и предсказуемым, они твердо поддерживают друг друга в вопросах, касающихся национального суверенитета, территориальной целостности, безопасности и стабильности и других основных ключевых интересов, и противостоят иностранному вмешательству. В то же время, они придают большее значение укреплению координации в региональных и международных делах и противостоят силовой политике и гегемонистскому поведению.

Перед лицом региональных беспорядков и конфронтации между ведущими державами Китай и страны Центральной Азии совместно выступают за укрепление безопасности и развития через многостороннее практическое сотрудничество и достижение общего процветания стран региона. ШОС и механизм сотрудничества «Китай+5 государств Центральной Азии» постоянно обновляют концепции сотрудничества и корректируют цели сотрудничества в соответствии с реалиями региона, в то же время придерживаясь принципа открытости, не ориентируясь на третьи стороны, выступая за создание сети партнерств и устанавливая тесные связи со многими важными международными организациями и многосторонними механизмами, продвигают сотрудничество в различных областях. Государства-члены смогли полноценно общаться по региональным вопросам и поддерживать друг друга на международной арене, а характер сотрудничества становится все более насыщенным.

18-19 мая 2023 года в древней столице Китая Сиане состоялся первый саммит «Китай – Центральная Азия», на котором главы государств шести стран подписали Сианьскую декларацию и приняли перечень итогов саммита, что открывает новый план будущего развития всестороннего стратегического сотрудничества Китая со странами Центральной Азии и знаменует собой важную веху в истории отношений Китая со странами Центральной Азии. В своей речи Председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что для построения сообщества судьбы между Китаем и

Центральной Азией необходимо настаивать на четырех вещах: взаимопомощи, общем развитии, всеобщей безопасности и дружбе поколений¹⁸⁰. В Сианьской декларации особо подчеркивается, что стабильная, развивающаяся и процветающая Центральная Азия отвечает общим интересам шести стран и народов всего мира. Десятую годовщину инициативы «Пояс и путь» было решено использовать как новую отправную точку для укрепления взаимодействия и сотрудничества между инициативой «Пояс и путь» и дипломатическими инициативами и стратегиями развития, выдвинутыми странами Центральной Азии, с целью формирования новой модели сотрудничества, которая будет глубоко взаимодополняющей и в высшей степени беспримесной. Страны Центральной Азии высоко ценят и активно поддерживают инициативы Китая в области глобального развития, глобальной безопасности и глобальной цивилизации, и готовы укреплять диалог и сотрудничество в рамках многосторонних механизмов, таких как Организация Объединенных Наций, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), а также своевременно обмениваться мнениями и координировать свои позиции по горячим точкам в регионе и на международном уровне. В «Итоговом списке саммита Китай – Центральная Азия», опубликованном правительством Китая, стороны достигли в общей сложности 54 договоренностей и инициатив по сотрудничеству, включая создание механизма диалога, инициативы в рамках «Пояса и пути» и стратегий развития, а также сотрудничества в области экономики и торговли, транспорта и портов, сельского хозяйства, энергетики, культуры, образования, науки и техники, а также безопасности¹⁸¹.

На этапе сотрудничества между Китаем и Центральной Азией, в силу их собственной низкой стартовой позиции, страны Центральной Азии, как правило,

¹⁸⁰ 续写千年友谊 开辟崭新未来——习近平主席在西安主持首届中国 – 中亚峰会纪实. (перевод: Возобновление тысячелетней дружбы, открывающей совершенно новое будущее - президент Си Цзиньпин проводит в Сиане первый саммит Китай-Центральная Азия. Центральное народное правительство Китайской Народной Республики.) 21.05.2023. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202305/content_6875368.htm (дата обращения: 28.07.2024).

¹⁸¹ Итоги саммита Китай – Центральная Азия. Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. 19.05.2023. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202305/content_6875140.htm (на китайском) (дата обращения: 28.07.2024).

находились в плохом финансовом состоянии, с недостаточными валютными резервами и тяжелым долговым бременем. Китай обладает огромным потребительским рынком, а также может привлечь в страны Центральной Азии большое количество инвестиций и кредитов. Поэтому для стран Центральной Азии Китай является важным партнером в достижении диверсификации внешней торговли и привлечении инвестиций. Это большой толчок для экономического развития стран Центральной Азии.

3) США – гегемония в однополярном мире.

Будучи единственной мировой сверхдержавой, Соединенные Штаты формулировали свою региональную стратегию, исходя из цели сохранения своей глобальной гегемонии. После окончания холодной войны в результате геополитических изменений Центральная Азия стала новым регионом, что неизбежно привлекло внимание США по причинам глобальной экспансии и регионального соперничества. После распада Советского Союза одной из основных целей евразийской геостратегии США стало максимальное расширение своей сферы влияния, а расширение НАТО и контроль над Центральной Азией стали двумя основными шагами, предпринятыми США в рамках стратегии, направленной против России с целью достижения глобальной гегемонии, что привело к углублению российско-американского конфликта. Таким образом, Соединенные Штаты и Россия открыли прелюдию к игре с нулевой суммой в Центральной Азии. В отличие от глобальной стратегии США, формулирование политики Соединенных Штатов в Центральной Азии основывается на следующих факторах:

Во-первых, независимость стран Центральной Азии предоставляет Соединенным Штатам новые возможности для геополитических игр. Когда Центральная Азия была включена в состав царской России, внешним силам было трудно проникнуть в этот регион. Однако с окончанием холодной войны, особенно после распада Советского Союза, когда Казахстан и другие страны Центральной Азии обрели независимость, перед Соединенными Штатами открылась редкая историческая стратегическая возможность. США сделали Центральную Азию

одним из стержней своей евразийской геостратегии и полностью проникли в этот регион в политическом, экономическом и культурном плане. По словам Бжезинского, «геостратегическое значение этого региона для США совершенно очевидно: Соединенные Штаты находятся слишком далеко, чтобы быть доминирующей силой в этой части Евразии, но они слишком могущественны, чтобы не участвовать в делах этого региона»¹⁸². После терактов 11 сентября 2001 года американское правительство получило возможность разместить войска в Центральной Азии под предлогом борьбы с терроризмом, и США превратились из стороннего наблюдателя центральноазиатской игры в ее участника, что вызвало осложнение ситуации в Центральной Азии, и определенные страны начали новый виток геополитической конкуренции вокруг центральноазиатского региона. Известный американский ученый Фредерик Старр сказал в своей статье, опубликованной в Wall Street Journal: «В новую эпоху соперничества великих держав, предотвращение доминирования какой-либо страны в сердце Евразийского континента должно стать целью гранд-стратегии Соединенных Штатов»¹⁸³.

Во-вторых, преимущество энергетических ресурсов в Центральной Азии закладывает основу для геоэкономического соперничества между Соединенными Штатами и Центрально-Азиатским регионом. Как уже упоминалось ранее, Центрально-Азиатский регион обладает богатыми запасами энергетических ресурсов. Когда-то он был известен как второй в мире регион «Персидского залива», с очень богатыми запасами нефти и природного газа. Огромные запасы энергоресурсов в этом регионе привлекли внимание всего мира. По данным Службы энергетической информации США, доказано, что запасы нефти в Каспийском море составляют 48 миллиардов баррелей, а природного газа – 8,76 триллиона кубических метров. Континентальный шельф Каспийского моря изучен не полностью, а южная часть шельфа остается неисследованной из-за нерегулируемых морских границ Туркменистана, Ирана и Азербайджана.

¹⁸² Zbigniew K. Brzezinski. The grand chessboard. - New York: Basic books, 1997.

¹⁸³ S. Frederick Starr, Mike Doran, To Avert Disaster in Afghanistan, Look to Central Asia. American Foreign Policy Council. 12.07.2021 [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.afpc.org/publications/articles/to-avert-disaster-in-afghanistan-look-to-central-asia> (дата обращения: 24.05.2024).

Учитывая эти факторы, Геологическая служба США считает, что недра этого региона могут содержать еще 20 миллиардов баррелей нефти и 7,3 триллиона кубических метров природного газа¹⁸⁴. Благодаря своей близости к Европе и центральному географическому положению, Каспийский регион будет одним из главных факторов надежности энергоснабжения Европы. Поэтому приоритетной задачей США в Центральной Азии является обеспечение того, чтобы энергетический транспорт в Каспийском регионе мог прокладывать альтернативные маршруты в обход России¹⁸⁵. Если говорить о странах, то Казахстан – самая богатая в энергетическом и минеральном отношении страна, обладающая многими из крупнейших в мире месторождений полезных ископаемых и богатыми запасами нефти и природного газа. Туркменистан – влиятельный в мире производитель и продавец природного газа. Узбекистан известен своим хлопком, нефтью, газом и золотом. Таджикистан и Кыргызстан богаты минеральными и гидроэнергетическими ресурсами. После окончания холодной войны геоэкономика стала оказывать важное влияние на разработку региональных стратегий и внешней политики ведущих держав. В течение длительного обозримого периода времени нефть и газ будут оставаться источником силы для развития мировой экономики и самым важным энергетическим ресурсом в международной политической конкуренции. Энергетическая политика и геоэкономическая конкуренция вокруг Центрально-Азиатского региона, особенно Центрально-Азиатско-Каспийского региона, будут чрезвычайно интенсивными. Соединенные Штаты также вкладывают значительные средства в развитие энергетики в странах Центральной Азии, а в случае с Казахстаном большая часть инвестиций в его нефтегазовый сектор поступает из США¹⁸⁶.

И снова традиционные и нетрадиционные проблемы безопасности в Центральной Азии дают Соединенным Штатам предлог для участия в

¹⁸⁴ Виктор Катона. Нефть и газ Каспийского региона между Европой и Азией. РСМД. 17.08.2017. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/neft-i-gaz-kaspiyskogo-regiona-mezhdu-evropoy-i-aziey/> (дата обращения: 10.08.2023).

¹⁸⁵ Жильцов С.С., Зонн И.С. США в погоне за Каспием. - Москва: Международные отношения. 2009, С.193.

¹⁸⁶ Кокошин А.А., Кокошина З.А. Об основных направлениях внешнеполитической стратегии США в Центральной Азии. // Современная Европа. 2022, № 6. С. 136.

политических играх в Центрально-Азиатском регионе. С момента обретения независимости регион постоянно сталкивался с серьезными традиционными и нетрадиционными проблемами безопасности. Что касается традиционных проблем безопасности, то и гражданская война в Таджикистане, вспыхнувшая после обретения независимости, и до сих пор не разрешенные пограничные конфликты между странами, и проблема управления анклавами, и безопасность границы с Афганистаном представляют собой серьезные вызовы для безопасности Центрально-Азиатского региона. Что касается нетрадиционных вопросов безопасности, то особое беспокойство доставляют «три силы», угрозу представляют не только экстремистские террористические силы за пределами региона, такие как Аль-Каида¹⁸⁷ и ИГИЛ¹⁸⁸, но и деятельность экстремистских организаций внутри региона, таких как Ибн Зайдат¹⁸⁹, Движение Восточного Туркестана (ДВТ)¹⁹⁰ и Движение Уйгурского Туркестана (ДУУ)¹⁹¹. Это представляет собой важную угрозу для региональной безопасности. Поэтому проблемы управления безопасностью в Центральной Азии заставляют Бжезинского называть этот регион «Балканами Евразии». По мнению Соединенных Штатов, Центральная Азия является важной частью «дуги нестабильности». Соединенные Штаты обеспокоены тем, что силы религиозного экстремизма способны оказать серьезное влияние на «либеральные» и «демократические» ценности западных стран. Что еще более важно, регион Центральной Азии и Афганистана, по мнению Соединенных Штатов, является еще одним оплотом терроризма, уступающим только Ближнему Востоку. Поэтому для Соединенных Штатов Центрально-Азиатский регион играет особую роль в обеспечении безопасности США и всего западного мира. На самом деле, военные операции Соединенных Штатов в Афганистане объективно обуздали терроризм в Центральной Азии и сыграли положительную роль в безопасности и социальной стабильности региона. Более

¹⁸⁷ Организация признана террористической и запрещена в Российской Федерации.

¹⁸⁸ Организация признана террористической и запрещена в Российской Федерации.

¹⁸⁹ Организация признана террористической и запрещена в Российской Федерации.

¹⁹⁰ Организация признана террористической и запрещена в Российской Федерации.

¹⁹¹ Организация признана террористической и запрещена в Российской Федерации.

того, лидеры стран Центральной Азии стремятся сотрудничать с Соединенными Штатами в деле изгнания Талибы, поскольку все они хотят избавиться от беспокойного соседа. Многие лидеры также надеялись, что прямое военное сотрудничество с Соединенными Штатами превратится в козырь в сфере безопасности, т.е. что Вашингтон обеспечит им защиту от все более непопулярного режима. У режима Талибов нет друзей в Центральной Азии, потому что большинство лидеров видят в Талибанах угрозу идеологии их светского государства и считают, что Талибы терпим к национальным или международным террористическим группам, таким как Исламское движение Узбекистана (ИДУ) и Аль-Каида. Талибы не только предоставляли убежище на афганской территории этим террористическим организациям, но и давали им возможность проходить подготовку в учебных лагерях¹⁹². Для стран Центральной Азии это неприемлемо. Но с другой стороны, объективное управление безопасностью в Центральной Азии предоставляет Соединенным Штатам историческую возможность участвовать в игре великих держав в регионе.

Всеобъемлющая геостратегия является теоретической основой для формулирования региональной стратегии и внешней политики Соединенных Штатов в Центральной Азии. Стратегия Соединенных Штатов в Центральной Азии – это комплексная геостратегия. Ее теоретическими источниками являются главным образом три концепции: во-первых, традиционная геополитическая теория, представленная теорией «большой игры» З. Бжезинского. После окончания холодной войны доктрина Бжезинского использовалась при разработке стратегии и внешней политики США в Центральной Азии и в настоящее время является главной теоретической основой реалистической внешней политики Соединенных Штатов в этом регионе. Являясь традиционной геополитической доктриной теории сухопутной силы, концепция Бжезинского подчеркивает важность евразийского региона, включая Центральную Азию, в соперничестве великих держав и утверждает, что США должны бросить вызов доминирующему положению России

¹⁹² Яшлавский, А. Э. Вывод войск США из Афганистана и проблемы безопасности в Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 3(52). С. 98.

в Центральной Азии в превентивных целях. Во-вторых, важной теоретической основой для продвижения Соединенными Штатами регионального экономического сотрудничества в Центральной Азии является геоэкономическая теория, которая утверждает, что в мире формируется все больше конкурирующих региональных экономик. Для России Евразийский регион – это важный экономический регион доминирования, регион, который принял эксклюзивные региональные экономические меры и поведение во внешней среде, с фундаментальной целью России сформировать региональную экономику, в которой доминирует она сама, исключив других экстерриториальных игроков. Если Соединенные Штаты хотят добиться решающей победы в игре с Россией в Центральной Азии, им придется ослабить региональную экономическую базу, на которую опирается в своем развитии Россия. Кроме того, в целях конкуренции в борьбе за энергоресурсы и реализации собственных интересов США также поддерживают свои собственные энергетические компании, чтобы те активно входили в регион Центральной Азии и Каспийского моря и участвовали в энергетической игре в этом регионе. В-третьих, важной теоретической основой для продвижения Соединенными Штатами геокультуры в Центральной Азии стали «теория столкновения цивилизаций» и «теория демократии и мира». США рассматривают другие региональные культуры как отличные от западных культур с точки зрения игры цивилизаций с нулевой суммой и пытаются трансформировать другие регионы путем продвижения демократии. В Центральной Азии США разрабатывают свою геокультурную стратегию тем же способом и теми же средствами. В последние годы США оказывают большую помощь странам Центральной Азии в проведении демократических реформ, поддержании социального и экономического роста. Соединенные Штаты финансируют многие НПО, которые активно работают в Центральной Азии и организуют масштабные протесты против «авторитарных», по мнению США, местных правительств, и даже напрямую вмешались в парламентские выборы в Кыргызстане в 2020 году, одновременно пропагандируя в

СМИ теории демократии и свободы¹⁹³. Кроме того, Соединенные Штаты ежегодно вкладывают значительные средства в образование, укрепляя сотрудничество с высшими учебными заведениями в Центральной Азии и предоставляя стипендии местным студентам. В результате Соединенные Штаты не только продвигают так называемые ценности демократии и свободы в Центральной Азии, но и поддерживают цветные революции, что в конечном итоге оказывает серьезное негативное влияние на стабильность режимов в странах Центральной Азии и на региональную безопасность.

4) Турция – со-носитель культурных генов.

Благодаря своему особому геополитическому положению Запад стремился кооптировать Турцию во время холодной войны в качестве «оплота Востока для сдерживания и предотвращения советской экспансии в Средиземноморье, на Ближнем Востоке и в Персидском заливе»¹⁹⁴. Альянс с Западом обеспечил Турции большую военную помощь и помощь в области безопасности, что в определенной степени сохранило ее независимость. Однако, с другой стороны, долгосрочная прозападная политика также создала множество проблем для Турции и повлияла на ее отношения с незападными странами по соседству. Учитывая это, турецкое правительство постепенно корректировало свою внешнюю политику во второй половине холодной войны, уделяя все больше внимания развитию отношений с Советским Союзом, Китаем, странами Ближнего Востока и Африки и активно проводя многостороннюю дипломатию с целью укрепления независимого статуса страны. С XXI века, особенно после прихода к власти Партии справедливости и развития (далее «ПСР»), Турция «повернулась на Восток», что обусловило рост с ее стороны интереса к Центральной Азии.

Геополитическое положение Турции ослабло после окончания холодной войны, но появление большого количества новых независимых государств в Центральной Азии и на Кавказе предоставило Турции новое дипломатическое пространство.

¹⁹³ Юношкина А.С., Понька Т.И., Шаповалова К.А. Конкуренция мировых держав в Центральной Азии. // Международные отношения. 2021. № 2. С. 43.

¹⁹⁴ Huntington S.P. The clash of civilizations and the remaking of world order. - New York: Touchstone, 1997. P. 124.

Независимость этих стран стала для Турции источником большого воодушевления, и некоторые политики и ученые в стране рассматривают этот регион как регион, полный возможностей, как регион, на который Турция может оказать значительное влияние¹⁹⁵. На этом фоне Турция активно развивала обмены с государствами Центральной Азии. В политическом плане Турция первой признала независимость и посетила страны Центральной Азии, пообещав использовать свое членство в НАТО, чтобы помочь этим странам интегрироваться в Западный мир, возглавив создание «Саммита Организации тюркских государств» и усилив обмены на высоком уровне. В экономическом плане Турция предоставляет странам Центральной Азии долгосрочные кредиты под низкий процент и экстренную помощь, поощряет собственные предприятия инвестировать в Центральную Азию, а также играет активную роль в решении проблем разработки и транспортировки местного сырья и ресурсов. Всего за пять лет (2009–2014 гг.) объем торговли Турции со странами региона увеличился в два и более раз: торговля с Узбекистаном выросла на 200 %, с Туркменистаном – на 224 %, с Казахстаном – на 245 %, а с Кыргызстаном – на 283 %. Турецкий импорт утроился в Кыргызстане и продолжил расти в Туркменистане (рост в 2,4 раза), при этом общий объем импорта из Турции достиг рекордной отметки в 2235 миллионов долларов. Как уже упоминалось выше, экспорт Казахстана в Турцию значительно вырос (на 294 %, в основном за счет экспорта углеводородов); этот показатель также увеличился в 2,3 раза в Кыргызстане и почти в три раза в Узбекистане и Туркменистане¹⁹⁶. В культурном плане: для стран Центральной Азии началась бесплатная трансляция турецких телепрограмм через спутник; была запущена программа студенческого обмена под названием «Большой студенческий проект». В рамках этой программы, направленной на упрощение процедур подачи документов и поступления в турецкие высшие учебные заведения для студентов из стран Центральной Азии с целью сформировать поколение лояльной к Турции деловой и политической элиты,

¹⁹⁵ Aras B., Fidan H. Turkey and Eurasia: Frontiers of a New Geographic Imagination. // New Perspectives on Turkey, 2009, Vol. 40, Iss.1. P. 200-201.

¹⁹⁶ Султанов Ш.М. Геостратегия Турции в регионе Центральной Азии: провал политики пантюркизма и уроки экономического прагматизма. // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017, 9(2). С. 42.

тысячи молодых людей получили стипендии на обучение в Турции ¹⁹⁷ ; одновременно была оказана помощь в таких областях, как строительство мечетей и обучение духовенства в новых независимых государствах.

Хотя стремление Турции заполнить властный и идеологический «вакуум», образовавшийся после распада Советского Союза, и заменить Россию в качестве «лидера» Центральной Азии было пресечено отсутствием политического и экономического потенциала и и сильным «возвращением» России, этническая, языковая и культурная близость и взаимные потребности в политическом и экономическом развитии сделали первое десятилетие после окончания холодной войны периодом быстрого развития отношений между Турцией и странами Центральной Азии, и стремление Турции к региональному влиянию было в какой-то мере реализовано.

В 2002 году, после того как на всеобщих выборах в Турции победила исламистская партия ПСР, долгая история частой смены политических партий и государственных переворотов закончилась, и внутренняя политика страны стала более стабильной. В результате радикальных реформ правительства Р.Т. Эрдогана экономика Турции развивается устойчивыми темпами: в 2021 году темпы роста ВВП достигли максимума за два десятилетия и составили 11,4 %¹⁹⁸. По мере того, как чувство национальной гордости и дипломатическая уверенность турецкого народа росли благодаря повышению экономической мощи, а его желание добиваться статуса региональной и даже мировой державы становилось все более сильным, зародился «неоосманский» взгляд на дипломатию, и его сторонник Ахмет Давутоглу, тогдашний министр иностранных дел Турции, предложил концепцию «стратегической глубины». «Доктрина стратегической глубины» стала руководящей философией внешней политики ПСР, а Центральная Азия – основным целевым регионом этой политики.

Турция уже давно укрепляет свою «мягкую силу» в Центральной Азии,

¹⁹⁷ Сабов И.Н. Имиджевое позиционирование Турции в Центральной Азии: проблемы институционализации интеграции тюркского мира. // Журнал «Вестник КРСУ», 2021, № 3. С. 199.

¹⁹⁸ Turkey Full Year GDP Growth. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://tradingeconomics.com/turkey/full-year-gdp-growth> (дата обращения: 05.11.2024)

усиливая в регионе влияние своих собственных институтов, таких как Организация тюркских государств. Будучи самой могущественной тюркоязычной страной на сегодняшний день, Турция считает единство тюркоязычных народов своей обязанностью. В течение долгого времени создание Союза тюркоязычных стран, формирование нового политического союза с тюркоязычными странами Центральной Азии и, как следствие, создание новой геополитической карты трансевразийского континента с Турцией в качестве оси, рассматривались сменяющими друг друга турецкими правительствами как мощный козырь, позволяющий продолжать играть роль связующего звена между Востоком и Западом и повышать свой международный статус после окончания холодной войны.

Кроме того, Турция активно развивает свою культурную дипломатию со странами Центральной Азии. Культурная дипломатия в основном осуществляется в форме образовательных обменов, продвижения турецкого языка и культуры, а также укрепления религиозных обменов.

Образовательные обмены – одна из основных областей сотрудничества между Турцией и странами Центральной Азии и важное проявление «мягкой силы» Турции в регионе. До сих пор Турция открыла в Центральной Азии всего 64 учебных заведения, из которых 59 - школы и 5 - университеты. Среди этих университетов казахско-турецкий университет Ахмеда - Ясави и кыргызско-турецкий университет Манас являются Международными университетами. 15 января 2020 года президент Казахстана К. Токаев подписал президентский указ о предоставлении казахско-турецкому университету Ахмеда – Ясави особого статуса¹⁹⁹. Эти учебные заведения, работающие в основном на пожертвования турецких бизнесменов (около 2 миллионов долларов США в год)²⁰⁰. В 2022 году «Общая тюркская история», «Общая тюркская литература» и «география тюркского мира», подготовленная группой экспертов из Турции, Казахстана и Кыргызстана,

¹⁹⁹ Международному университету Ясави в Туркестане присвоили особый статус. 17.01.2020. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://rus.azattyq.org/a/turkish-schools-central-asia-considered-as-threat-to-regime/24919501.html> (дата обращения: 08.11.2024).

²⁰⁰ Желдыбаева А.Т. Стратегия "мягкой силы" как инструмент политики Турции в отношении Казахстана. // Дневник Алтайской школы политических исследований, 2018, № 34, с.78.

была официально включена в образовательные программы по истории школ в Турции, Казахстане, Кыргызстане и Азербайджане²⁰¹. Кроме того, в результате образовательных обменов активно продвигаются турецкий язык и культура.

После создания тюркоязычных организаций турецкий стал официальным языком этих организаций как само собой разумеющееся. Турция также придает большое значение роли средств массовой информации в продвижении языка и культуры и прилагает большие усилия для развития коммуникационных связей со странами Центральной Азии. В 1993 году Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию (ТИКА) организовало конференцию на тему «Роль СМИ в отношениях тюркоязычных стран», которая поощряла турецкие СМИ к поездкам в Центрально-Азиатский регион. Благодаря языковому сходству турецкие телепрограммы стали быстро продвигаться в странах Центральной Азии, а в 2015 году на 5-й сессии Совета сотрудничества тюркоязычных государств (СС ТЮРКСО) была принята резолюция о создании «Тюркской телевизионной станции» и «Центра обмена тюркской культурой и информацией». Деятельность этих медиа-организаций оказывает значительное влияние на продвижение турецкого языка и культуры.

Религиозные обмены также являются важным проявлением культурной дипломатии Турции в Центральной Азии. Опыт Турции в решении проблемы слияния традиций и современности привлекателен для пяти стран Центральной Азии, которые сразу после обретения независимости столкнулись с проблемой взаимоотношений между церковью и государством. После окончания холодной войны Управление по делам религии Турции, созданное в начале турецкой государственности, активно участвовало в деятельности культурной дипломатии, предоставляя странам Центральной Азии средства на религиозное образование, организуя обучение священнослужителей, жертвуя религиозные книги и материалы, строя мечети и открывая семинарии и т.д., и эта серия мероприятий значительно усилила влияние Турции в области религии в Центральной Азии²⁰².

²⁰¹ Азербайджан, Турция, Казахстан и Кыргызстан утвердили единые учебники. 26.06.2022. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://kazislam.kz/ru/azerbajdzhan-turciya-kazahstan-i-kyrgyzstan-utverdili-edinye-uchebniki/> (дата обращения: 08.11.2024).

²⁰² Неклюдов Н.Я. Мягкая сила на перепутье границ: к вопросу религиозно-культурного взаимодействия России, Турции и

Культурная дипломатия в региональной стратегии Турции в Центральной Азии приносит большие плоды. С одной стороны, повышается уровень знаний населения Центральной Азии, особенно молодого поколения, о турецком языке, культуре и истории, укрепляется их идентификация с культурой тюркоязычных стран и улучшается национальный имидж Турции. С другой стороны, студенты из стран Центральной Азии, получающие высшее образование в Турции или в турецких школах, становятся элитой в своих странах и играют важную роль в продвижении региональной стратегии Турции в Центральной Азии.

Выводы по первой главе

Таким образом, объединив теории, связанные с интеграцией и геополитикой, и проанализировав геополитику Центральной Азии, мы можем сделать следующие выводы.

1. Регион – это формирующаяся региональная субмеждународная система, направленная в первую очередь на экономическое и политическое сотрудничество.

2. Регионализм – это процесс, в ходе которого члены региона формируют единство посредством ассоциации с целью образования гармоничной и прочной региональной единицы. Региональная интеграция, основной единицей которой является суверенное государство, – это отношения, процесс и состояние дел.

3. Геополитика – это изучение или применение влияния политической и экономической географии на политику страны, национальную мощь, внешнюю политику и т.д.

4. Центральная Азия, представляя собой географическое понятие, также является культурным регионом и геополитическим понятием. В данной работе мы используем терминологию, которая была принята на саммите в Ташкенте в январе 1993 года, по которой регион «Центральная Азия» включает пять республик

Ирана в Грузии // Аспирантские тетради : сборник научных статей, Воронеж, 31 января 2018 года / Воронежский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». Том Выпуск 2. – Воронеж: Воронежский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2018. С.125.

бывшего Советского Союза: Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан и Таджикистан.

5. В игре великих держав в Центральной Азии Россия, несомненно, является стороной с наибольшими преимуществами. Россия – первый дипломатический приоритет для стран Центральной Азии. Однако в силу особых исторических условий страны Центральной Азии, активно поддерживая традиционные связи с Россией, унаследованные от советского периода, в то же время крайне настороженно относятся к сохранению и расширению контроля России над Центральной Азией. Поэтому, выбирая свою политику в отношении центральноазиатских государств, Россия также должна тщательно выбирать между лидерством и партнерством.

6. Политика Китая в Центральной Азии является частью его глобальной внешней политики. Эта базовая программа напрямую определяет стратегическое направление Китая в регионе. Китай рассматривает соседнюю Центральную Азию как свой геополитический буфер. Для Китая этот регион представляет важные стратегические интересы. Для Центральной Азии Китай является огромным потребительским рынком, а также возможностью привлекать большие объемы инвестиций и займов. Поэтому Китай для стран Центральной Азии является партнером по диверсификации их внешней торговли и привлечению инвестиций. Развитие отношений с Китаем – это большой толчок для экономического развития стран Центральной Азии.

7. Использование Центральной Азии для сдерживания развития Китая и России – важная часть дипломатической стратегии США, поэтому Центральная Азия стала одним из столпов евразийской стратегии США.

8. В течение долгого времени Турция развивала собственноручно созданную «Организацию тюркских государств» и другие институты в Центральной Азии, чтобы укрепить свою «мягкую силу» в регионе. Будучи самой могущественной тюркоязычной страной на сегодняшний день, Турция считает единство тюркоязычных народов своей обязанностью. Формирование нового политического

союза с тюркоязычными странами Центральной Азии и последующее создание новой геополитической карты трансевразийского пространства с Турцией в качестве оси рассматривалось турецкими правительствами как мощный козырь для сохранения роли связующего звена между Востоком и Западом и укрепления международного положения Турции после окончания холодной войны.

ГЛАВА 2. МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПОД РУКОВОДСТВОМ ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ

До обретения независимости пять центральноазиатских государств, находившихся под властью Советского Союза, формально были «суверенными республиками», но фактически они представляли собой лишь местные административные единицы, которые зависели от центрального правительства Советского Союза в вопросах выделения средств и субсидий для удовлетворения собственных потребностей в промышленных и продовольственных товарах, а также в обеспечении поставок энергии, сырья и сельскохозяйственной продукции. После распада Советского Союза пять среднеазиатских республик бывшего СССР превратились в страны, обладающие суверенитетом, став ближайшими соседями России. Как вести себя с этими пятью ближайшими соседями? Внутрироссийские западная и евразийская фракции развернули жаркие дебаты, в центре которых стоял вопрос о том, являются ли страны Центральной Азии «тяжелым бременем» или «близкими партнерами» России. Российская элита с ультралиберальными идеологическими взглядами рассматривала Запад как единственный стандарт ценностей и считала, что интересы западных стран совпадают с интересами России. Таким образом, главной целью российской внешней политики того времени была интеграция в евроатлантическое сообщество²⁰³. В конце концов, западная сторона, выступающая за «сброс экономического багажа», одержала верх и приняла ряд

²⁰³ Парамонов В., Строков А., Столповский О. Внешняя политика России в Центральной Азии: взгляд из Узбекистана // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 3(63). С. 124.

соответствующих мер. Политика «сбрасывания груза» сделала невозможным для стран Центральной Азии поддерживать отношения с бывшими советскими республиками и сохранять значительный уровень интеграции для обеспечения своих собственных интересов. В то же время, вторая волна региональной экономической интеграции, последовавшая за интеграцией 1950-х и 1970-х годов, привела к расцвету интеграции в Европейском Союзе, Северной Америке, Азиатско-Тихоокеанском регионе, Латинской Америке и Африке, что предоставило странам Центральной Азии множество моделей, на которых они могли учиться.

Эти две внутренняя и внешняя силы дали объективный импульс странам Центральной Азии как независимым, суверенным государствам начать укреплять внутрирегиональное сотрудничество, «соединяя силы» и объединяя усилия для самосовершенствования. В начале обретения независимости Казахстан и Узбекистан как лидеры Центральной Азии уделяли особое внимание институциональному развитию отношений, и в июле 1993 года было подписано решение об углублении интеграционных мер, за которым последовал ряд попыток создать механизм сотрудничества между странами Центральной Азии²⁰⁴. С другой стороны, в поисках межрегионального сотрудничества Центральная Азия обратилась к соседям и «дальним странам», укрепляя связи с Турцией, США и другими западными государствами и международными экономическими организациями, что повлекло за собой последовательное создание или участие в ряде организаций регионального сотрудничества, поставив страны Центральной Азии на путь региональной интеграции.

С типологической точки зрения, существует два основных типа региональных интеграционных организаций, в которых участвуют страны Центральной Азии: 1) внутрирегиональные интеграционные организации; и 2) межрегиональные интеграционные организации. Сдерживаемые и подверженные влиянию многих факторов, внутрирегиональные интеграционные организации, участниками

²⁰⁴ Хуррамов М.К. Теоретические аспекты двусторонних отношений между Узбекистаном и Казахстаном в 1991 - 2016 годах // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. 2022. № 2(139). С. 132-133.

которых являются страны Центральной Азии, не получили должного развития и в конечном итоге были вытеснены или поглощены другими организациями. Поэтому с геополитической точки зрения данная глава посвящена участию Центральной Азии в трансрегиональных интеграционных организациях, возглавляемых ведущими державами.

2.1. Программа «Большая Центральная Азия» и стратегия «Новый Шелковый путь» (США)

В марте 2005 года С. Фредерик Старр, директор Института Центральной Азии и Кавказа при Университете Джонса Хопкинса, опубликовал доклад под названием «Партнерство "Большой Центральной Азии" для Афганистана и его соседей». В этом докладе Старр впервые выдвинул идею создания региона «Большая Центральная Азия», центром которого является Афганистан, соединяющий пять стран Центральной Азии с Пакистаном и Индией в Южной Азии. «После 9/11 большая часть центральноазиатской стратегии США была сосредоточена на войне в Афганистане и не учитывала долгосрочные интересы и механизмы в Центральной Азии»²⁰⁵. В этот период в странах Центральной Азии произошел ряд политических изменений, и со второй половины 2005 г. Соединенные Штаты начали переосмысливать и корректировать свою стратегию в Центральной Азии. В январе 2006 г. госсекретарь США Кондолиза Райс, объясняя, что Госдепартамент США будет заниматься Центральной Азией, которая ранее принадлежала Европейскому бюро, сказала: «Это демонстрирует то, чего мы пытаемся достичь, то есть рассматривать этот регион как регион, который необходимо интегрировать»²⁰⁶. В феврале 2006 года США официально учредили Бюро по делам Южной и Центральной Азии и назначили Ричарда Баучера помощником Государственного секретаря по делам Южной и Центральной Азии. И на слушаниях в Конгрессе США по Центральной Азии Р. Баучер ясно дал понять, что «Южную и

²⁰⁵ Frederick Starr. A "Greater Central Asia Partnership" for Afghanistan and Its Neighbors. Central Asia - Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, March, 2005.

²⁰⁶ Condoleezza Rice, Remarks at the State Department Correspondents Association's Inaugural Newsmaker Breakfast, January 5, 2006. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2006/58725.htm> (дата обращения: 22.10.2023).

Центральную Азию следует рассматривать как единое целое»²⁰⁷.

В октябре того же года США запустили Инициативу по интеграции инфраструктуры Центральной Азии (Central Asian Infrastructure Integration Initiative, САИИ) с бюджетом в 1 миллион долларов для реализации Новой политики в Центральной Азии. САИИ, которой руководит Агентство по торговле и развитию США, ставит своей главной задачей «соединить Афганистан с остальным миром, восстановить и построить новую инфраструктуру между Центральной Азией и Южной Азией, а также повысить стабильность в регионе путем укрепления связей между людьми»²⁰⁸. Инициатива по интеграции инфраструктуры Центральной Азии подчеркивает развитие энергетической системы Центральной Азии для передачи электроэнергии в Афганистан и Пакистан, а также важность автомагистрали Алматы-Бишкек-Душанбе-Кабул-Карачи²⁰⁹. Из этого ясно, что США стремятся использовать Афганистан в качестве связующего звена между Центральной и Южной Азией и пытаются добиться этого путем продвижения транспортных и энергетических коридоров, которые будут проходить через Афганистан и соединять Центральную и Южную Азию. Примечательны в этом отношении визит президента Джорджа Буша в Пакистан в марте 2006 года и заявление президента Буша и президента Пакистана Мушаррафа о том, что они намерены «работать вместе с Афганистаном, чтобы Пакистан и Афганистан стали мостом между большим регионом Центральной Азии и Южной Азией»²¹⁰.

Ряд американских инициатив и заявлений показывает, что вместе с изменениями в восприятии Афганистана и Центральной Азии США начали рассматривать вопросы, связанные с Афганистаном, Центральной Азией, Пакистаном в комплексе, в рамках программы «Большой Центральной Азии», отводя Афганистану роль центра интеграции Центральной и Южной Азии и

²⁰⁷ 朱永彪,尹舒阳. 美国大中亚战略进入新阶段. // 国际观察, 2010 年第 5 期. 第 30 页. (перевод: Чжу Ю., Инь Ш. Стратегия США в отношении Большой Центральной Азии вступает в новую стадию. // Международное обозрение, 2010, (05), с.30.)

²⁰⁸ Central & South Asia Economic Integration. January 24, 2006. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.osce.org/files/f/documents/7/4/17821.pdf> (дата обращения: 23.10.2023).

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Joint Statement on United States-Pakistan Strategic Partnership. March 4, 2006. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/03/20060304-1.html> (дата обращения: 28.10.2023).

создании региона «Большой Центральной Азии». Эта региональная интеграция на самом деле является интеграционным процессом, обусловленным геополитическими ожиданиями Соединенных Штатов в отношении этих регионов (в основном Центральной Азии). Долгосрочная политическая цель этой программы интеграции – разрушить стратегическую монополию России над Центральной Азией, существовавшую с XIX века, путем установления тесных связей между Центральной и Южной Азией (а постепенно и с другими регионами) в области энергетики, транспорта, политики, экономики и культуры²¹¹. В конечном счете, будет создана новая геополитическая платформа, состоящая из стран, поддерживающих США и исповедующих рыночную экономику и светскую политическую систему, что позволит реализовать стратегические интересы США в регионе Центральной и Южной Азии.

Политика США в Центральной Азии в период правления Дж. Буша приняла основную идею «Программы Большой Центральной Азии» С.Ф. Старра, заключающуюся в том, чтобы превратить Центральную Азию из стратегической опоры для победы в войне с терроризмом в Афганистане в объект для достижения множества целей, включая региональную безопасность, экономические преобразования и «демократическую политику»²¹². Продвижение экономической интеграции в Центральной и Южной Азии стало основой и ключом к реализации этой комплексной региональной цели. В этой связи помощник Госсекретаря США Ричард Баучер в 2006 году ясно дал понять, что необходимо «создать экономическую систему, интегрирующую Центрально-Азиатский регион и Южно-Азиатский рынок». Мотивация такой связи между южноазиатскими рынками и Центральной Азией, которая приведет к экономической жизнеспособности и оживлению всего региона, заключается в том, чтобы шаг за шагом ослабить историческую зависимость Центральной Азии от России. Однако именно этот менталитет геостратегической игры, стремящейся оторвать Центральную Азию от

²¹¹ Бурханов А. Концепция "Большой Центральной Азии": проблемы и перспективы // Экономические стратегии – Центральная Азия. 2006. № 2. С. 56-59.

²¹² Richard A. Boucher, U.S. Policy in Central Asia: Balancing Priorities (Part II), April 26, 2006. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://2001-2009.state.gov/p/sca/rls/rm/2006/65292.htm> (дата обращения: 30.10.2023).

политического, экономического и культурного влияния России, с самого начала заставил страны Центральной Азии настороженно и с неприязнью относиться к программе «Большой Центральной Азии».

Страх перед Соединенными Штатами в Центральной Азии – один из факторов, препятствующих развитию программы «Большая Центральная Азия». Кроме того, историческое наследие Центральной Азии, конфликт между Индией и Пакистаном, а также отсутствие механизмов взаимного сотрудничества – все это создало проблемы для реализации программы «Большой Центральной Азии». Политическая ситуация в Центральной Азии, ситуация в Афганистане и реакция России и других крупных держав – факторы, которые будут сдерживать реализацию стратегии Соединенных Штатов «Большая Центральная Азия».

Прежде всего, возникает вопрос о целесообразности самой программы Соединенных Штатов. Проект «Большая Центральная Азия», направленный на интеграцию Центральной и Южной Азии экономическими средствами, сам по себе несколько идеалистичен. Все стратегические планы США сосредоточены на их собственных национальных интересах, и вместо того, чтобы сосредоточиться на помощи экономическому развитию стран Центральной Азии и содействии экономическому сотрудничеству между Южной и Центральной Азией, Соединенные Штаты больше всего озабочены тем, как обеспечить энергетическую безопасность в Центральной Азии. Чисто эгоистическая природа намерений Соединенных Штатов представляет собой серьезный недостаток в легитимности программы «Большая Центральная Азия».

Во-вторых, реалии Центральной и Южной Азии приводят к тому, что реализация программы Соединенных Штатов сталкивается с многочисленными препятствиями. Сложность ситуации в Афганистане затрудняет выполнение им своей ключевой роли в процессе «интеграции» Центральной и Южной Азии. Казахстан всегда поддерживал отношения сотрудничества с ведущими державами, кроме США, и ясно дал понять, что не готов жертвовать отношениями с Шанхайской организацией сотрудничества ради участия в программе «Большой

Центральной Азии» и что доминирование Соединенных Штатов в Центральной Азии нежелательно²¹³. Это также является причиной того, что Казахстан до сих пор не согласился на просьбу Соединенных Штатов о создании военной базы США на своей территории. Индия и Пакистан также заявили, что они не рискнут пожертвовать своими дружескими отношениями с Китаем и Россией ради участия в американской программе «Большой Центральной Азии».

В-третьих, отношения между странами Южной и Центральной Азии сложны и запутаны, а исторические проблемы, такие как религиозные конфликты, этнические противоречия и территориальные споры, серьезно препятствуют плавной реализации «Программы Большой Центральной Азии». Например, исторические обиды между Индией и Пакистаном, территориальные конфликты между Казахстаном и Узбекистаном, а также проблема арабо-пакистанской границы накапливались в течение долгого времени, а «авторитарные государства, такие как Туркменистан и Узбекистан, будут и дальше препятствовать интеграции Южной и Центральной Азии»²¹⁴.

В-четвертых, внешние факторы и международная ситуация также затрудняют реализацию программы «Большая Центральная Азия». Россия не будет бездействовать, пока в ее традиционной сфере влияния усиливается доминирование США; враждебные отношения между США и Ираном не сдерживают активное сотрудничество Ирана со странами Южной и Центральной Азии, особенно в области энергетики, и являются препятствием для полной реализации стратегии Соединенных Штатов в этом регионе²¹⁵;

Кроме того, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), созданная по инициативе Китая и России, получила подавляющее большинство положительных отзывов в Центральной Азии, что значительно снизило привлекательность инициативы «Большой Центральной Азии» (БЦА) для стран Южной и

²¹³ The Conference Report for the Kabul Conference on Partnership, Trade and Development in Great Central Asia, April, 2006. P.8-12.

²¹⁴ Richard A. Boucher. U.S. Policy in Central Asia: Balancing Priorities (Part II). // Hearing Before the Subcommittee on the Middle East and Central Asia of the Committee on International Relations House of Representatives, 109th Congress, Second Session, Serial No.109-186. U.S. Government Printing Office, Washington: 2006. P. 4.

²¹⁵ Тулепбергенова, Г. Проект Большой Центральной Азии: анализ состояния и эволюция // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 1(61). С. 90.

Центральной Азии. Таким образом, программа «Большая Центральная Азия», являющаяся важной частью глобального восстановления Соединенных Штатов, может помочь США в определенной степени восстановить свое прежнее положение и влияние в Центральной Азии, но доминирование в регионе остается недостижимым, так же, как и возможность для Соединенных Штатов полностью выйти из своего глобального затруднительного положения. Более того, некоторые эксперты считают, что американская программа «Большая Центральная Азия» не является фундаментально академической, как описывает ее Старр, и не является практическим проектом, запланированным Госдепартаментом США, и что она не способствует интеграции Центральной Азии²¹⁶. В итоге программа была отложена.

Дилемма, связанная с реализацией программы «Большая Центральная Азия» заставила правительство США пересмотреть свою прежнюю политику в отношении Центральной Азии, которая началась в 2008 году с приходом к власти Барака Хусейна Обамы. В 2008 году Барак Обама начал свой путь к президентству, и правительство США во время его правления уделяло Центральной Азии не меньше внимания, чем при Джордже Буше-младшем. В результате профессор С. Фредерик Старр предложил «Стратегию нового Шелкового пути», основанную на программе «Большой Центральной Азии», которая была быстро принята Госдепартаментом США.

В июле 2011 года Государственный секретарь США Хиллари Клинтон озвучила «Стратегию Нового Шелкового пути» во время своего визита в Ченнаи (Индия). В своей речи Хиллари Клинтон упомянула, что Новый Шелковый путь – «это не простая магистраль в прямом смысле этого слова, а международная сеть экономических и торговых связей. Это означает строительство дополнительных железнодорожных линий, автомагистралей, энергетической инфраструктуры, такой как предлагаемый трубопровод, который пройдет из Туркменистана через Афганистан и Пакистан в Индию. Это означает модернизацию оборудования на

²¹⁶ Проект «Большой Центральной Азии» и преемственность американской региональной стратегии. 23.10. 2023. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://casp-geo.ru/proekt-bolshoj-tsentralnoj-azii-i-preemstvennost-amerikanskoj-regionalnoj-strategii> (дата обращения: 16.09.2024)

пограничных переходах, такую как Индия и Пакистан сейчас осуществляют в Ваге. И это, безусловно, означает устранение бюрократических барьеров и других препятствий для свободного перемещения товаров и людей. Это означает отказ от устаревшей торговой политики, с которой мы все еще живем, и принятие новых правил актуальных для XXI века»²¹⁷.

Основной идеей «Стратегии Нового Шелкового Пути» остается создание геополитического блока Центральной Азии, тесно связанного с Южной Азией, с Афганистаном в центре²¹⁸. По сравнению с программой «Большая Центральная Азия», стратегия «Нового Шелкового Пути» ближе к историческим и культурным традициям центральноазиатского региона, что делает эту центральноазиатскую политическую программу более гибкой и конкретной. Кроме того, стратегия «Нового Шелкового Пути» принимает в качестве символа значение мира, общения, обмена и сотрудничества исторического Шелкового пути, который, кажется, имеет меньше цветов геополитической интеграции и стратегической игры великих держав.

Первое стратегическое намерение американской стратегии «Нового Шелкового пути» – интегрировать экономику Афганистана в региональную экономику, чтобы предотвратить вывод американских войск, когда Афганистан снова окажется под контролем экстремистов, и обеспечить стабильность Афганистана в «эпоху после вывода войск».

Также цель стратегии – минимизировать негативные последствия вывода войск, защитить интересы США в Афганистане в период после вывода войск, укрепить влияние Соединенных Штатов и сдержать влияние России и Китая²¹⁹. Как сказал заместитель госсекретаря США по экономическому росту, энергетике и окружающей среде Роберт Хорматс: «Вывод войск не означает отказ от

²¹⁷ Hillary Rodham Clinton. Remarks on India and the United States: A Vision for the 21st Century, July 20, 2011. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/07/168840.htm> (дата обращения: 07.11.2023)

²¹⁸ Mankoff Jeff. The United States and Central Asia after 2014. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, January 2013. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.csis.org/analysis/united-states-and-central-asia-after-2014> (дата обращения: 16.09.2024)

²¹⁹ Laruelle, M. The US Silk Road: geopolitical imaginary or the repackaging of strategic interests? // Eurasian Geography and Economics, No. 56(4), 2015, pp. 366.

Афганистана и региона»²²⁰. Р. Хорматс никогда прямо не говорил о том, какую роль будет играть Китай в американской версии стратегии Нового Шелкового Пути, а лишь упомянул, что Китай «играет историческую роль в регионе». После прихода к власти администрации Обамы громкое «возвращение в Азиатско-Тихоокеанский регион», «видение Нового Шелкового пути» – это лишь возвращение Соединенных Штатов в Азиатско-Тихоокеанский регион, рассматриваемый в качестве одного из стратегических направлений. Соединенные Штаты надеются, что с помощью корректировки афганской стратегии, от военной программы до концепции социально-экономического развития, они смогут укрепить свое влияние в регионе Центральной и Южной Азии и еще больше ослабить традиционное влияние России на этот регион. Кроме того, стратегия «Нового Шелкового пути» построит энергетический коридор на западных и южных границах Китая, в определенной степени ограничивая геоэкономическое притяжение Китая к этим регионам, и в определенной степени разрушит сплоченность Шанхайской организации сотрудничества, постепенно укрепляя статус США в качестве доминирующей силы в регионе.

Наконец, еще одна фундаментальная задача стратегии – способствовать улучшению отношений между Индией и Пакистаном и укреплять региональное сотрудничество в области безопасности. По мнению Соединенных Штатов, будущее Афганистана зависит от тесных экономических связей и сотрудничества с его соседями. Стратегия «Нового Шелкового пути» для трех стран: Индии, Пакистана и Афганистана обеспечивает хорошую платформу для сотрудничества, улучшения отношений и стабилизации ситуации в регионе. Стоит подчеркнуть, что успех США в Афганистане зависит от улучшения индийско-пакистанских отношений, а реализация «Нового шелкового пути» не только дает Индии и Пакистану новый способ решения их давних конфликтов, но и объективно способствует усилению доминирующей роли США в регионе.

США добились определенных «успехов» после активизации программы.

²²⁰ Robert D. Hormats, The United States 'New Silk Road Strategy': What is it? Where is it headed? September 29, 2011. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://www.state.gov/e/rls/rmk/2011/174800.htm> (дата обращения: 11.11.2023).

Обозначим эти достижения:

1. Активное содействие примирению между Индией и Пакистаном и успешное продвижение подписания первого двустороннего торгового соглашения между двумя странами.

2. Активная координация двусторонних отношений Пакистана и Афганистана, открытие новых товарных рынков и торговых коридоров для двух стран и продвижение официальной ратификации соглашения о транзитной торговле между Афганистаном и Пакистаном в 2011 году²²¹.

3) Продвижение внутривластных реформ в правительстве Афганистана, усиление помощи судебным, таможенным и другим институтам, а также создание внутренней среды, способствующей привлечению иностранных инвестиций.

4) Содействие строительству дорог и мостов между Афганистаном и Таджикистаном, а также финансирование соответствующих проектов по передаче электроэнергии из Центральной Азии в Афганистан.

5) Содействие строительству 1680-километрового газопровода ТАПИ между Туркменистаном, Афганистаном, Пакистаном и Индией, 44 % общей длины которого пройдет через территорию Афганистана.

6) Активное руководство созывом международных и региональных конференций по сотрудничеству, направленных на решение проблем Афганистана и развитие регионального сотрудничества, таких как Боннская, Стамбульская и Душанбинская конференции, с целью координации многосторонних отношений между Афганистаном и соседними странами, а также донорами помощи, и создания механизма для реализации стратегии «Нового Шелкового пути».

Тем не менее, афганская проблема, сопротивление стран Центральной Азии «политике демократии и прав человека», а также геополитическая игра, вызванная исключением традиционного влияния России, по-прежнему остаются дилеммами, которые трудно обойти при реализации стратегии «Нового Шелкового пути»²²².

²²¹ Rooh Ul Amin, Ghulam Muhammad Awan, Faryal Raheem. Critical Analyses of Pak-Afghan Transit Trade Agreement: Pakistan's Perspective // Research Journal of Social Sciences & Economics Review, Vol. 1, Issue 4, 2020, P. 425.

²²² 美国“新丝绸之路”计划的缘起、演变和发展前景. (перевод: Истоки, развитие и перспективы программы США «Новый шелковый путь».) 10.04.2015. [Электронный ресурс]. [режим доступа]:

Поэтому очевидно, что Соединенные Штаты, продвигая «Стратегию Нового Шелкового пути», столкнулись с тем же сопротивлением, что и при реализации программы «Большой Центральной Азии».

Будь то «Программа Большой Центральной Азии» или стратегия «Нового Шелкового пути», обе они направлены на развитие экономических и политических связей между Центральной Азией и Южной Азией, чтобы достичь региональной интеграции. Можно сказать, что эти интеграционные проекты Соединенных Штатов сыграли положительную роль на некоторых уровнях. Однако в значительной степени эти проекты являются примерами политики стратегического сотрудничества, и их положительное значение было подавлено эгоистической окраской стремления к региональному стратегическому превосходству. В результате программа «Большой Центральной Азии» и стратегия «Нового Шелкового Пути» при их фактической реализации в значительной степени отошли от предпосылок региональных прогнозов американских ученых во главе с профессором С.Ф. Старром и от первоначального намерения способствовать диверсификации геополитического ландшафта Центральной Азии. Данный факт был подвергнут резкой критике самим Старром²²³.

Можно сказать, что первоначальной целью этих проектов было содействие региональному экономическому сотрудничеству и созданию интегрированного регионального развития в Центральной и Южной Азии. Однако в ходе их практической реализации США все чаще демонстрировали политическую ориентацию, исключаящую неамериканские и западные силы и способствующую достижению политической цели – избавить страны Центральной Азии от традиционного российского влияния. Эта гегемонистская региональная стратегия корысти и прагматизма повлияла на объективное суждение Соединенных Штатов Америки о политическом и экономическом развитии Центральной Азии, и в конечном итоге привела к тому, что эти интеграционные проекты постепенно

https://xj.cnr.cn/2014xjfw/2014xjfwgjxw/20150410/t20150410_518285189.shtml (дата обращения: 16.09.2024)

²²³ Сафранчук И.А. Концепция «Новый шелковый путь» и американская политика в Большой Центральной Азии // Международная жизнь. 2013. № 7. С. 43–53.

утратили свои преимущества в «гонке» региональной интеграции²²⁴ и вызвали безразличие со стороны стран Центральной Азии.

2.2. Евразийский Экономический Союз (Россия)

По сравнению с другими региональными интеграционными организациями, Евразийский экономический союз считается молодой организацией, как с точки зрения институционализации, так и с точки зрения истории развития. После окончания холодной войны страны постсоветского пространства начали прилагать много усилий для развития региональной интеграции. Еще в 1994 году тогдашний президент Казахстана Нурсултан Назарбаев выступил с инициативой создания евразийской интеграционной организации, подобной Европейскому Союзу. В марте того же года, во время государственного визита в Россию, он развил эту инициативу в речи в Московском университете²²⁵. В октябре, на саммите СНГ в Москве, он представил проект создания Евразийского Союза, предложив учредить наднациональные конференционные органы. Однако это предложение не было поддержано большинством стран СНГ²²⁶.

После этого Назарбаев сместил акцент своей регионализации с постсоветского пространства на Центрально-Азиатский субрегион. В 1994 году Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан совместно создали Центрально-Азиатский Союз, главной целью которого было формирование единого экономического пространства для стран-участниц. В 1995 году Беларусь, Казахстан и Россия подписали «Договор о Таможенном Союзе»²²⁷, который должен был устранить барьеры для свободного экономического обмена между странами-участницами, обеспечить свободную торговлю и честную конкуренцию, и, в конечном итоге, обеспечить устойчивое развитие их экономик. Однако эта попытка региональной интеграции осталась

²²⁴ Американская стратегия "Новый Шелковый путь", 11.03.2019. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://parstoday.ir/ru/radio/programs-i99340> (дата обращения: 16.09.2024).

²²⁵ Назарбаев Н.А. Оригинальный текст выступления Н.А. Назарбаева 29 марта 1994 г. в Московском государственном университете. 28.04.2018. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://e-history.kz/ru/news/show/28540> (дата обращения: 18.09.2024).

²²⁶ Односталко О.В. Евразийская идея Н.А. Назарбаева: от теории к практике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11. С. 133.

²²⁷ Rumer Boris, Zhukov Stanislav. Central Asia: The Challenges of Independence. - New York: M.E. Sharpe. 1998.

лишь на бумаге, и не была реализована на практике.

26 февраля 1999 года Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация и Республика Таджикистан единогласно приняли решение о создании Таможенного союза и Договора об объединении экономических пространств²²⁸, а 10 октября 2000 года был подписан Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС)²²⁹, которое заменило прежний механизм Таможенного союза. Изначально предполагалось, что Евразийское экономическое сообщество установит общие внешние тарифы и гармонизирует нетарифные барьеры, но этот механизм не вышел за рамки ЗСТ²³⁰.

В 2003 году Беларусь, Казахстан, Россия и Украина приняли решение о создании единого экономического пространства, а их правительства разработали правовую базу для этой интеграции. Целью данной инициативы было создание единого экономического пространства, обеспечивающего свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Начало Оранжевой революции в 2004 году привело к отказу Украины от поддержки наднациональных интеграционных схем, ухудшению отношений с Россией и конфликту с Беларусью по вопросам энергетики²³¹, что в конечном итоге привело к приостановке соглашения.

В ответ на неудачу в создании интеграционных организаций под своим началом и для предотвращения развития интеграционных организаций под руководством государств Центральной Азии и противостояния центробежным тенденциям в Центральной Азии Россия выступила с инициативой присоединиться к интеграции на базе стран Центральной Азии, вступив в 2004 году в Организацию Центрально-Азиатского Сотрудничества (ЦАС)²³², которая прекратила свое существование в 2005 году в результате слияния с Евразийским Экономическим

²²⁸ Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 года. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://russia.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/sojuz/legal_acts/a8c7dec6793bf47e.html (дата обращения: 18.09.2024).

²²⁹ Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества. 09.10.2000. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://kremlin.ru/supplement/3402> (дата обращения: 18.09.2024).

²³⁰ Svetlana Glinkina, Russian Ideas on Integration within the CIS Space: How Do They Match or Clash with EU Ideas? // Institute for World Economics of the Hungarian Academy of Sciences, Working Paper No.182, 2008.

²³¹ 王志. 制度与规范——比较视野下中亚区域一体化研究. 北京: 社会科学文献出版社, 2021 年. (перевод: Ван Ч. Институты и нормы: исследование региональной интеграции в Центральной Азии в сравнительной перспективе. -Пекин: Издательство литературы по общественным наукам, 2021.)

²³² Там же.

Сообществом (ЕврАзЭС).

С 2007 года на постсоветском пространстве началась новая волна регионализации. В октябре 2007 года Беларусь, Казахстан и Россия объявили о создании таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества. Новый Таможенный союз отличается от Таможенного союза, созданного в 1995 году, тем, что его целью является продвижение интеграции региональной экономики, а также обеспечение свободного движения товаров и создание благоприятных условий для торговли внутри стран-участниц, а также между странами-участницами и третьими странами. В январе 2010 года Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России был официально запущен. 1 июля 2011 года Таможенный союз начал действовать, предусматривая введение единых таможенных тарифов, отмену таможенного оформления и таможенного контроля на внутренних границах России и Беларуси, устранение препятствий для перемещения товаров через границы России и Казахстана²³³, а также создание единого внешнего таможенного тарифа для всех трех стран с включением принятия общей торговой политики в отношении третьих стран, устранение тарифов и нетарифных барьеров и свободное перемещение товаров внутри Союза. Доля России, Беларуси и Казахстана в тарифных доходах Таможенного союза составляет 87,97 %, 4,7 % и 7,33 % соответственно, причем Россия занимает лидирующее положение²³⁴.

29 мая 2014 года государства-члены Таможенного союза и Единого экономического пространства совместно подписали Договор о Евразийском экономическом союзе²³⁵. Это соглашение ознаменовало начало интеграции и перехода проекта ЕАЭС в более новое и глубокое русло, а 1 января 2015 года Договор вступил в силу, и Евразийский экономический союз был официально

²³³ Начинает действовать Таможенный союз Белоруссии, России и Казахстана. 01.01.2010. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://ria.ru/20100101/202497616.html> (дата обращения: 18.09.2024).

²³⁴ 富景筠. 俄白哈关税同盟的历史演进、动因及前景——基于区域内贸易特点的视角. // 俄罗斯东欧中亚研究, 2014 年第 2 期. 第 24-31+95-96 页. (перевод: Фу Ц. Историческая эволюция, мотивы и перспективы создания российско-белорусско-казахстанского таможенного союза – взгляд на характеристику внутрирегиональной торговли. // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии, 2014, №2, сс. 24-31.)

²³⁵ Договор о Евразийском экономическом союзе. 29.05.2014. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://economy.gov.ru/material/file/2bbbf9ae33443d533d855bf2225707e/Dogovor_ees.pdf (дата обращения: 18.09.2024).

учрежден. 2 января того же года к Евразийскому экономическому союзу присоединилась Армения, а 8 мая было одобрено вступление Кыргызстана.

К настоящему времени Евразийский экономический союз добился значительных успехов, в том числе: объединения рынков энергетических, финансовых и транспортных услуг, разработки единых нормативно-технических стандартов, создания рабочих групп по интеграционному сотрудничеству и импортозамещению в промышленном секторе, свободного перемещения рабочей силы. С началом пандемии в 2020 году Союз стал играть еще более значительную роль. Так, Евразийская экономическая комиссия как наднациональный орган немедленно наложила запрет на экспорт средств индивидуальной защиты из стран-членов, ввела нулевые тарифы на импорт соответствующих медицинских товаров и сырья для производства, а также провела два саммита стран-членов для обсуждения совместных усилий по борьбе с эпидемией и восстановлению экономики. Можно сказать, что с точки зрения организационной работы, принятия решений, эффективности и влияния Евразийский союз занимает более заметное место по сравнению с другими организациями регионального сотрудничества на постсоветском пространстве. По мнению некоторых ученых, по уровню институциональной интеграции и макроэкономической конвергенции Евразийский экономический союз уступает только Европейскому Союзу и АСЕАН²³⁶.

Несмотря на общую бесперебойную работу Евразийского экономического союза с момента его создания и неуклонное продвижение интеграционных процессов, все еще существует явный разрыв между текущей ситуацией и ранее поставленными целями, на что в основном влияют следующие ограничения.

Во-первых, кадровая система и механизмы принятия решений на наднациональном уровне препятствуют преемственности соответствующей политики Союза и эффективности ее реализации. Ограничения кадровой системы выражаются главным образом в частой смене персонала чиновников министерского уровня, возглавляющих департаменты Исполнительного комитета Союза, и в

²³⁶ Bukalero L.A., Kaminskiy I.S. Development Prospects of The Eurasian Economic Union as a regional integrational organization. // Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations, 2022, №3, pp. 271-278.

серьезной нехватке сотрудников в самой Евразийской экономической комиссии. Это напрямую влияет на эффективность повседневной работы и удлиняет цикл согласования многих решений. В настоящее время каждый процесс принятия решений занимает год, и если Комитет экспертов за это время высказывает свое мнение, то на повторное рассмотрение уходит около двух месяцев, что существенно влияет на скорость, с которой Союз может продвигаться вперед по пути интеграции²³⁷.

Во-вторых, с точки зрения международной конкурентоспособности продукции, в краткосрочной перспективе трудно вырваться из нижнего эшелона глобальной цепочки создания стоимости из-за ограничений промышленного потенциала и структуры торговли стран-членов Союза. Что касается взаимной торговли внутри Союза, то в 2019 году, до начала эпидемии новой коронавирусной инфекции, согласно структуре продукции, наибольшая доля приходилась на продукцию из ископаемого топлива – 25,6 %, за ней следовали машины, оборудование и транспортная продукция – 19,9 %²³⁸. Что касается внешней торговли, то в 2019 году в структуре экспорта Союза преобладал экспорт промежуточной продукции с долей 87,5 %, 62,9 % из которых приходилось на экспорт энергетических товаров, а на экспорт инвестиционных и потребительских товаров приходилось лишь 2,1 % и 3,3 % соответственно. В соответствии с товарной структурой внешней торговли, экспорт топливных и минеральных продуктов являлся наиболее важным, на него приходилось 65,7 %. В структуре импорта Союза на инвестиционные товары приходилось 20,8 %; на потребительские товары – 32,4 %; на промежуточные товары – 42,8 %, 42,3 % из которых приходилось на неэнергетические товары. С точки зрения товарной структуры внешней торговли, машины, оборудование и транспортные товары являлись основными статьями импорта, составляя 44,3 % от общего объема импорта, за ними следовала химическая продукция, на которую

²³⁷ Ликвидация барьеров, ограничений и изъятий во взаимной торговле в ЕАЭС. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://economy.gov.by/ru/likv_izjatij-ru/ (дата обращения: 20.11.2023)

²³⁸ Статистика Евразийского экономического союза 2019 год (Статистический сборник). Евразийская экономическая комиссия. - Москва: Издательство ООО " Сам Полиграфист", 2020 г., С. 18.

приходилось 19,1 %²³⁹.

В-третьих, на уровне ведущих стран Союза собственная экономика России находится под сильным понижающим давлением, а ее способность к инвестициям и инновациям слаба, поэтому ей трудно удовлетворить интересы других стран-членов Союза в развитии их собственных экономик, и ее роль в движении процесса региональной интеграции в рамках Союза также весьма ограничена²⁴⁰. Положение усугубляется тем, что после начала украинского кризиса Запад ввел против России жесткие санкции, российская экономика была вынуждена перейти в состояние «военного времени», частично отказавшись от рыночного принципа, первым приоритетом стало обеспечение национальной безопасности, увеличилась доля государственной экономики и вмешательства государства в экономику, а дипломатическая логика приоритета безопасности над экономическим развитием стала более твердой. В результате темпы экономического роста в странах, входящих в коалицию, резко упали после начала проведения специальной военной операции. По прогнозу Всемирного банка на 2022 год: экономика России сократится на 11,2 %, Беларуси – на 6,5 %, Кыргызстана – на 5 %; в то время как темпы экономического роста Казахстана снизятся с 3,7 % до 1,8 %, а Армении – с 6,25 % до 1,5 %²⁴¹. По словам белорусского ученого Борнуковой, «влияние кризиса на Беларусь беспрецедентно по своим масштабам»²⁴².

В-четвертых, с точки зрения внутренней среды Евразийского экономического союза, Россия стала «центром притяжения» благодаря своему геополитическому и экономическому потенциалу, который значительно превосходит потенциал других государств-членов. В результате экономическое доминирование России было дополнено политическим доминированием в процессе реализации интеграции. Это

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ Мога И.С., Горбунова Л.П., Денисова А.В. [и др.]. Сдерживающие и подталкивающие факторы интеграции Евразийского экономического союза в условиях новейших вызовов глобальной экономики // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15, № 2. С. 3.

²⁴¹ Europe and Central Asia Economic Update, Spring 2022: War in the Region. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099517406012214353/pdf/IDU0e3baf4c505b0104d8e08bc9054428139f5ab.pdf> (дата обращения: 28.11.2023).

²⁴² Борнукова Е. Железный занавес может оказаться новой реальностью, 20 апреля 2022. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://thinktanks.by/publication/2022/04/20/katerina-bornukova-zheleznyy-zanaves-mozhet-okazatsya-novoy-realnostyu.html> (дата обращения: 28.11.2023).

вызывает опасения по поводу суверенитета других стран-участниц²⁴³. Чтобы региональная интеграция развивалась более эффективно, страны региона должны уступить больше суверенитета. Страны СНГ не так давно стали независимыми и ценят свое чувство суверенитета. Будь то политический или экономический суверенитет, страны очень осторожны, поэтому существование Евразийского экономического союза также сдерживается существованием настороженности в отношении его дальнейшего развития.

В-пятых, с точки зрения внешнего окружения, под влиянием экстерриториальных сил Евразийскому экономическому союзу не хватает сплоченности. Страны Евразийского экономического союза расположены в Центральной Азии, которая обладает очень важным географическим положением с сильным геополитическим и стратегическим значением. Этот регион богат энергетическими ресурсами и всегда находился в центре внимания международных сил. Влияние США и Китая на страны Центральной Азии, такие как Казахстан и Кыргызстан, также постепенно усиливается. В то же время, отношения России со многими европейскими странами нельзя назвать дружественными, а отношения России с США находятся на весьма низком уровне, большинство стран-членов Евразийского экономического союза проводят диверсифицированную внешнюю политику, и в целях развития собственной экономики осуществляют постоянное сотрудничество с Западом, укрепляют политические и экономические связи, активно участвуют во внешней политике Европы, США и других стран, не только в соответствии со своими собственными интересами, но и для того, чтобы их собственная диверсифицированная дипломатия шла гладко. Это отвечает их собственным интересам и в то же время обеспечивает плавное развитие их диверсифицированной дипломатии. В результате развитие Евразийского экономического союза сдерживается рядом событий, процесс замедляется, и даже подрывается попытками некоторых стран, стремящихся разрушить его.

Несмотря на внутреннее и внешнее давление на Евразийский экономический

²⁴³ Михайлова Н.В., Карпова К.Р. Проблемы евразийской интеграции: политические аспекты // Этносоциум и межнациональная культура. – 2021. – № 4(154). – С. 11.

союз, этот механизм является важным скрепом влияния России, и она не может позволить себе его потерять. Украинский кризис продемонстрировал решимость России защищать свои стратегические интересы. С момента своего создания Евразийский экономический союз имел сильные геополитические атрибуты, причем политика была важнее экономики. Все страны прекрасно понимают это и не хотят, да и не смеют, принимать политическое решение о «выходе» из Союза. Несмотря на то, что в Казахстане активно говорят о «выходе», Президент Казахстана заявил на Евразийском экономическом форуме в мае 2022 года, что у каждой организации есть проблемы того или иного рода, и что единство и сосредоточенность на развитии торгово-экономического сотрудничества в сложной международной ситуации «будет лучшим способом ответить на глобальные вызовы и достичь цели «будущего мира». Это будет гарантией «коллективного иммунитета» против глобальных вызовов²⁴⁴, что говорит о том, что «теория выхода» вряд ли может быть возведена в ранг государственной политики. Евразийский экономический союз будет продолжать существовать и развиваться.

В предстоящий период будущее строительство и развитие Союза будет сосредоточено на следующих направлениях.

Во-первых, Евразийский экономический союз продолжит углублять процесс региональной интеграции с целью превращения в один из центров более широкой модели интеграции в мире. В будущем акцент во внешней политике Союза будет сделан на построении Большого Евразийского партнерства под руководством России, которое послужит основой для продвижения интеграции Союза с инициативой Экономического пояса Шелкового пути, при дальнейшем укреплении сотрудничества с ключевыми партнерами и многосторонними международными организациями, такими как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Европейский Союз (ЕС), в области торговли, экономики и инвестиций, в сфере инфраструктуры,

²⁴⁴ Президент Казахстана принял участие в заседании Высшего Евразийского экономического совета. 27. 05. 2022. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.akorda.kz/ru/prezident-kazahstana-prinyal-uchastie-v-zasedanii-vysshego-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soveta-2742524> (дата обращения: 12.12.2023).

промышленных инноваций и транспорта²⁴⁵.

Во-вторых, будет вестись поиск новых точек экономического роста и повышения глобальной конкурентоспособности Союза за счет повышения общего потенциала научных исследований и инноваций. Будут продолжены усилия по повышению конкурентоспособности промышленной продукции Союза на мировом рынке и расширению глобального влияния Союза, прежде всего, путем создания Евразийской промышленной технологической платформы, которая будет консолидировать преимущества развития государств-членов Союза в области высоких технологий, а также проводить совместные научные исследования и развивать производство.

В-третьих, в процессе углубления интеграции будет продолжаться активная работа по устранению торговых барьеров между государствами-членами Союза и дальнейшему повышению взаимной открытости их экономик²⁴⁶. С этой целью в декабре 2019 года было подписано Распоряжение «О ходе работы по устранению государствами-членами Евразийского экономического союза барьеров, изъятий и ограничений в рамках функционирования внутреннего рынка Евразийского экономического союза», которое определяет конкретный прогресс и требования к устранению барьеров на внутреннем рынке Союза на следующем этапе. В то же время, устранение всех барьеров и ограничений между государствами-членами Союза стало ключевым положением Стратегии развития Евразийского экономического союза на период до 2025 года.

В-четвертых, поставлена задача активно строить основы общего рынка энергии в евразийской экономике и одновременно вкладывать больше средств в информатизацию и оцифровку Союза. Энергетический сектор Евразийского экономического союза долгое время был монополией, и содействие построению общего рынка энергии в Союзе означает, что монополия должна быть разрушена. В связи с этим Евразийскому экономическому союзу придется преодолеть множество

²⁴⁵ Транс-евразийская интеграция: Центральная Азия как ключ к региональной связности и устойчивому развитию. 16.09.2024. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://odkb-info.org/analitiks/6320/> (дата обращения: 18.09.2024).

²⁴⁶ Казакова А.В. Евразийская интеграция: препятствия для развития и пути их преодоления // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 4. С. 152.

трудностей и разработать новые рыночные правила, чтобы обеспечить создание общего рынка энергоносителей, включая нефть, газ и электроэнергию, к 2025 году. Кроме того, для обеспечения открытости, прозрачности, безопасности и эффективности в работе Союза Евразийская экономическая комиссия инициировала исследование по использованию и взаимному признанию действительности документов в электронном виде в контексте Евразийского экономического союза, также ведутся дискуссии о построении в рамках организации системы цифровых коридоров.

В-пятых, планируется усиливать координацию фискальной и монетарной политики, обеспечивать стабильность макроэкономической политики и углублять финансовое и инвестиционное сотрудничество. На фоне слабого роста мировой экономики и колебаний цен на энергоносители страны Евразийского экономического союза будут продолжать проводить разумную фискальную политику и сбалансированную кредитную политику, чтобы обеспечить устойчивое макроэкономическое развитие и стабильность валютного рынка. В то же время Евразийский экономический союз будет и дальше совершенствовать систему регулирования и норм общего финансового рынка для предотвращения системных рисков.

В целом, с точки зрения долгосрочной перспективы, глобальное влияние Союза останется весьма ограниченным, но он способен оказать глубокое воздействие на Евразийский регион, особенно на его центр.

2.3. Экономический пояс Шелкового пути (Китай)

2013 год стал важной вехой для активного продвижения Китая в Евразии (включая Европу). Китайское правительство объявило о следующем этапе своей дипломатической стратегии, основанной на экономической мощи и иностранных инвестициях.

7 сентября 2013 года председатель КНР Си Цзиньпин выступил с важной речью о «Развитии дружбы между народами и совместном создании прекрасного

будущего» в Назарбаев Университете в Казахстане, в которой он выступил за совместное строительство Экономического пояса Шелкового пути²⁴⁷ – идеей, которая также была озвучена на саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), состоявшемся в Бишкеке (Кыргызстан) 13 сентября того же года. Официальная газета Коммунистической партии Китая (КПК), «Жэньминь жибао», и информационное агентство Синьхуа опубликовали такие статьи, как «Экономический пояс Шелкового пути имеет далеко идущие перспективы»²⁴⁸ и «Китай предлагает построить Экономический пояс Шелкового пути, чтобы возглавить общее сотрудничество на Евразийском континенте»²⁴⁹.

Мегапроект «Экономический пояс Шелкового пути» объединит многомерное пространство Большой Евразии, включающее Китай, Центральную Азию, Восточную и Западную Европу, с населением в 3 миллиарда человек (более 40 % от всего населения Земли) и огромным потребительским рынком. Этот экономический коридор, самый протяженный в мире, обладает огромным потенциалом для регионального развития и сотрудничества. Экономический пояс Нового Шелкового пути богат энергетическими, минеральными, туристическими, культурными и сельскохозяйственными ресурсами. Многомерная и инновационная модель регионального сотрудничества позволит евразийским странам расширить пространство для геоэкономического развития за счет формирования: транспортных коридоров, энергетических коридоров, торговли, информации, научно-технического сотрудничества, развития сельского хозяйства, развития туризма, безопасности и политического сотрудничества.

В настоящее время существует четыре основных наземных экономических

²⁴⁷ 习近平在哈萨克斯坦纳扎尔巴耶夫大学发表重要演讲. (перевод: Си Цзиньпин выступил с ключевой речью в Назарбаевском университете в Казахстане. Правительственная сеть КНР) 07.09.2013. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://www.gov.cn/ldhd/2013-09/07/content_2483425.htm (дата обращения: 23.05.2024)

²⁴⁸ 人民日报钟声: “丝绸之路经济带”立意高远. (перевод: «Экономический пояс Шелкового пути» - дальновидная идея. Народная газета (People's Daily) (газета КНР).) 14.11.2013. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://opinion.people.com.cn/n/2013/1114/c1003-23533518.html> (дата обращения: 11.12.2023).

²⁴⁹ 中国提出建设“丝绸之路经济带”引领欧亚大陆整体合作. (перевод: Предложение Китая о строительстве Экономического пояса Шелкового пути способствует общему сотрудничеству на Евразийском континенте. Информационное агентство Синьхуа, 13. 09. 2013.) [Электронный ресурс]. [режим доступа]: http://www.xinhuanet.com/world/2013-09/13/c_117364702.htm (дата обращения: 11.12.2023).

коридора Экономического пояса Шелкового пути (Рисунок 1). Центральная Азия, как «сердцевина» Евразийского континента, является основной территорией, охватываемой инициативой Экономического пояса Шелкового пути.

Рисунок 1 – Экономический пояс Шелкового пути (Разработка автора)

С момента представления концепции Экономического пояса Шелкового пути страны Центральной Азии проявили к ней большой интерес и разработали соответствующие стратегии в рамках этой концепции. К настоящему времени запущен ряд механизмов двустороннего стратегического диалога: «Новая экономическая политика светлого пути» Казахстана, «Новый план Узбекистана», «Национальная стратегия развития до 2030 года» Таджикистана, «Возрождение древнего Шелкового пути» Туркменистана и другие.

Китай и страны Центральной Азии активно сотрудничают в рамках инициативы «Экономический пояс Шелкового пути».

Сотрудничество Китая и Казахстана характеризуется высокими темпами и стабильностью, в ряде областей уже достигнуты положительные результаты. В финансовом секторе две страны договорились укрепить соглашение о валютном свопе, создать механизм валютной стабилизации, скоординировать платежные соглашения и учредить специальный фонд для китайско-казахстанского сотрудничества в области производственных мощностей, а в декабре 2014 года Китай и Казахстан продлили двустороннее соглашение о расчетах и платежах в

национальной валюте на сумму 7 млрд. юаней²⁵⁰. Что касается строительства инфраструктуры и прямых инвестиций, то после выдвижения инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» Китай уделяет все больше внимания инвестициям в Казахстан. В 2011 году Китай инвестировал в Казахстан 1,16 миллиарда долларов США, а совокупный объем инвестиций составил 5,75 миллиарда долларов. В 2015 году Китай инвестировал в Казахстан 1,201 миллиарда долларов США, а совокупный объем инвестиций составил 10,2 миллиарда долларов. В 2015 году инвестиции Китая в Казахстан составили 1,201 миллиарда долларов США, а совокупные инвестиции – 10,276 миллиарда долларов. Что касается сотрудничества в области энергетики, Китай импортирует нефть из Центральной Азии в основном из Казахстана. В 1997 году Китай импортировал 45000 тонн нефти, в 2002 году этот показатель вырос до 1 миллиона тонн, в 2010 году – импорт нефти составил более 10 миллионов тонн, а в 2013 году – 11,98 миллиона тонн (4,25 % от общего объема импорта нефти в Китай). В 2014 году импорт нефти Китаем из Казахстана резко сократился: до 5,68 млн. тонн, 4,99 млн. тонн в 2015 году и 3,23 млн. тонн в 2016 году из-за падения цен на нефть и других факторов²⁵¹. К концу 2022 года Китай импортировал из Казахстана в общей сложности 150 млн. тонн сырой нефти²⁵².

На региональном уровне Экономический пояс Шелкового пути установил тесное сотрудничество с региональными организациями в Центральной Азии, опираясь в основном на Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС). В сентябре 2013 года «Экономический пояс Шелкового пути» впервые был связан с ШОС во время саммита ШОС в Бишкеке. Первый призыв к странам-членам ШОС принять участие в строительстве

²⁵⁰ 中国与哈萨克斯坦达成双边货币互换协议. (перевод: Китай и Казахстан заключили двустороннее соглашение о валютном обмене.) 15.12.2014. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://finance.sina.com.cn/world/20141215/111721078066.shtml> (дата обращения: 26.05.2024).

²⁵¹ 杨宇, 何则, 刘毅. “丝绸之路经济带”中国与中亚国家油气贸易合作的现状、问题与对策. // 中国科学院院刊, 2018 年第 6 期. 第 575-584 页. (перевод: Ян Ю., Хэ Ц., Лю И. Текущая ситуация, проблемы и меры противодействия сотрудничеству в области торговли нефтью и газом между Китаем и странами Центральной Азии в рамках «Экономического пояса Шелкового пути». // Труды Китайской академии наук. 2018, No. 6, сс. 575-584.)

²⁵² 哈萨克斯坦贸易指南 (2023 年). (перевод: Торговый справочник по Казахстану (2023).) [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.tdb.org.cn/u/cms/www/202311/13110843vsfb.pdf> (дата обращения: 27.05.2024).

Экономического пояса Шелкового пути прозвучал в 2014 году на саммите глав государств ШОС в Душанбе. В декабре 2015 года в Заявлении глав правительств (премьер-министров) государств-членов ШОС о региональном экономическом сотрудничестве было сказано, что для содействия экономическому развитию региона ШОС, повышения благосостояния его населения и достижения целей многостороннего торгово-экономического сотрудничества в рамках организации поддерживается инициатива создания Экономического пояса Шелкового пути²⁵³. 8 мая 2015 года лидеры РФ и КНР подписали и опубликовали «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути», в котором выражается поддержка российской стороной строительства Экономического пояса Шелкового пути и готовность тесно сотрудничать с китайской стороной для содействия в реализации этой инициативы²⁵⁴.

В июне 2016 года Китай и Россия официально начали переговоры по Соглашению об экономическом и торговом партнерстве между Китаем и Евразийским экономическим союзом, начав консультации по вопросам упрощения процедур торговли, таможенных процедур, технических барьеров в торговле, таможенного сотрудничества, санитарных и фитосанитарных мер, средств защиты торговли, конкуренции, прав интеллектуальной собственности, государственных закупок, правовых и институциональных положений и других²⁵⁵. В октябре 2017 года стороны подписали Совместное заявление о завершении переговоров по Соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и Китаем, что стало важной вехой в создании первой

²⁵³ Заявление Глав Правительств (Премьер-министров) государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о региональном экономическом взаимодействии. ИНФО ШОС, 15.12.2015. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://infoshos.ru/ru/?id=130> (дата обращения: 28.05.2024).

²⁵⁴ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. 08.05.2015. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 28.10.2024).

²⁵⁵ 中国与欧亚经济联盟经贸合作伙伴协定首轮谈判将尽快启动. (перевод: Первый этап переговоров по соглашению об экономическом и торговом партнерстве между Китаем и Евразийским экономическим союзом начнется в ближайшее время. 19.07.2016.) [Электронный ресурс]. [режим доступа]: http://www.xinhuanet.com/world/2016-07/19/c_129159636.htm (дата обращения: 19.09.2024)

институциональной договоренности между двумя сторонами в области экономики и торговли²⁵⁶. В марте 2018 года Китай и Евразийская экономическая комиссия провели консультации по упрощению таможенных процедур и другим вопросам. 17 мая 2018 года Китай и Евразийская экономическая комиссия подписали Соглашение об экономическом и торговом сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Евразийским экономическим союзом²⁵⁷, включающее 13 глав, посвященных упрощению процедур торговли и таможенного сотрудничества, правам интеллектуальной собственности, отраслевому сотрудничеству и государственным закупкам. Стороны договорились об укреплении сотрудничества, обмене информацией и опытом, дальнейшем упрощении процедур таможенного оформления, снижении стоимости торговли товарами, сокращении нетарифных барьеров в торговле и улучшении упрощения процедур торговли²⁵⁸. Министр иностранных дел России Сергей Лавров сказал. Сопряжение Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайской инициативы «Один пояс — один путь» в последнее время существенно продвинулось²⁵⁹.

Исследователи считают, что качественная реализация концепции Экономического пояса Шелкового пути в Центральной Азии поможет повысить степень региональной интеграции в регионе, объективно продвинуть региональную интеграцию в Центральной Азии и достичь ситуации «выигрыш-выигрыш» между Китаем и странами Центрально-Азиатского региона. В то же время, в обществе, в странах Центральной Азии все еще звучат скептические голоса по поводу Экономического пояса Шелкового пути. Причина недоверия к Китаю заключается в том, что, с одной стороны, во времена холодной войны

²⁵⁶ 中国与欧亚经济联盟实质性结束经贸合作协议谈判. (перевод: Китай и Евразийский экономический союз существенно завершают переговоры о заключении соглашения об экономическом и торговом сотрудничестве.) 02.10.2017. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: http://www.china.com.cn/news/world/2017-10/02/content_41677362.htm (дата обращения: 19.09.2024)

²⁵⁷ Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910250023?index=1> (дата обращения: 19.09.2024).

²⁵⁸ 中国与欧亚经济联盟正式签署经贸合作协定. (перевод: Китай и Евразийский экономический союз официально подписали соглашение об экономическом и торговом сотрудничестве. Министерство коммерции КНР.) 18.05.2018. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://www.mofcom.gov.cn/article/ae/ai/201805/20180502745041.shtml> (дата обращения: 30.05.2024)

²⁵⁹ Лавров рассказал о сопряжении ЕАЭС и инициативы «Один пояс — один путь». 23.06.2021. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://ria.ru/20210623/lavrov-1738277007.html> (дата обращения: 12.11.2024)

Центральная Азия входила в состав Советского Союза и не имела существенных контактов с Китаем. С другой стороны, во внешней политике Китая традиционно доминирует взаимодействие с политическими элитами, а отсутствие рыночных игроков привело к сокращению межобщественных связей²⁶⁰.

Недоверие центральноазиатского общества к Китаю имеет как исторические, так и практические причины, виной всему культурный разрыв и плохая коммуникация. После распада Советского Союза и обретения независимости странами Центральной Азии в центральноазиатских обществах возникло мнение о том, что Китай экспортирует рабочую силу в Центральную Азию, это стало одной из причин недоверия населения Центральной Азии к Китаю. На самом деле, это лишь оправдание недоверия населения Центральной Азии к Китаю, и количество китайских рабочих в Центральной Азии не так велико. В 1990-х годах в Центральной Азии постепенно появились китайские рабочие, главным образом уйгуры из Синьцзяна, которые занимались в основном оптовой и розничной торговлей. Из-за сходства языка, культуры и религии население Центральной Азии практически не препятствовало этому. По мере роста китайских инвестиций в Центральную Азию в XXI веке, особенно после финансового кризиса 2008–2009 годов, Китай стал крупным инвестором в Центральной Азии, привлекая внимание населения, а правительства стран Центральной Азии ужесточили разрешение на работу и ввели ограничения на количество рабочей силы.

С одной стороны, политическое, экономическое сотрудничество и сотрудничество в области безопасности между Китаем и странами Центрально-Азиатского региона становится все более тесным, с другой – присутствует недоверие к Китаю в центральноазиатском обществе, таким образом, имеет место феномен «политического тепла и народного холода»²⁶¹. Недоверие к Китаю в обществе Центральной Азии необходимо устранить в ходе реализации концепции Экономического пояса Шелкового пути. В последние годы стремительный рост

²⁶⁰ Thornton S.A. China in Central Asia: is China winning the “New Great Game”? // Global China, 2020, №6, pp. 1-10.

²⁶¹ China colonising Kyrgyzstan. asianews, 17.12.2016. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.asianews.it/news-en/China-colonising-Kyrgyzstan-39429.html> (дата обращения: 03.02.2024).

гражданских и социальных обменов между Китаем и Центральной Азией предоставил возможность решить вышеуказанную проблему. Основываясь на принципе «общения между людьми», в рамках Экономического пояса Шелкового пути такие меры, как создание Институтов Конфуция в Центральной Азии и активное содействие обучению студентов из Центральной Азии в Китае, могут эффективно способствовать общению и обменам между двумя сторонами, а также помочь Центральной Азии укрепить свое доверие к Китаю. Ниже перечислены некоторые меры, которые также могут помочь укрепить доверие к Китаю в Центральной Азии. По данным на 2023 год, в Центральной Азии действуют 13 институтов Конфуция и 24 класса Конфуция, в которых обучаются более 18 000 учащихся²⁶².

Недостаточная инфраструктура является объективным препятствием для региональной интеграции в Центральной Азии. Чтобы ликвидировать узкие места в региональной связности Центральной Азии и повысить степень внутренней и внешней связности региона, Китай выступает за строительство железнодорожного экспресса Китай – Европа в рамках Экономического пояса Шелкового пути, что будет способствовать модернизации инфраструктуры стран Центральной Азии и заложит объективную основу для интеграции. Железнодорожный экспресс Китай – Европа, или Китайский железнодорожный экспресс (CRE, China Railway Express) – это международный интермодальный контейнерный железнодорожный состав, организованный Китайской железнодорожной корпорацией, опирающийся на евразийские сухопутные транспортные коридоры, образующий три транспортных маршрута на западе, в центре и на востоке и соединяющий Китай, Евразийский регион и Европу. Маршрут экспресса Китай-Европейский Союз (CEU) берет свое начало от железнодорожной транспортной линии «YuXinOu», которая была запущена в марте 2011 года. В настоящее время в 59 городах Китая запущены железнодорожные линии, которые ведут в 49 городов Европы, а план по

²⁶² 孔子学院带动“中文热”在中亚渐成潮流. (перевод: Институты Конфуция вызывают «горячку китайского языка» в Центральной Азии.) 16.05.2023. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/2023nzt/zgzyfh/bjzl/202305/t20230516_11078279.shtml (дата обращения: 12.11.2024).

строительству 5000 железнодорожных линий, связывающих Китай и Европу в 2020 году выполнен досрочно, что является большим достижением. Успех железнодорожного экспресса Китай – Европа обусловлен внутренним спросом Китая, Евразийского экономического союза и Европейского союза на наземные грузовые перевозки, что отражает планомерное продвижение инициативы «Один пояс, один путь» на Евразийском континенте. В то же время следует отметить, что в работе железнодорожного экспресса Китай – Европейский Союз все еще существуют трудности, такие как недостатки наземного транспорта, согласование интересов различных стран на маршруте, отсталость инфраструктуры наземного транспорта, отсутствие единообразия в технических стандартах и сложность правовой среды. Для непрерывной работы железнодорожного экспресса Китай – Европейский Союз необходимо снизить затраты, сэкономить время, повысить стабильность и гибкость работы поездов; также необходимо всестороннее сотрудничество между странами, расположенными вдоль маршрута, и региональными организациями для упрощения торговли, привлечения целевых инвестиций и устранения узких мест в работе.

По сравнению с традиционными интеграционными организациями, «Экономический пояс Шелкового пути» соответствует западной теории регионализма, но в то же время имеет китайские особенности. «Экономический пояс Шелкового пути» не заявляет прямо о своем намерении превратиться из зоны свободной торговли в экономический союз, не является простой зоной свободной торговли и не собирается строить полноценный общий рынок, но он частично содержит все вышеперечисленные элементы. Например, Экономический пояс Шелкового пути выступает за либерализацию торговли и хочет создать зону свободной торговли, но он также включает в себя элементы общего рынка, такие как финансовая интеграция. Что еще более важно, Экономический пояс Шелкового пути выходит за рамки экономической интеграции, стремясь превратиться в «Дорогу мира и процветания»²⁶³. Также, с точки зрения региональности,

²⁶³ Zeng L. Conceptual Analysis of China's Belt and Road Initiative: A Road towards a Regional Community of Common Destiny. // Chinese Journal of International Law, Vol.15, No.3, 2016, pp. 517 – 541.

Экономический пояс Шелкового пути в основном нацелен на Евразийский континент, с большими различиями между странами, конкуренцией и сотрудничеством, и находится на стадии регионального комплекса. Наконец, Экономический пояс Шелкового пути основан не на региональной интеграции, а на функциональном сотрудничестве и открытости ²⁶⁴. Таким образом, он не предназначен для создания низко- и высокоуровневой региональной интеграции, ограничивающейся сотрудничеством между суверенными государствами.

Кроме того, на уровне институциональной интеграции Экономический пояс Шелкового пути опирается на межправительственное сотрудничество, применяя двусторонний и многосторонний подход, рационально опираясь на существующие многосторонние системы и создавая новые. На двустороннем уровне Экономический пояс Шелкового пути основан на партнерской сети, созданной между Китаем и другими странами; на многостороннем уровне Экономический пояс Шелкового пути в полной мере использует существующие региональные системы, такие как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и АСЕАН. Что касается институционального дизайна, то на основе Экономического пояса Шелкового пути Китай инициировал создание Фонда Шелкового пути, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Форума саммита международного сотрудничества Экономического пояса Шелкового пути. По сути, Экономический пояс Шелкового пути основан на взаимном доверии и дипломатии между Китаем и другими странами, и для достижения институциональной интеграции он опирается на отношения и нормы, а не на институты ²⁶⁵. Поэтому Экономический пояс Шелкового пути не предполагает создания региональной институциональной организации, и степень региональности невелика.

Наконец, на уровне интеграции идентичности Экономический пояс Шелкового

²⁶⁴ Marcin Kaczmarek. Non-Western Visions of Regionalism: China's New Silk Road and Russia's Eurasian Economic Union. // *International Affairs*, Vol. 93, No. 6, 2017, pp.1357 – 1376.

²⁶⁵ 王志. 制度与规范——比较视野下中亚区域一体化研究. 北京: 社会科学文献出版社, 2021 年. (перевод: Ван Ч. Институты и нормы: исследование региональной интеграции в Центральной Азии в сравнительной перспективе. -Пекин: Издательство литературы по общественным наукам, 2021.)

пути предлагает соединить сердца людей и реализовать «сообщество человеческой судьбы». Западная теория регионализма выступает за идентичность и подчеркивает, что постоянство идентичности является необходимым условием для региональной интеграции. Из-за отсутствия идентичности между Китаем и странами Центральной Азии невозможно построить региональную экономическую интеграцию в рамках ШОС и создать зону свободной торговли²⁶⁶. Успех европейской интеграции во многом зависит от общей истории и культуры европейских стран, которые формируют региональную идентичность²⁶⁷. Напротив, «сообщество человеческой судьбы» не требует одинаковой идентичности и выступает за уважение культурных различий и пути развития каждой страны. Более того, идентичность западного регионализма ограничена определенным регионом, в то время как «сообщество человеческой судьбы» смотрит на весь мир и является скорее открытым, чем закрытым. Исходя из этих двух моментов, Экономический пояс Шелкового пути формирует регионализм с целью создания регионального сообщества, а не регионального актора.

2.4. Шанхайская Организация Сотрудничества (Китай и Россия)

Безопасность всегда была темой, вызывающей наибольшую озабоченность национальных, региональных и международных сообществ. С момента обретения независимости страны Центральной Азии сталкиваются с традиционными и нетрадиционными угрозами безопасности внутри стран и за рубежом, и вопрос безопасности в странах Центральной Азии занимает особое место в стратегии Китая по обеспечению безопасности границ и дипломатии добрососедства. Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС) – это многосторонняя региональная интеграционная организация, сформированная на основе механизма «Шанхайской пятерки». «Шанхайская пятерка» изначально была механизмом

²⁶⁶ Dababaev T. Shanghai Cooperation Organization Regional Identity Formation from the Perspective to China. // Journal of Contemporary China. Vol. 23, No.85, 2014, pp.102 – 118.

²⁶⁷ Akaliyski, P., Welzel, C., Hien, J. A community of shared values? Dimensions and dynamics of cultural integration in the European Union. // Journal of European Integration, 2021, 44(4), pp. 569–590.

двусторонних переговоров, в которых одну сторону представлял Китай, а другую – Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан, для решения пограничных вопросов, оставшихся с советских времен. По общему мнению, ШОС достигла хороших результатов в сотрудничестве в области безопасности, решении пограничных вопросов, борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также в проведении совместных антитеррористических учений между государствами-членами. Однако результаты в области экономического сотрудничества недостаточно значительны. Особенно в последние годы, под влиянием кризиса в Украине и усложнения международной обстановки, региональное экономическое сотрудничество в рамках ШОС не имеет достаточного импульса²⁶⁸.

Развитие ШОС можно разделить на три этапа с момента основания до настоящего времени:

1) Период первоначального основания (1996–2000 гг.). Создание механизма «Шанхайской пятерки» в 1996 году заложило основу взаимного военного доверия для основания ШОС. Период «Шанхайской пятерки» стал начальным этапом участия в управлении региональной безопасностью в Центральной Азии, и функции ШОС в области безопасности в этот период были относительно однородными, а основное внимание уделялось вопросам безопасности границ и демаркации.

После окончания холодной войны международный политический ландшафт кардинально изменился. Геополитическая карта Центрально-Азиатского региона была перекроена, и пять государств Центральной Азии стали независимыми и появились на международной политической сцене как новые независимые государства. Политический «вакуум» в Центральной Азии создал условия для вмешательства других сил, и возникла ситуация множественных противовесов. Россия активно развивала свои отношения с Западом и не имела ни времени, ни

²⁶⁸ 郭晓琼, 蔡真. 百年变局下上海合作组织国家经济发展与区域经济合作. // 欧亚经济, 2023 年第 06 期. 第 118-119 页.
(перевод: Го С., Цай Ч. Экономическое развитие стран ШОС и региональное экономическое сотрудничество в условиях вековых изменений. // Евразийская экономика, 2023, № 06. С.118-119.)

возможности заботиться о странах Центральной Азии; Соединенные Штаты, будучи заинтересованными в холодной войне, продолжали активно проводить гегемонизм и политику силы в глобальном масштабе и вмешиваться во внутренние дела других стран различными способами и по разным причинам: они усилили военное проникновение в Центральную Азию; они продолжали экспортировать западную демократию в новые независимые страны и влиять на развитие стран Центральной Азии. В то же время новые независимые страны Центральной Азии столкнулись с трудной задачей политической трансформации, отставанием в экономическом развитии и ростом исламского экстремистского мышления, что послужило толчком к формированию в Центральной Азии религиозных экстремистских и террористических организаций, распространяющих исламскую экстремистскую идеологию и осуществляющих террористическую деятельность.

Граница между Китаем и Советским Союзом стала границей между Китаем и Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и другими странами, и стабильность Центрально-Азиатского региона приобрела связь с безопасностью границ Китая.

Чтобы решить эти проблемы, в 1996 году главы государств Китая, России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана провели переговоры по пограничному вопросу и подписали Соглашение об укреплении доверия в военной области в приграничных районах, которое было направлено, прежде всего, на решение исторических пограничных проблем пяти стран, прекращение состояния военной конфронтации на границах, создание основ взаимного доверия между странами и укрепление взаимного доверия на границах²⁶⁹. После решения пограничной проблемы и усиления нетрадиционных угроз безопасности в Центральной Азии, третья встреча глав государств «Шанхайской пятерки», состоявшаяся 3 июля 1998 года, была посвящена уже не безопасности границ, а поддержанию региональной безопасности и совместному решению таких проблем, как терроризм, наркоторговля, экстремизм и распространение оружия.

²⁶⁹ 关于在边境地区加强军事领域信任和相互裁减军事力量的《上海协定》和《莫斯科协定》签署 20 周年纪念. (перевод: Двадцатая годовщина подписания Шанхайского и Московского соглашений об укреплении доверия в военной сфере и взаимном сокращении военных сил в приграничной зоне.) 24.04.2017. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://world.people.com.cn/n1/2017/0424/c1002-29231574.html> (дата обращения: 19.09.2024)

Создание механизма «Шанхайской пятёрки» было ранним этапом участия в управлении региональной безопасностью в Центральной Азии, во время которого функции безопасности были относительно однородными, а основное внимание уделялось традиционным областям безопасности; хотя с тех пор наметилась тенденция к расширению сотрудничества в сфере безопасности, в целом Шанхайская пятёрка играла ограниченную роль и имела ограниченное влияние в области управления региональной безопасностью в Центральной Азии.

2) Период непрерывного продвижения (2001–2017 гг.). С момента основания в 2001 году по 2017 год ШОС активно продвигала институционализацию организации и управление региональной безопасностью в Центральной Азии. Подписание Декларации о создании «Шанхайской организации сотрудничества»²⁷⁰ 15 июня 2001 года ознаменовало основание ШОС, которая превратилась из механизма решения проблем в региональную международную организацию. В этот период ШОС, основываясь на борьбе с «тремя силами зла», продвигала вопросы управления в нетрадиционных областях безопасности, таких как информационная безопасность, нелегальная миграция, профилактика и лечение инфекционных заболеваний, и продолжала расширять и углублять сотрудничество в сфере безопасности и поддерживать региональную безопасность и стабильность в Центральной Азии.

ШОС приняла ряд правовых документов и выдвинула важные инициативы, ориентированные на управление региональной безопасностью, обеспечив правовую основу и руководящие принципы для сотрудничества в области безопасности. Например, Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом²⁷¹, первый международный договор по борьбе с терроризмом XXI века, который был подписан на первом заседании ШОС в 2001 году, определяет правовые рамки для взаимного сотрудничества и координации

²⁷⁰ Декларация о создании «Шанхайской организации сотрудничества». [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1678030/ (дата обращения: 19.09.2024).

²⁷¹ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/International_legal_documents/Conventions/shanghai_conv.pdf (дата обращения: 19.09.2024).

между государствами-членами ШОС в борьбе с терроризмом и другими угрозами. В рамках этого договора государства-члены ШОС сотрудничали в создании регионального органа по борьбе с терроризмом в 2004 году, который сыграл важную роль в борьбе и обуздании экстремизма и терроризма в регионе.

Кроме того, ШОС создала надежный институциональный механизм сотрудничества в области безопасности и постепенно сформировала стабильную и эффективную систему для укрепления управления региональной безопасностью. Для обеспечения бесперебойной работы организации в 2004 году в Ташкенте на основе Соглашения государств-членов ШОС о Региональной антитеррористической структуре²⁷² и других правовых документов была создана Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества (РАТС), основной обязанностью которой является своевременный обмен разведывательной информацией, что является проявлением коллективного механизма. Что касается конкретной практики, то для укрепления военного взаимодействия, сдерживания террористических сил и содействия повышению антитеррористического потенциала стран проводятся антитеррористические военные учения.

3) Фаза активного расширения (с 2017 года по настоящее время). С присоединением Индии и Пакистана в 2017 году и Ирана в 2023 году ШОС увеличилась с первоначальных шести стран до восьми. Присоединение Индии, Пакистана и Ирана привело к увеличению количества тем сотрудничества ШОС в области безопасности, расширив возможности для участия ШОС в управлении региональной безопасностью и ознаменовав новый путь развития организации. В частности, после нового раунда расширения ШОС все внешние страны, вовлеченные в афганский вопрос, который оказывает глубокое влияние на безопасность Центральной Азии, стали государствами-членами ШОС²⁷³.

После расширения способность ШОС участвовать в региональном и

²⁷² Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://kremlin.ru/supplement/3864> (дата обращения: 19.09.2024).

²⁷³ Ефременко Д.В. Новый этап в развитии шанхайской организации сотрудничества // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. Т. 24, № 24. С. 121.

глобальном управлении неуклонно росла, она стала более активно заниматься такими вопросами, как кибертерроризм, биоинформационная безопасность и нелегальная миграция, и продолжала расширять пространство для сотрудничества в борьбе с «тремя силами зла». В принятой в ноябре 2020 года Московской декларации Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества²⁷⁴ было заявлено о дальнейшей поддержке реализации Программы сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2019–2021 годы и предложен ряд деклараций по международной информационной безопасности, сотрудничеству в области цифровой экономики, борьбе с использованием Интернета и других каналов для распространения идей терроризма, сепаратизма и экстремизма, противодействию наркоугрозе, а также по ряду других вопросов.

Чтобы эффективно справляться с феноменом расширения проникновения террористических организаций с помощью информационных технологий Интернета, государства-члены достигли консенсуса по киберуправлению, чтобы усилить сотрудничество в области информационной безопасности, контркибертерроризма, ускорить применение технологий искусственного интеллекта в области борьбы с терроризмом на основе полномасштабного двустороннего и многостороннего сотрудничества в области информационной безопасности, активно использовать киберинформационные технологии и изучить вопрос о создании системы мониторинга потенциальных угроз в регионе в режиме реального времени. В то же время, государства-члены должны удвоить свои усилия по предотвращению распространения идеологии «трех сил зла» в Интернете и использовать высокие технологии для улучшения своих возможностей по борьбе с террористической деятельностью.

Проблема наркотиков уже давно является одним из основных вопросов управления региональной безопасностью в Центральной Азии. Для более эффективного решения данной проблемы государства-члены ШОС постоянно

²⁷⁴ Московская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://kremlin.ru/supplement/5575> (дата обращения: 19.09.2024).

совершенствуют свои рабочие механизмы, углубляют антинаркотическое сотрудничество в различных областях, в полной мере используют механизм встреч руководителей антинаркотических ведомств государств-членов и встреч соответствующих экспертов для запрета культивирования наркотических средств и психотропных веществ, перекрытия источников производства наркотиков, запрета наркотрафика и всесторонней и эффективной реализации Антинаркотической стратегии государств-членов ШОС на период 2018–2023 годов, Концепции ШОС по профилактике злоупотребления наркотическими средствами и психотропными веществами и Плана работы на 2019–2021 годы, утвержденного на Совещании руководителей антинаркотических ведомств государств-членов ШОС, состоявшегося 25 апреля 2019 года в Чолпон-Ате.

На протяжении двух десятилетий формирование зарождающейся парадигмы сотрудничества в области безопасности в рамках ШОС принесло значительные результаты. Однако среди ученых до сих пор ведутся споры о том, достигла ли ШОС успеха. Некоторые ученые считают, что ШОС не добилась успеха по двум основным причинам: во-первых, ей не хватает способности действовать в условиях региональных конфликтов в сфере безопасности. Например, В 2022 году, когда в Казахстане возникли беспорядки, президент К. Токаев предпочел обратиться к своим партнерам по Организации коллективной безопасности (ОДКБ), а не к ШОС²⁷⁵. В январе 2022 года, когда Кыргызстан и Таджикистан спорили из-за пограничных вопросов²⁷⁶, ни одна из сторон не вспомнила о ШОС. С другой стороны, отсутствие общего позиционирования и восприятия стран-членов ШОС препятствует ее успеху. Для России ШОС – это второстепенный, символический инструмент с помощью которого она пытается ослабить влияние США на страны Центральной и Южной Азии, и придает большое значение расширению

²⁷⁵ Беспорядки в Казахстане. 02.03.2022. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://ria.ru/category_aktzii-protestov-v-kazakhstane/ (дата обращения: 13.11.2024).

²⁷⁶ Почему конфликты на таджикско-кыргызской границе в последние годы переросли в кровавые боестолкновения, и почему это плохо? 08.01.2024. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/security/20240108/pochemu-konflikti-na-tadzhiksko-kirgizskoi-granitse-v-poslednie-godi-pererosli-v-krovavie-boestolknoeniya-i-pochemu-eto-ploho> (дата обращения: 13.11.2024).

политического влияния организации²⁷⁷. Для стран Центральной Азии ШОС является эффективным средством и инструментом для уравнивания китайской и российской власти в Центральной Азии. Даже Китай, который придает большое значение ШОС, предпочитает создавать или участвовать во внешних режимах, которые пересекаются с ШОС, когда сотрудничество в рамках режима часто не удается из-за разногласий между сторонами²⁷⁸. Некоторые ученые даже утверждают, что, несмотря на множество документов, подписанных ШОС, лишь немногие из них были реализованы из-за того, что позиции стран-участниц сильно отличаются друг от друга и что каждый «тянет одеяло на себя»²⁷⁹.

Тем не менее, большинство отечественных и зарубежных ученых считают ШОС успешной, исходя из ее намеченных целей. Согласно Хартии ШОС, ее цели и задачи включают укрепление взаимного доверия между странами-членами, развитие многогранного сотрудничества, поддержание регионального мира, безопасности и стабильности, а также борьбу со всеми формами терроризма, сепаратизма и экстремизма. ШОС эффективно разрешает пограничные споры между государствами-членами и борется с «тремя силами зла». Как утверждают некоторые ученые, успех ШОС заключается в том, что она продолжает существовать более десяти лет после своего создания и продолжает развиваться, способствуя обменам и доверительным отношениям между государствами-членами и обеспечивая региональное сотрудничество.

С точки зрения механизмов, существует три пути региональной интеграции. Путь ЕС способствует общему суверенитету, совместному принятию решений и построению наднациональной системы; североамериканский путь основан на полном договоре, с исчерпывающими правовыми положениями, оговаривающими вопросы распределения, возникающие при реализации системы; путь АСЕАН не

²⁷⁷ 李孝天. 上海合作组织扩员后的地区定位与合作格局. // 国际展望, 2021 年第 3 期. 第 105 页. (перевод: Ли С. Региональное позиционирование и паттерны сотрудничества после расширения ШОС. // Международные перспективы, 2021, №3, с. 105.)

²⁷⁸ 彭昕. 制度功能的多重性与上海合作组织扩员. // 外交评论(外交学院学报), 2024 年第 2 期. 第 134 页. (перевод: Пэн С. Множественность институциональных функций и расширение ШОС. // Дипломатическое обозрение «Вестник Академии дипломатии», 2024, № 2, с. 134.)

²⁷⁹ Jean-Pierre Cabestan. The Shanghai Cooperation Organization, Central Asia, and the Great Powers, an Introduction: One Bed, Different Dreams. // Asian Survey, Vol. 53, No. 3, 2013, pp. 423-435.

создает наднациональную систему и не достигает полного договора, и является неэффективной и неудачной формой региональной интеграции²⁸⁰. После появления конструктивизма ученые переосмыслили путь АСЕАН, утверждая, что страны-члены АСЕАН создали идентичность между собой, реализовали «сообщество безопасности» и эффективно поддерживают безопасность и стабильность в регионе АСЕАН²⁸¹. Понимание учеными Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) схоже с пониманием АСЕАН в том, что она имеет слабую организационную структуру, слабый институциональный потенциал и ограниченное развитие²⁸². На самом деле, ШОС достигла положительных результатов благодаря существованию отношений взаимного доверия между странами-членами, которые опираются на региональные нормы, сдерживающие поведение акторов в отсутствие сильных институциональных условий.

В результате доверительных отношений между государствами-членами ШОС приняла межправительственную модель ²⁸³. С одной стороны, высшим руководящим органом ШОС является Совет глав государств, который состоит из глав государств-членов и собирается раз в год для принятия решений о направлении развития организации, ее внутренней структуре и способах функционирования, определения принципов взаимодействия с другими международными организациями, а также для координации позиций государств-членов. Основная функция Совета глав правительств (премьер-министров) – утверждать бюджет организации, уделяя особое внимание экономическому сотрудничеству между государствами-членами, и собирается он раз в год. Совет министров иностранных дел обсуждает текущую деятельность ШОС, готовится к встрече глав государств, проводит консультации по международным вопросам и, при необходимости,

²⁸⁰ 王志. 比较地区主义:理论进展与挑战. // 国际论坛, 2017 年第 6 期. 第 56-62+79 页. (перевод: Пэн С. Множественность институциональных функций и расширение ШОС. // Дипломатическое обозрение «Вестник Академии дипломатии», 2024, № 2, сс. 131-154+169.)

²⁸¹ 曾向红, 罗金. 试析“上海合作组织发展模式”的内涵与价值. // 南亚研究, 2024 年第 2 期. 第 2 页. (перевод: Цзэн С., Ло Ц. Анализ смысла и значения модели развития ШОС. // Исследования Южной Азии, 2024, № 2, с. 2.)

²⁸² Dadabaev T. Shanghai Cooperation Organization (SCO) Regional Identity Formation from the Perspective of the Central Asia States. // Journal of Contemporary China, 23(85), 2014, 102-118.

²⁸³ Scott Blakemore. Chinese Regionalism: China's Engagement with ASEAN and SCO. // The Bulletin of the Central for East-West Culture and Economic Studies, Vol. 11, No. 1, 2014, pp. 22-28.

выступает с заявлениями от имени организации. Совет национальных координаторов (СНК), который является координирующим и управляющим органом повседневной деятельности организации и осуществляет необходимую подготовку к встречам глав государств, глав правительств (премьер-министров) и министров иностранных дел, собирается три раза в год, и на него председателем Совещания министров иностранных дел возложена задача представлять организацию на внешнем уровне. С другой стороны, постоянным органом ШОС является Секретариат с офисом в Пекине, который занимается повседневной работой организации и предоставляет информацию и техническую помощь для различных видов деятельности в рамках организации. Персонал набирается из официальных представителей государств-членов и распределяется в соответствии с бюджетом, представленным каждым государством-членом. Функции Секретариата ограничиваются административной стороной и не оказывают большого влияния на саму организацию, что является основным отличием от ЕС. Это отражает принцип равенства, отстаиваемый ШОС, который гарантирует, что каждое государство-член может участвовать в деятельности организации. Тот факт, что в Хартии ШОС прямо говорится, что Генеральный секретарь и другие сотрудники подчиняются обязательствам организации, а не государств-членов, не отменяет того факта, что на работу Секретариата в значительной степени влияют государства-члены²⁸⁴.

ШОС основана на «Шанхайском духе»²⁸⁵ и принимает модель межправительственного сотрудничества, которая не стремится подорвать государственный суверенитет. В соответствии с Хартией ШОС, обязательный характер резолюций, разработанных в ШОС, для государств-членов основывается на их соблюдении государствами-членами и их выполнении в соответствии с внутренними правовыми процедурами. Это означает, что документы, подготовленные ШОС, не имеют юридических обязательств для государств-членов.

²⁸⁴ Aris S. Eurasian Regionalism: The Shanghai Cooperation Organisation, 2011, pp.25-26.

²⁸⁵ «Шанхайский дух» означает «взаимное доверие, взаимную выгоду, равенство, взаимные консультации, уважение многообразия культур, стремление к совместному развитию».

В то же время, ШОС не определяет систему выполнения решений, которая в основном основана на неформальных обсуждениях. Хартия ШОС также предусматривает, что голосование среди государств-членов основано на принципе единогласия, и если государство-член не высказывает противоположного мнения во время официального голосования, оно считается единогласным. Это гарантирует суверенитет и равенство стран-членов ШОС и облегчает участие малых государств в делах организации. Проблема такой системы принятия решений, конечно же, заключается в том, что единогласие делает невозможным принятие решения, если хоть одна страна с ним не согласна. Аналогично, если государство-член намерено выполнить определенное решение, отсутствие мотивации для этого у других государств-членов затрудняет выполнение его решения. С точки зрения принятия решений, единственное правовое ограничение, которое ШОС накладывает на своих членов, заключается в том, что она имеет право исключить государство, если оно не соблюдает основные принципы организации. С другой точки зрения, преимущество принятия решений в ШОС заключается в том, что она избегает создания бюрократических структур с сильным влиянием, и в ограниченных возможностях ее постоянных институтов, в результате чего государствам-членам приходится проявлять инициативу и находить точки соприкосновения для решения общих проблем, с которыми они сталкиваются²⁸⁶. Это отличает ШОС от многих международных организаций, которые, в силу большей власти, создают культуру организационной бюрократии, что приводит к дисфункции. Механизмы принятия решений и методы реализации ШОС создают впечатление, что она часто обсуждает, но не принимает решений, так, сотрудничество было достигнуто в 12 областях, но из-за различных позиций по реализации предложения остаются в основном на бумаге²⁸⁷. На самом деле, с точки зрения основной функции ШОС – безопасности и экономического сотрудничества – роль, которую она играет, не может быть измерена простым количеством реализованных договоров, поскольку она

²⁸⁶ 邓浩. 中国经略上合组织: 进展、战略与前景. // 俄罗斯学刊, 2023 年第 4 期. 第 63 页. (перевод: Дэн Х. Стратегия Китая в ШОС: прогресс, стратегия и перспективы. // Вестник российских исследований, 2023, № 4, с. 63.)

²⁸⁷ Aris S. Eurasian Regionalism: The Shanghai Cooperation Organisation, 2011, p. 27.

эффективно поддерживает региональную стабильность и способствует региональному развитию.

В целом, ШОС, обладая слабым институциональным и административным потенциалом, добилась определенных успехов в сотрудничестве в области безопасности, основанном на межправительственном взаимодействии, не ослабляя национальный суверенитет, и принятии решений на основе консенсуса. Руководствуясь принципом «совместного обсуждения, совместного строительства и совместного использования», страны-члены ШОС совместно формируют свой интеграционный путь. Как региональная организация нового типа, ШОС представляет собой прорыв по сравнению с существующей моделью регионального сотрудничества. Подход ШОС к сотрудничеству отличается от модели «региональных общественных благ», за которую выступают США, франко-германской версии европейской интеграции или парадигмы институционализации, основанной на консенсусе малых стран АСЕАН. ШОС подчеркивает важность поиска точек соприкосновения при сохранении различий, делает акцент на концептуальном продвижении и прагматичном сотрудничестве. Благодаря уточнению модели организационного развития ШОС, уровню сотрудничества в конкретных областях и укреплению доверия между странами-членами был достигнут консенсус, на основе которого сформировалась коллективная идентичность, сложилось тесное чувство общности и постепенно продвинулось благотворное развитие регионального сотрудничества.²⁸⁸

2.5. Организация тюркских государств (Турция)

«Интеграция тюркских государств» означает инициативу Турции, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Туркменистана и других стран, основные этнические группы которых говорят на тюркских языках алтайской семьи языков, влиять на региональные процессы и участвовать в

²⁸⁸ 孙超. 上海合作组织与欧盟中亚治理的比较——构建命运共同体还是规范性改变. // 俄罗斯研究, 2021 年第 6 期. 第 140-164 页. (перевод: Сунь Ч. Сравнение управления ШОС и ЕС в Центральной Азии - создание сообщества судьбы или нормативные изменения. // Российские исследования, № 6, 2021, сс. 140-164.)

мировой политике с общим кодексом поведения. Пантюркизм²⁸⁹ возник в конце XIX века. Затем он широко распространился в тюркоязычных регионах и сформировал националистическую силу. Впоследствии пантюркизм затих из-за жесткого контроля над ним со стороны советского правительства и отца-основателя Турецкой республики Мустафы Кемаля Ататюрка. После окончания холодной войны независимость тюркоязычных государств Центральной Азии активизировала пантюркистское мышление и пантюркистские организации в Турции. В то же время центральноазиатские национальные государства, в которых тюркоязычные народы являются доминирующей этнической группой, стремились к новой идентичности. Это заложило основу для сотрудничества между государствами Центральной Азии и Турцией.

На фоне активизации процесса интеграции в мире в конце XX века Турция также решила воспользоваться возможностью «объединить вокруг себя тюркоязычные страны»²⁹⁰, установив дипломатические отношения с новыми независимыми странами Центральной Азии и активно продвигая развитие тюркской мировой интеграции. С 1992 года, когда был учрежден Саммит глав тюркоязычных государств, развитие «интеграции тюркских государств» длится уже тридцать два года. Развитие интеграции тюркских стран можно разделить на три этапа.

1) Этап первых попыток (1992–2008 гг.). В 1992 году в Анкаре состоялся первый «Саммит тюркоязычных государств». В своей речи тогдашний президент Турции Тургут Озал официально предложил странам Центральной Азии создать Союз тюркоязычных государств и общий рынок. Однако это предложение было отвергнуто государствами Центральной Азии, а президент Казахстана Н. Назарбаев ясно дал понять, что он не является сторонником какого-либо союза государств,

²⁸⁹ Пантюркизм – это тюркоязычное мусульманское движение, зародившееся в России в середине-конце XIX-го и начале XX -го веков и выступавшее за превосходство тюркской расы и создание единого тюркского национального государства. Эта идеология распространилась на другие тюркоязычные народы, а с эмиграцией части российской тюркоязычной мусульманской элиты в Османскую империю пантюркизм возник и развился в Турции. Ссылка на: 张玉艳. 泛突厥主义在土耳其的由来与发展. // 国际政治研究, 2019 年第 5 期. 第 40-68+5-6 页. (перевод: Чжан Ю. Происхождение и развитие пантюркизма в Турции // Международные политические исследования, 2019, №40(05), сс. 40-68+5-6.)

²⁹⁰ Парубочая Е.Ф. Интеграция тюркского мира на современном этапе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6-1(68). С147.

основанного на религии или этнической принадлежности. Страны Центральной Азии не хотели ограничиваться сотрудничеством между тюркоязычными странами, им нужна была политическая и экономическая поддержка со стороны других стран, включая Россию и Иран²⁹¹. Наконец, страны совместно подписали Анкарскую декларацию, которая носила широкий характер и не касалась конкретного сотрудничества между странами. Ее основная идея заключалась в укреплении братства и солидарности между тюркоязычными странами, и в основном она включала в себя руководство для стран в их взаимоотношениях²⁹².

Впоследствии Саммит стал основным форматом сотрудничества между тюркоязычными государствами. По состоянию на 2010 год в рамках «Саммита тюркоязычных государств» было проведено 10 встреч. Однако этот механизм не был с энтузиазмом воспринят странами Центральной Азии по той же причине, по которой другие интеграционные организации в Центральной Азии столкнулись с трудностями на ранних этапах своего развития: страны Центральной Азии в процессе создания своих национальных государств придавали большое значение своему суверенитету и независимости, и поэтому отвергали любые возможности подрыва независимости своих национальных государств. Роль лидера тюркских государств, которую возложила на себя Турция, как раз затрагивала чувствительные гены центральноазиатских элит. Поэтому, несмотря на попытки Турции укрепить политические, экономические, охранные, культурные и другие обмены между тюркскими странами с помощью этого механизма и подписания ряда юридических документов, документы остались только документами, и инициативы не были реализованы.

2) Этап институционализации (2009–2021 гг.). В октябре 2009 года в древнем городе Нахичевань в Азербайджане состоялся 9-й «Саммит глав тюркоязычных государств», на котором главы государств Турции, Азербайджана, Казахстана и

²⁹¹ Gareth Winrow. Turkey and the Newly Independent States of Central Asia and the Transcaucasus. In: Barry Rubin and Kemal Kirisci, eds., Turkey in World Politics: An Emerging Multiregional Power. –Istanbul: Bogazici University Press, 2002. P.236.

²⁹² 郑金发. 首次突厥国家首脑会议. // 瞭望周刊, 1992 年第 46 期. 第 41 页. (перевод: Чжэн Ц. Первый саммит тюркских государств // Еженедельный обзор, 1992, № 46, сс. 41.)

Кыргызстана подписали соглашение²⁹³ о создании «Совета сотрудничества тюркоязычных государств» как международной организации для реализации резолюций Саммита тюркоязычных государств²⁹⁴. Появление этого механизма ознаменовало начало нового этапа тюркской интеграции²⁹⁵. Организация и функционирование «Совета сотрудничества тюркоязычных государств» выглядит следующим образом: Совет глав государств является высшей директивной инстанцией организации; Совет министров иностранных дел отвечает за обсуждение и подготовку предлагаемых соглашений. Совет старших должностных лиц действует как рабочий орган; Совет старейшин тюркоязычных государств является консультативным органом, а Секретариат возглавляет Генеральный секретарь²⁹⁶.

После более чем десяти лет поисков и работы идея «интеграции тюркоязычных государств» была конкретизирована и институционализирована. На данном этапе механизм интеграции тюркоязычных государств стал более полным и зрелым. Достигнуты следующие успехи: 1) способы сотрудничества стали более разнообразными; 2) области сотрудничества расширились от культуры и образования до военных, политических, экономических и других аспектов²⁹⁷; 3) началось активное включение новых государств-членов. Профессор Наджие Селин Шеноджак, глава Центра дипломатических и стратегических исследований в Париже, считает, что с расширением членства и влияния Совет сотрудничества тюркоязычных государств, вероятно, станет новым центром силы в мире²⁹⁸.

²⁹³ Nakhchivan Agreement on the establishment of the Cooperation Council of Turkic Speaking States. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://international.vlex.com/vid/nakhchivan-agreement-on-the-851195705> (дата обращения: 05.10.2024).

²⁹⁴ Durdular Ercan. Parliamentary Assembly of Turkic-Speaking Countries (TurkPA): Beyond Parliamentary Diplomacy // *Perceptions*, Vol.22, No. 1, 2017, pp.121-125.

²⁹⁵ Парубочая Е.Ф. Интеграция тюркского мира на современном этапе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6-1(68). С149.

²⁹⁶ 阿古达目, 王静. 哈萨克斯坦“突厥语国家一体化”构想与实践研究. // 俄罗斯学刊, 2023 年第 6 期. 第 121 页. (перевод: Агудам, Ван Ц. Исследование концепции и практики «Интеграции тюркоязычных стран» в Казахстане. // Академический вестник россиеведения. 2023. № 13(06). С. 121.)

²⁹⁷ Чжан Ю. Механизмы сотрудничества тюркоязычных стран в период с 1991 по 2022 год // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29, № 2. С. 149.

²⁹⁸ Turkic Council to turn into global power center. 16.10.2019. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://avim.org.tr/en/Bulten/TURKIC-COUNCIL-TO-TURN-INTO-GLOBAL-POWER-CENTER-EXPERT> (дата обращения: 06.10.2024).

3) Этап углубления интеграции (с 2021 года по настоящее время). 12 ноября 2021 года Совет сотрудничества тюркоязычных государств официально изменил свое название на Организацию тюркских государств (ОТГ), что стало историческим событием, ознаменовавшим новый этап в процессе сотрудничества и интеграции тюркских государств. Институциональная структура и функционирование Организации тюркских государств в основном унаследованы от Совета тюркоязычных государств. Однако в названии организации делается акцент на «тюркские государства» в попытке преобразовать основанную на языке культурную идентичность в национальную идентичность, что является проявлением углубляющегося сотрудничества между тюркскими государствами. В то же время на Самаркандском саммите 2022 года страны-участницы приняли стратегический документ «Перспективы тюркского мира – 2040»²⁹⁹ и Стратегию развития Организации тюркских государств на 2022–2026 годы³⁰⁰, инициированную Н. Назарбаевым, что стало реальным шагом к углублению интеграции³⁰¹.

«Перспективы тюркского мира – 2040» призваны обеспечить план развития стратегических направлений государств-членов в свете реалий, с которыми сталкивается Организация тюркских государств, основываясь на четырех столпах сотрудничества: политическое сотрудничество и сотрудничество в области безопасности, экономическое и отраслевое сотрудничество, межличностное сотрудничество и внешнее сотрудничество. Кроме того, в документе подчеркивается основная цель Организации тюркских государств, которая заключается в дальнейшем укреплении политической сплоченности, усилении экономического сотрудничества и глобальной конкурентоспособности «тюркских государств» путем развития внутриорганизационных торговых контактов и обеспечения устойчивого развития «тюркского мира». В рамках организации допускается конструктивное партнерство с третьими странами и международными

²⁹⁹ Turkic World Vision – 2040. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.turkicstates.org/assets/pdf/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf> (дата обращения: 06.10.2024)

³⁰⁰ Samarkand declaration of the ninth summit of the Organization of Turkic States. (2022). [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.turkicstates.org/assets/pdf/haberler/samarkand-declaration-2679-165.pdf> (дата обращения: 06.10.2024).

³⁰¹ Мусаев, А.И. Потенциал интеграции Центральной Азии в свете возвышения «тюркского мира» // Реформа. 2023. № 1(97). С. 11.

организациями.

3 ноября 2023 года на 10-м Саммите глав Организации тюркских государств в Астане было принято 12 важных документов, таких как Астанинский акт, Протокол о сотрудничестве между соответствующими учреждениями государств-членов Организации тюркских государств в области метрологии и Совместный план действий Организации тюркских государств по реализации программы транспортной связи на 2023–2027 годы, а также другие важные документы, охватывающие многие области, такие как политика, торговля и экономика, инвестиции, безопасность, транспорт, культура, людские обмены и т.д.³⁰². Эта серия действий указывает на то, что страны, входящие в организацию, стремятся к более эффективному региональному сотрудничеству, чтобы справиться с «неизбежными будущими кризисами и потрясениями»³⁰³.

6 ноября 2024 года в Бишкеке состоялся 11-й саммит глав организаций тюркских государств. В рамках саммита была подписана Бишкекская декларация, заключены соглашения, решения и протоколы в различных областях. Среди принятых решений такие важные пункты, как объявление Бишкека цифровой столицей Организации тюркских государств в 2025 году, решение о принятии Устава тюркского мира, меморандум о создании Совета тюркских центральных банков, решение о принятии «Тюркского зеленого видения: Единство для устойчивого будущего», меморандум о взаимопонимании относительно разработки Большой тюркской языковой модели ОТГ, соглашение о создании Механизма гражданской защиты ОТГ³⁰⁴.

С момента своего создания Организация тюркских государств стала интегрированной организацией с региональным влиянием, состоящей из пяти государств-членов (Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Турция, Узбекистан) и

³⁰² Declaration of the tenth summit of the Organization of Turkic states. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.turkicstates.org/assets/pdf/haberler/samarkand-declaration-2679-165.pdf> (дата обращения: 06.10.2024).

³⁰³ Musabay Baki Pelin. Turkic World Vision–2040: A Step Forward for the Resilience of Turkic Cooperation // *Perceptions: Journal of International Affairs*, 2022, № 1. pp. 26-52.

³⁰⁴ В Бишкеке состоялся 11-й Саммит глав государств Организации тюркских государств. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.turksoy.org/ru-RU/novosti/v-bishkeke-sostoyalsya-11-j-sammit-glav-gosudarstv-organizacii-tyurkskih-gosudarstv> (дата обращения: 29.01.2025).

четырёх государств(организаций)-наблюдателей (Венгрия, Туркменистан, Северный Кипр ³⁰⁵ и Организация экономического сотрудничества), с политическим, экономическим, культурным сотрудничеством, сотрудничеством в области безопасности и военным сотрудничеством и достигла определенных успехов.

Эксперты признали достижения Организации тюркских государств и считают ее перспективной организацией. Они считают, что у ОТГ есть шанс стать не только одной из ведущих организаций в Центральной Азии, но и влиятельной интеграционной организацией во всем Евразийском регионе. Причины этого следующие: во-первых, Организация тюркских государств – зрелая и стабильная интеграционная организация, в которую входят не только страны-члены, но и страны-наблюдатели, и весь тюркский мир заинтересован в перспективах ее развития. В современных условиях геополитической и геоэкономической неопределенности развитие Организации тюркских государств является объективной необходимостью. Во-вторых, перспективы Организации тюркских государств достаточно стабильны, а ее члены «привержены нормам и принципам международного права, включая суверенное равенство, территориальную целостность и нерушимость международно признанных границ и государств». В-третьих, для полноценного сосуществования и эффективного функционирования Организация ведет активную работу по сохранению общности взглядов и интересов государств-членов в области экономического, культурного и технологического развития и обеспечения безопасности³⁰⁶.

В то же время есть ряд экспертов, которые считают, что развитие Организации тюркских государств сталкивается со многими ограничениями:

Первое – это плюралистическая внешняя политика Центральной Азии. После окончания холодной войны страны Центральной Азии установили

³⁰⁵ Государство расположено в северной части острова Кипр и пока не является общепризнанным политическим образованием международного сообщества. Оно было создано режимом турецкого происхождения на острове, который контролирует примерно 37 % северной части острова и провозгласил государственность в 1974 году.

³⁰⁶ Гульнор Д., Аббос Б. Станет ли ОТГ ведущей платформой в Центральной Азии? [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://cabar.asia/ru/stanet-li-otg-vedushhej-platfornoj-v-tsentralnoj-azii> (дата обращения: 06.10.2024).

плюралистические и сбалансированные дипломатические отношения с экстерриториальными державами с прагматической точки зрения, получая инвестиции для содействия развитию национальных государств. Вместо того чтобы полагаться на внешние силы с идеологической точки зрения³⁰⁷.

Во-вторых, географическое пространство Организации тюркских государств не является тесно взаимосвязанным: государства Центральной Азии отделены от Азербайджана Каспийским морем, Азербайджан отделен от Турции Арменией, которая решительно выступает против пантюркизма, а Венгрия находится далеко от всех остальных государств. Такая географическая разбросанность в определенной степени препятствует осуществлению политической, экономической и культурной интеграции³⁰⁸.

В-третьих, каждая страна-участница сталкивается с некоторыми ключевыми проблемами, связанными с развитием внутренней экономики, что станет важным препятствием на пути углубления экономической интеграции. На данный момент экономика Турции достаточно слаба, в то время как остальные страны-участницы являются странами с низким и средним уровнем дохода, нуждающимися в стабильных потоках капитала³⁰⁹. Если Турция, как лидер организации, не сможет поддерживать потоки капитала, дальнейшее развитие Организации тюркских государств будет сильно затруднено.

В-четвертых, Россия рассматривает Центральную Азию как свою традиционную сферу влияния. В последние годы Китай активно участвует в многостороннем сотрудничестве со странами Центральной Азии в рамках Шанхайской организации сотрудничества и инициативы «Пояс и путь». Поведение Турции в этом регионе, как главного инициатора создания Организации тюркских государств (ОТГ), неизбежно привлечет дополнительное внимание как России, так

³⁰⁷ Акматалиева, А.М. Организация тюркских государств как новый актор евразийского пространства // Научные исследования в Кыргызской Республике. 2023. № 4. С. 48.

³⁰⁸ Юйянь, Ч. Организация тюркских государств (ОТГ): происхождение, мотивы, особенности и влияние // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. Т. 17, № 1. С. 84.

³⁰⁹ Praveesh Kumar Gupta. Organization of Turkic States: An Instrument of Turkey's Central Asia Policy. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.vifindia.org/article/2022/august/29/organization-of-turkic-states-an-instrument-of-turkeys-central-asia-policy> (дата обращения: 06.10.2024).

и Китая.

С точки зрения институциональной интеграции, Организация тюркских государств также приняла межправительственную модель. Основной платформой для политического сотрудничества между тюркскими государствами является ежегодный Саммит глав государств. Министры иностранных дел государств-членов регулярно встречаются на заседаниях Совета министров иностранных дел на полях саммита глав государств. Министры иностранных дел также могут проводить дополнительные встречи для обсуждения тем, представляющих взаимный интерес, и обычно собираются во время некоторых международных мероприятий. Например, регулярное заседание Совета министров иностранных дел состоялось перед 10-м саммитом Организации тюркских государств, который прошел в Астане 3 ноября 2023 года, с целью завершить работу над документами, которые должны были подписать главы государств, и обсудить различные вопросы, стоящие на повестке дня организации. Основываясь на истории и традициях тюркского языка, государства-члены решили учредить Совет старейшин (СС) в качестве консультативного и совещательного механизма, а также орган, известный в то время как Тюркский совет³¹⁰. Совет старших должностных лиц был призван отвечать за координацию работы, а также за рассмотрение проектов документов Секретариата. Секретариат, с другой стороны, отвечает за коммуникацию и внешние связи. Согласно операционной схеме организации, легко заметить, что механизм Организации тюркских государств менее обязателен для стран-участниц.

С точки зрения экономической интеграции, Организация тюркских государств придает большое значение экономическому сотрудничеству между тюркскими государствами и их экономическим связям с остальным миром. Взаимовыгодное экономическое сотрудничество является хорошей основой и ядром тюркского сотрудничества в целом. Секретариат, в тесном сотрудничестве с компетентными министерствами экономики государств-членов и другими соответствующими учреждениями, регулярно организует программы обучения и обмена опытом по

³¹⁰ Политическое сотрудничество // Организация Тюркских Государств. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.turkicstates.org/en/isbirligi-alarlari> (дата обращения: 06.10.2024).

различным темам. Экономические связи между членами организации укрепляются благодаря таким инициативам, как организация технических визитов для инвесторов и бизнесменов, бизнес-форумов и встреч Тюркских деловых советов, которые регулярно собирают представителей частного сектора государств-членов на круглых столах для бизнесменов. Кроме того, Организация тюркских государств активно сотрудничает в области таможенного дела. Главы государств поручили соответствующим ведомствам государств-членов продолжать совместную деятельность по региональной интеграции и повышению конкурентоспособности и привлекательности Транскаспийского международного транспортного коридора Восток – Запад путем упрощения, модернизации, стандартизации и гармонизации таможенных процедур и обеспечения бесперебойной работы таможенных пограничных пунктов³¹¹.

В целом, Организация тюркских государств все еще находится на ранней стадии интеграции, и, несмотря на определенные достижения в некоторых областях, впереди еще долгий путь.

2.6. Анализ моделей интеграции в Центральной Азии с точки зрения теории регионализма и интеграции

Экономическая интеграция способствует устранению торговых барьеров и укреплению экономического взаимодействия между странами-членами интеграционной организации. Согласно определению Б. Балассы процесс экономической интеграции включает несколько этапов, в том числе создание зоны свободной торговли, таможенного союза, общего рынка, экономического и валютного союза и, наконец, полную экономическую интеграцию.

Китай неоднократно предлагал создать зону свободной торговли в рамках Шанхайской организации сотрудничества, но ни одно из предложений не получило поддержки стран-участниц, например, в 2016 году, против такого предложения премьер-министра Китая Ли Кэцзяна выступил премьер-министр России Дмитрий

³¹¹ Economic Cooperation // Organization of Turkic States. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.turkicstates.org/en/isbirligi-alanlari> (дата обращения: 06.10.2024).

Медведев, мотивируя это тем, что вопрос региональной экономической интеграции сложен и требует большего количества мероприятий для обсуждения. В результате экономическая интеграция в ШОС развивается медленно и остается на низком уровне.

«Экономический пояс Шелкового пути» никогда явно не предполагал превратиться из зоны свободной торговли в экономический союз, это не простая зона свободной торговли и не полноценный общий рынок, но проект, частично включающий в себя некоторые из вышеперечисленных элементов. «Экономический пояс Шелкового пути» не предназначен для построения региональной интеграции от низкого уровня к высокому, а ограничивается сотрудничеством между суверенными государствами. Поэтому он отличается от обычных моделей экономической интеграции.

Евразийский экономический союз развился из Таможенного союза и Единого экономического пространства России, Казахстана и Белоруссии. Процесс интеграции Евразийского экономического союза шел по основному пути в рамках теорий, связанных с экономической интеграцией, с целью создания экономического союза. Однако из-за важности суверенитета стран-участниц интеграция экономик региона остается в основном на бумаге.

Организация тюркских государств, с другой стороны, в настоящее время находится на начальном этапе развития интеграции, поэтому уровень ее экономической интеграции не является многообещающим, и она еще не приступила к созданию ЗСТ и общих рынков.

Интеграция в Центральной Азии развивалась на фоне распространения волны нового регионализма. Можно сказать, что основные черты нового регионализма отражены в Центральной Азии.

В настоящее время в Центральной Азии сосуществуют различные теории и практики регионализма, что приводит к феномену «перекрывающегося регионализма». Анализ существующих региональных интеграционных организаций в Центральной Азии с точки зрения сравнительного регионализма

позволяет выявить различные логики, определяющие развитие интеграции в Центральной Азии.

Согласно теории неолиберального институционализма, каждое государство в международном сообществе является эгоистичным рациональным индивидом, а государственный суверенитет разделяет мир, оставляя международное сообщество в состоянии анархии, где повсеместно распространены обман и оппортунизм. Поэтому, чтобы устранить дилемму коллективных действий и способствовать межгосударственному сотрудничеству, необходимо создать сильную международную систему, сдерживающую отдельные суверенные государства. Чем сильнее потенциал международной системы, тем больше она способствует развитию межгосударственного сотрудничества. Отсюда вытекает первая логика продвижения процесса региональной интеграции, которая заключается в опоре на ограничения международных систем. В этой логике целью региональной интеграции является создание наднациональной организации, а процесс интеграции - это процесс централизации власти путем уступки отдельными государствами государственной власти наднациональной организации, представляющей международную систему. И это типичный опыт и практика европейской интеграции.

Следуя неолиберальной логике региональной интеграции, Евразийский экономический союз смоделировал себя по образцу ЕС, создав наднациональную организацию - Высший совет Евразийской экономической комиссии. В силу отсутствия знаний об интеграции в конкуренции с моделью ЕС евразийские страны могут лишь признавать легитимность интеграционных норм ЕС из «логики уместности» и пассивно имитировать модель интеграции ЕС. В практике строительства Евразийского экономического союза, с одной стороны, сложность соотношения норм евразийского региона увеличивает трудности распространения доминирующих норм ЕС на евразийский регион; с другой стороны, доминирующие нормы ЕС направлены на создание наднациональных организаций, что требует уступки части национального суверенитета, тогда как страны евразийского региона

находятся в критическом периоде строительства национального государства, и все они очень заинтересованы в сохранении своего суверенитета. Поэтому, когда Россия постепенно стала доминировать в Евразийском экономическом союзе, страны Центральной Азии стали более бдительными и осторожными в отношении дальнейшей уступки национального суверенитета, и распространение «доминирующих норм» ЕС в Евразийском регионе вряд ли будет гладким. В действительности, несмотря на стремительное развитие, Евразийский экономический союз сталкивается с трудностями в углублении интеграции; первоначальные цели интеграции отложены, поскольку они не были достигнуты; многие соглашения были достигнуты, но меньшее их количество было реализовано; существует дилемма впадения в «бумажную интеграцию».

ШОС - еще один важный механизм регионального сотрудничества в Центральной Азии. В отличие от Евразийского экономического союза, между государствами-членами ШОС существует большая разница в идентичности, и они не намерены создавать ни экономический союз, ни наднациональную организацию. ШОС - еще один важный механизм регионального сотрудничества в Центральной Азии. В отличие от Евразийского экономического союза, между государствами-членами ШОС существует большая разница в идентичности, и они не намерены создавать ни экономический союз, ни наднациональную организацию. Ни одна из существующих западных теорий интеграции не может объяснить, как ШОС смогла существовать и как она смогла решить региональные проблемы без внешних институциональных ограничений или внутренней идентичности. Создание ШОС воплощает еще одну логику развития региональной интеграции.

ШОС не стремится к ослаблению национального суверенитета или созданию наднациональных организаций, а выступает за межправительственное сотрудничество на основе консультаций, что способствует мобилизации государств-членов, удовлетворяя запросы стран Центральной Азии, которые хотят участвовать в региональном сотрудничестве, но не желают уступать свой суверенитет. Если взять за критерий теорию старого регионализма, то ШОС не

соответствует стандартам. Однако ШОС сыграла незаменимую роль в повышении потенциала регионального управления. Во-первых, в рамках ШОС страны установили хорошие отношения национального доверия на уровне политических элит и добились значительных успехов в борьбе с терроризмом, сепаратизмом, наркотиками и других видах регионального сотрудничества в области безопасности, что способствует поддержанию региональной стабильности. Во-вторых, страны, входящие в организацию, быстро развивают свои отношения в области практического экономического и торгового сотрудничества и достигли относительно плодотворных результатов, которые способствуют региональному экономическому развитию. Однако ШОС не смогла способствовать углублению региональной интеграции в Центральной Азии. С одной стороны, из-за рыхлой структуры и слабой связующей силы последовательные инициативы Китая, направленные на углубление интеграции, такие как создание зоны свободной торговли в рамках ШОС и регионального банка развития, не принесли плодов; с другой стороны, международные нормы, основанные на доверии, действуют только на акторов национального уровня, формируя доверие только на уровне политических элит каждой страны, а социального доверия между государствами-членами явно недостаточно, что негативно сказывается на повышении уровня региональной интеграции.

А в практике «Экономического пояса Шелкового пути», попытках продвижения его реализации в Центральной Азии через институциональную стыковку, нормативную стыковку и т.д., в будущем есть надежда, что две логики региональной интеграции в Центральной Азии сольются, дополнят сильные и слабые стороны друг друга, и реализуют инновации модели региональной интеграции.

Выводы по второй главе:

- На фоне распада Советского Союза, важнейшего события, повлиявшего на международный и региональный порядок, независимые государства Центральной

Азии, пребывая в растерянности и желая сохранить политическую власть советского периода с целью обеспечения стабильности и развития, выбрали путь «интеграции» и активного сотрудничества. Однако все попытки интеграции в Центральной Азии в этот период потерпели неудачу, не успев оформиться.

- Программа «Большая Центральная Азия» и стратегия «Новый Шелковый путь» – инициативы по региональной интеграции, спонсируемые США. Обе они были разработаны с целью развития экономических и политических связей между Центральной Азией и Южной Азией и, таким образом, достижения региональной интеграции. Можно сказать, что эти интеграционные проекты Соединенных Штатов играют положительную роль на определенных уровнях.

- На практике Соединенные Штаты все чаще демонстрируют ориентацию на политические цели исключения неамериканских и западных сил и освобождения стран Центральной Азии от традиционного влияния России. Эта своекорыстная и прагматичная региональная стратегия гегемонистского характера повлияла на объективные суждения Соединенных Штатов о политическом и экономическом развитии Центральной Азии, что в конечном итоге повлекло за собой безразличие стран Центрально-Азиатского региона к программе «Большая Центральная Азия» и стратегии «Новый Шелковый путь».

- По сравнению с другими региональными интеграционными организациями, Евразийский экономический союз – молодая организация как с точки зрения институционализации, так и с точки зрения истории развития. Евразийский экономический союз родился из сотрудничества стран Центральной Азии, а Россия присоединилась к нему в качестве ведущего игрока.

- До сих пор Евразийский экономический союз работал стабильно и достиг определенных результатов. Однако его развитие все еще сдерживают наднациональные механизмы, слабая конкурентоспособность продукции и экономический спад в ведущих странах. В целом, в долгосрочной перспективе глобальное влияние Евразийского экономического союза останется весьма ограниченным, но он способен оказать глубокое воздействие на Евразию, особенно

на ее основной регион.

- «Экономический пояс Шелкового пути» отличается от концепций западной региональной интеграции тем, что способствует региональному сотрудничеству и интеграции на основе суверенного равенства государств, не стремится к созданию наднациональных региональных организаций и привносит новые жизненные силы в развитие Центральной Азии.

- Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) достигла относительно хороших результатов в сотрудничестве в области безопасности, решении пограничных вопросов, борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также проведении совместных антитеррористических учений стран-членов. Однако результаты экономического сотрудничества еще недостаточно значительны.

- Будучи региональной организацией нового типа, ШОС имеет свою уникальность в институциональной структуре и принципах работы, которые отличаются от механизмов организаций западной региональной интеграции, и играет незаменимую роль в поддержании безопасности, стабильности и экономического развития в Центральной Азии. Основываясь на принципах «шанхайского духа» и «новой концепции безопасности», ШОС смогла наладить отношения сотрудничества даже в отсутствие прочной институциональной основы и идентичности государств-членов.

- За более чем тридцатилетнюю историю своего развития интеграция тюркских государств достигла определенных успехов. С созданием Организации тюркских государств идея интеграции тюркских государств была конкретизирована и институционализирована. В настоящее время механизм ОТГ постепенно совершенствуется. Организация Тюркских Государств имеет большой потенциал для развития в будущем.

ГЛАВА 3. ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ И ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

3.1 Движущие силы развития интеграции в Центральной Азии

Как региональное сотрудничество, так и региональная интеграция являются результатом взаимодействия множества факторов и движущих сил. Рассматривая динамику развития центральноазиатской интеграции, важно проанализировать каждое из трех измерений: национальные, региональные и внешние стимулы. На национальном уровне на выбор национальной политики влияет «политика элит»; на региональном уровне реализации сотрудничества способствует взаимодействие между структурой региональной системы и политической средой каждой страны; а геополитика и игра великих держав являются внешними движущими силами для развития региональной интеграции в Центральной Азии.

1) «Политика элит» доминирует в выборе национальной политики

После распада Советского Союза страны Центральной Азии при выборе новой государственной модели и политического режима опирались на ряд эффективных моделей управления советского и даже царского периода. В итоге возник «президентский» режим, который формально представлял собой «разделение властей» и «многопартийную» политическую систему, но в действительности являлся высокоцентрализованной системой государственной власти. В начале распада Советского Союза страны Центральной Азии столкнулись с рядом противоречий: между президентом и парламентом, между титульными и нетитульными национальностями, между религиозным и светским, а существование новых государственных режимов оказалось под серьезной угрозой из-за сложной ситуации с безопасностью в регионе и серьезного социального кризиса в странах. Угрозы со стороны внешних сил или соперников могут объединить политические элиты для формирования мощных авторитарных правительств³¹². Поэтому лидеры стран Центральной Азии выбрали вертикальный

³¹² Уяма, Т. Влияние перемен периода перестройки на становление политических систем стран Центральной Азии: чувство

режим развития: «сильное президентство, слабый парламент, малое правительство», где президент, сочетающий в себе множество ролей, находится в центре всей национальной политической структуры, он не только создатель и исполнитель политических правил, но и участник и арбитр борьбы за власть. Обладая уникальной политической харизмой, он оказывает влияние на политический выбор страны и даже определяет этот выбор. Кроме того, в отличие от других постсоветских стран, где модель государственного строительства также основывалась на политике элит, в Центральной Азии, в ее особом социальном контексте, сложилась модель централизации политической власти, основанная на межклановой борьбе за власть³¹³. Инерция идентификации с «властью» и «элитой» в племенных и исламских культурных концепциях также значительно повышает сплоченность и привлекательность президента в региональном сотрудничестве. В настоящее время в основных странах региона, Узбекистане и Казахстане, произошла передача власти, преемники являются представителями политической элиты, выросшими под руководством двух президентов, и их политический выбор демонстрирует определенную степень преемственности. А по мнению некоторых ученых Центральной Азии, работу с элитами («элитные коммуникации») можно считать одним из ключей к успеху проектов интеграции³¹⁴.

2) Взаимодействие между структурой региональной системы и политической средой страны как содействие развитию интеграции.

Структура международной системы, которая состоит в основном из «анархических структур» и «распределительных структур», влияет на поведение государств в том смысле, что «структура диктует единицам действовать определенным образом, а не каким-либо другим ³¹⁵ ». При «анархической структуре» государственные субъекты взаимозависимы, и эта взаимозависимость укрепляет сотрудничество перед лицом нетрадиционных угроз безопасности, таких

угрозы и авторитаризм // Международная аналитика. 2021. № 1(12). – С. 70.

³¹³ Смирнов, В.А. Политическое развитие постсоветского пространства: к вопросу о роли политических элит // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 6. С. 43.

³¹⁴ Хоперская, Л. Евразийский интеграционный проект: позиция центральноазиатских элит // Россия и мусульманский мир. 2014. № 7(265). – С.101.

³¹⁵ Kenneth N Waltz. Theory of International Politics. - Boston, Mass.: McGraw-Hill, 1979.

как терроризм, распространение ядерного оружия, экологические проблемы, кибербезопасность, экономические кризисы и так далее. «Распределительная структура» влияет на степень роли государств в международной системе, включая их способность, возможность и склонность к действиям. В результате те страны, которые имеют сильное присутствие в региональной системе, играют доминирующую роль в построении регионального сотрудничества и являются центральными движущими силами регионального развития. Центральноеазиатский регион как часть международной системы следует той же схеме.

Во-первых, страны Центральной Азии столкнулись с такими общими угрозами, как слабый экономический рост, географическая изоляция, угроза терроризма, перетекание ситуации в Афганистане, экологический кризис в Аральском море. На фоне текущих мировых событий вопрос региональной безопасности приобретает особое значение. В то же время Центральная Азия становится объектом пристального внимания в результате смещения «центра тяжести» на восток и изменений в привычном мировом порядке³¹⁶. В совокупности эти факторы позволяют усилить взаимозависимость стран региона и создают основу для построения регионального сотрудничества.

Во-вторых, президенты двух крупнейших стран региона, Казахстана и Узбекистана, привержены региональному сотрудничеству в Центральной Азии. На фоне все более усложняющейся международной ситуации и все более насущных потребностей внутреннего развития, обе страны продемонстрировали готовность отбросить былую вражду и укрепить сотрудничество, став, таким образом, «колесницей с двумя лошадьми», ведущей страны Центральной Азии к консолидации ресурсов региона. Президент Казахстана К. Токаев заявил, что региональное сотрудничество — это ключ к стабильности и процветанию Центральной Азии. Он также подтвердил твердую приверженность страны региональной политике и укреплению сотрудничества со всеми соседями в

³¹⁶ Мусаев, А.И. Потенциал интеграции Центральной Азии в свете возвышения «тюркского мира» // Реформа. — 2023. — № 1(97). — С. 9.

Центральной Азии³¹⁷. Президент Узбекистана Ш.М. Мирзиёев с момента прихода к власти также проводит политику «добрососедства», активно улучшая отношения с соседними странами и провозглашая будущее Центральной Азии одним из ключевых приоритетов внешней политики Узбекистана³¹⁸. Этот сдвиг в отношениях не только изменил внутренний ландшафт, но и открыл новые возможности для улучшения региональных отношений, в частности, возрождение региональной интеграции в Центральной Азии. В апреле 2021 года на границе между Узбекистаном и Казахстаном началось строительство Международного центра торгово-экономического сотрудничества (МЦТЭС) «Центральная Азия». Центр общей площадью 400 гектаров и пропускной способностью 35000 человек и 5000 грузовых автомобилей в сутки в обоих направлениях должен стать главной промышленной, торговой и логистической платформой для реализации совместных инвестиционных проектов между Узбекистаном и Казахстаном³¹⁹, а также способствовать процессу региональной интеграции в Центральной Азии посредством экономического сотрудничества.

В-третьих, Узбекистан и Казахстан внесли выдающийся вклад в дело согласования интересов и стабилизации местного экономического порядка. Независимость государств Центральной Азии возникла не как нечто само собой разумеющееся, а как результат развития международных событий. После обретения независимости страны Центральной Азии слишком трепетно относились к своему национальному суверенитету, что в сочетании с их нежеланием идти на уступки друг другу из-за неравного распределения выгод привело к тупиковой ситуации в сотрудничестве. Сравнивая Казахстан и Узбекистан с Германией и Францией в Европейском Союзе, некоторые эксперты считают, что Казахстан и Узбекистан играют решающую роль в процессе регионального сотрудничества и интеграции в

³¹⁷ Касым - Жомарт Токаев: Региональное сотрудничество — ключ к стабильности и процветанию Центральной Азии. 17.10.2024. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://daryo.uz/ru/2024/10/17/tokayev-regional-cooperation-is-the-key-to-stability-and-prosperity-in-central-asia> (дата обращения: 12.11.2024).

³¹⁸ Новая Центральная Азия по внешней политике Узбекистана - Абдулазиз Комилов. 14.08.2024. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://daryo.uz/ru/2024/08/14/new-central-asia-in-uzbekistans-foreign-policy> (дата обращения: 06.09.2024).

³¹⁹ Узбекистан и Казахстан построят приграничный центр сотрудничества. 12.04.2021. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/04/12/borde> (дата обращения: 12.04.2024).

Центральной Азии. При условии тесного сотрудничества эти две страны могут стать локомотивами в процессе интеграции в Центральной Азии³²⁰. В свое время страны ядра региона играли уникальную роль координаторов региональных интересов, что побудило их выйти за рамки узкого видения собственных интересов и создать институциональную основу для регионального сотрудничества. В то же время, благодаря прямым инвестициям, Узбекистан и Казахстан оказывают необходимую поддержку в сфере экономических обменов и финансового кредитования странам региона, а также удовлетворяют потребности других стран в экономическом развитии и совместном использовании выгод, способствуя тем самым экономическому развитию региона. В частности, во время эпидемии новой коронавирусной инфекции Узбекистан и Казахстан смогли сыграть центральную роль в планомерном укреплении дипломатии соседства и активно оказывали медицинскую и материальную помощь соседям по региону.

3) Геополитика и игры великих держав как внешняя динамика региональной интеграции в Центральной Азии.

При двойном рассмотрении выгод от сотрудничества внешние выгоды, как необходимое дополнение к недостатку внутренних выгод, станут важной силой, способной разрушить игровую дилемму между странами Центральной Азии и сделать региональное сотрудничество возможным. Во-первых, с положительной стороны, стратегические планы, выдвинутые экстерриториальными державами, помогут укрепить взаимосвязь связанных стран.

В последние годы внерегиональные державы разработали модель диалога «C5+1» с государствами Центральной Азии, чтобы усилить свое влияние в регионе. Регулярные саммиты и встречи с лидерами стран Центральной Азии служат платформой для обсуждения и решения региональных проблем. Активные контакты и взаимодействие между странами Центральной Азии и внешними акторами также заставили страны региона в определенной степени координировать

³²⁰ Казахстан и Узбекистан – два локомотива интеграции? 28.07.2021. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.caa-network.org/archives/22034/kazakhstan-i-uzbekistan-dva-lokomotiva-integraczii> (дата обращения: 06.09.2024).

совместные действия. Кроме того, форумы и саммиты обычно включают в себя компоненты, направленные на развитие культурных и образовательных обменов. Эти инициативы крайне важны для укрепления взаимопонимания и уважения между народами стран Центральной Азии, что необходимо для более глубокой интеграции³²¹.

В настоящее время геополитическая борьба крупных держав в Центральной Азии становится все более интенсивной. При этом следует отметить, независимо от того, рассматривается ли Центральная Азия с точки зрения геополитики, геобезопасности, энергетики или истории и культуры, она имеет многообразное стратегическое значение для Китая. В настоящее время Центральная Азия стала одной из основных зон интересов Китая. В то же время страны Центральной Азии укрепили свое экономическое и торговое сотрудничество с Китаем и смогли постепенно встать на «быстрый путь» экономического развития Китая и улучшить свое положение в мировой экономике. С момента реализации инициативы «Пояс и путь» экономическое и торговое сотрудничество между Китаем и странами Центральной Азии стремительно развивается, постепенно превращая Китай в крупнейшего торгового партнера Центральной Азии, а Центрально-Азиатский регион – в экспортный рынок Китая с большим потенциалом. С точки зрения стратегического выбора, основ развития и намерений сотрудничества взаимодействие между Китаем и странами Центральной Азии может еще больше углубиться и укрепиться, а традиционное мышление игры с нулевой суммой будет перенесено в мир совместного развития.

Помощь России странам Центральной Азии носит всеобъемлющий характер. В экономической сфере Россия всегда была первым выбором стран Центральной Азии для экспорта рабочей силы, что приносит странам денежные вливания, являющиеся одним из основных источников национального экономического дохода. Кроме того, в последние годы еще более укрепилось торгово-экономическое

³²¹ Гусейнов Э., Султоназаров А. Будущее интеграции Центральной Азии в тени американо-китайского противостояния. 24.04.2024. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://cabar.asia/ru/budushhee-integratsii-tsentralnoj-azii-v-teni-amerikano-kitajskogo-protivostoyaniya> (дата обращения: 06.09.2024).

сотрудничество между Россией и Центральной Азией, общий объем торговли России с пятью странами Центральной Азии в 2023 году превысил 44 млрд долл.³²². Также Центральная Азия представляет для России прямой интерес в сфере безопасности, поскольку безопасность стран Центрально-Азиатского региона исторически связана с безопасностью России. Поэтому она поддерживает тесное военное сотрудничество со странами Центральной Азии в рамках ОДКБ для обеспечения региональной безопасности и стабильности.

Важной платформой для дипломатии России и Китая в Центральной Азии является ШОС. Успешно добившись расширения числа стран-членов, организация вступила в новый этап всестороннего устойчивого развития в области институционализации сотрудничества в сфере безопасности, борьбы с «тремя силами зла», экономической торговли, энергетического сотрудничества и строительства транспортной инфраструктуры, внося тем самым значительный вклад в обеспечение безопасности и стабильности в Центрально-Азиатском регионе.

Политика США в Центральной Азии имеет ярко выраженные геополитические соображения, и помимо поддержания национальных демократических процессов в регионе, содействия региональной интеграции и развития энергетической безопасности, главной целью является антикитайская или антироссийская направленность. Поэтому, по мнению отдельных экспертов, политика США в Центральной Азии направлена на достижение двух важных целей: 1) способствовать интеграции стран региона без участия России и Китая, тем самым ослабляя позиции основных конкурентов, и 2) укрепить позиции проамериканских сил в политической среде, а также в культурной и образовательной сферах³²³.

Геополитическое соперничество в регионе между державами создает новые возможности для стран Центральной Азии, особенно огромные возможности

³²² Галузин рассказал о росте товарооборота России с Центральной Азией. 14.05.2024. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://ria.ru/20240514/ekonomika-1945773082.html> (дата обращения: 06.09.2024).

³²³ Тулебердиев Р.Т. Политика США в Центральной Азии: цели и подходы. 23.05.2024. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://cabar.asia/ru/budushhee-integratsii-tsentralnoj-azii-v-teni-amerikano-kitajskogo-protivostoyaniya> (дата обращения: 07.09.2024).

открывает конкуренция за доступ к ресурсам региона. Эти возможности включают в себя экономическое развитие и диверсификацию, расширение стратегического партнерства, увеличение иностранных инвестиций и повышение глобального статуса³²⁴. Эти возможности являются большим стимулом для развития экономики стран Центральной Азии и углубления их интеграции и развития.

3.2. Препятствия на пути развития интеграции в Центральной Азии

3.2.1. Препятствия на пути развития интеграции в Центральной Азии, возникающие из-за внутрирегиональных проблем

1) Слабые национальные экономики

Прежде всего, экономики стран Центральной Азии невелики и развиты неравномерно. Процесс интеграции должен опираться на относительно сильный экономический капитал, что и является «слабостью» стран Центральной Азии. Объем экономики Центральной Азии невелик, развитие дисбаланса заметно, что серьезно ограничивает процесс интеграции. В 2019 году, до пандемии, общий ВВП пяти стран Центральной Азии составлял всего 295,4 миллиарда долларов, что эквивалентно 1,38 % от 21,37 триллиона долларов ВВП США и 2,06 % от 14,34 триллиона долларов ВВП Китая; на Казахстан приходилось 60,99 % от общего экономического объема ВВП пяти стран Центральной Азии, а на Кыргызстан и Таджикистан – 2,9 % и 2,7 % соответственно³²⁵. В 2022 году, после пандемии, показатели ВВП пяти стран Центральной Азии были следующими: Казахстан 225,496 млрд долл., Узбекистан – около 80,391 млрд долл., Таджикистан – 10,492 млрд долл., Кыргызстан – около 11,543 млрд долл., Туркменистан – 56,542 млрд долл.³²⁶. Легко заметить, что экономики стран Центральной Азии слабы и развиваются неравномерно, и такая диспропорция в развитии не только обостряет социальные противоречия в условиях неравенства между богатыми и бедными, но

³²⁴ Гусейнов Э., Султоназаров А. Критические ресурсы Центральной Азии: новое пространство для конкуренции великих держав? [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://cabar.asia/ru/critical-raw-materials-central-asia> (дата обращения: 07.09.2024).

³²⁵ World Bank national accounts data, and OECD National Accounts data files. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 15.04.2024).

³²⁶ Там же.

и способствует развитию чувства собственного превосходства некоторых стран, что может стать одним из негативных факторов в построении региональной интеграции в Центральной Азии.

Экономическая структура стран Центральной Азии нерациональна. Опыт европейской интеграции показывает, что региональная интеграция основывается на создании экономической ценности, а из-за неэкономичности сельского хозяйства движущей силой интеграции становится развитие индустриализации. В Центральной Азии, с другой стороны, из-за ее долгой истории в качестве базы для производства сырья и первичной сельскохозяйственной продукции для Советского Союза, производственная база была крайне слабой, и промышленные товары в основном импортировались. После обретения независимости страны Центральной Азии выбрали различные пути трансформации, но эффект от них был разным под влиянием таких факторов, как обеспеченность ресурсами, принятие решений правительством и политическая ситуация. В настоящее время в экономической структуре стран Центральной Азии по-прежнему преобладают сельское хозяйство и сырье, и только Казахстан в большей степени индустриализирован. В результате экономическая структура стран Центральной Азии четко характеризуется деформацией. Что касается сельского хозяйства, то, за исключением Казахстана, остальные четыре страны по-прежнему являются сельскохозяйственными. Хотя доля сельскохозяйственного сектора в национальной экономике Центральной Азии в последние годы значительно снизилась, все же 60 % населения по-прежнему проживает в сельской местности, а на долю сельскохозяйственного населения приходится более 45 % общей занятости³²⁷, стоимость сельскохозяйственной продукции составляет пятую часть доходов ВВП³²⁸. С точки зрения поставок сырья Казахстан в значительной степени зависит от экспорта нефти. В 2021 году доля нефти и газа в общей стоимости товарного экспорта страны составила около 55,5 %.

³²⁷ 欧阳向英. 产业链、区域一体化与全球化——疫情后中亚经济将走向何方? // 欧亚经济, 2020 年第 5 期. 第 8-10 页.

(перевод: Оуян С. Индустриальная цепочка, региональная интеграция и глобализация - куда направляется экономика стран Центральной Азии после эпидемии? // Евразийская экономика, 2020, №5, сс. 8-10.)

³²⁸ Сельское хозяйство в Центральной Азии: как реализовать потенциал? Интервью с Ириной Хофман. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.caa-network.org/archives/14330> (дата обращения: 18.04.2024).

Наибольшая доля товарного экспорта Узбекистана приходится на золото. в 2020 году доля этого товара в структуре экспорта достигла максимума – 45 % от общего объема экспорта. В стране экспортируются золото, медь и изделия из меди, а также значительную долю в структуре экспорта составляют нефтепродукты и газ. Туркменистан практически полностью полагается на экспорт газа, а Кыргызстан и Таджикистан – в основном на импортные тарифы и доходы от денежных переводов рабочих из России, причем, например, в Таджикистане денежные переводы мигрантов составили около 32 % ВВП в 2022 году³²⁹. Можно утверждать, что деформированные промышленные структуры и зависимость от энергопотребляющих рынков серьезно ограничивают устойчивость стран к рискам.

Слабая экономика привела к неразвитости экономических связей и низкому уровню взаимной торговли между странами Центральной Азии³³⁰. В то же время, страны имеют аналогичную промышленную структуру и низкую экономическую взаимодополняемость. Сочетание этих факторов в значительной степени сдерживает развитие интеграции в Центральной Азии.

2) Национализм и этнические проблемы

В ходе долгой истории многие этнические группы и племена в разное время мигрировали на территории Центральной Азии, что в итоге превратило Центральную Азию в многоэтнический регион. Этнические проблемы, возникшие в результате сосуществования различных этнических групп, в свою очередь, повлияли на историческое развитие Центральной Азии. Этническая проблема в Центральной Азии очень сложна и включает в себя племенные, этнические, региональные, религиозные, исторические, культурные и экономические факторы. В то же время она оказывает огромное влияние на все сферы жизни центральноазиатского общества. После окончания холодной войны, в условиях сложной внутривнутриполитической обстановки и сложной международной и

³²⁹ Экономика стран Центральной Азии: позитивная динамика - долгосрочные риски. Эксперт РА. Макроэкономика, 20.06.2023. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://raexpert.ru/researches/regions/economic_central_asia_2023/ (дата обращения: 19.04.2024).

³³⁰ Борисенко Н.А. Экономика стран Центральной Азии в условиях вовлеченности в мировое экономическое пространство // Глобальная экономика и образование. 2021. Том 1. № 4. С. 25.

региональной ситуации, новые независимые центральноазиатские национальные государства прошли через сложную внутреннюю политическую трансформацию, начали процесс формирования национализма и следовали принципу сбалансированной дипломатии в своей внешней политике. А в процессе регионального развития Центральная Азия постоянно стремится к внутрирегиональному сотрудничеству и развитию региональной интеграции. Однако по разным причинам процесс региональной интеграции в Центральной Азии всегда был трудным и нефункциональным. Национализм и этнические проблемы являются важным фактором в процессе региональной интеграции в Центральной Азии.

Основным проявлением регионализма является региональное сотрудничество, а национальные государства – это опора регионального сотрудничества и региональной интеграции. Суть регионального сотрудничества заключается в поведении национальных государств с целью максимизации собственных интересов на региональном уровне. Поэтому, будучи движущей силой и основой создания национальных государств, национализм является ключевым фактором, сдерживающим развитие регионализма. Основное влияние национализма на регионализм заключается в том, в какой степени он поддерживает идею регионального сотрудничества.

Национализм – это сложная политическая идеология, в центре которой находится важность национальной идентичности. На разных этапах истории национализм принимает различные формы, порождает различные национальные идентичности и выражает различные националистические устремления, и это справедливо и для Центральной Азии. После тенденции к национализму и движений за независимость, развившихся при централизованном правлении царской России, гражданского национализма в советский период и пантюркизма, основанного на общности тюркских народов, строительство национализма под руководством политических элит в независимых центральноазиатских национальных государствах еще не завершено. Влияние центральноазиатского

национализма на концепцию региональной идентичности можно проанализировать с точки зрения государственных институтов, элементов национального сообщества и межгосударственных отношений.

Влияние политически ориентированного государственного национализма на развитие регионализма в значительной степени зависит от отношения к нему политических элит. На уровне национальных политических систем в постсоветский период вопрос о том, как отойти от тяжелого советского наследия и перейти от социализма и плановой экономики к строительству национальных государств и рыночной экономике, стал общей проблемой для лидеров стран Центральной Азии. С точки зрения выбора режима, почти все страны Центральной Азии формально отдали предпочтение «многопартийной» политической системе и «разделению властей», но на практике они развили высокоцентрализованную президентскую систему. Кроме того, структура власти в государствах Центральной Азии характеризуется сильной культурой семейной политики и разделением групп интересов. В результате природа государств Центральной Азии стала предметом многочисленных споров. Некоторые называют их «гибридными режимами», в то время как другие определяют как авторитарные режимы³³¹.

В процессе региональной интеграции национальные государства уступают часть своего суверенитета наднациональным институтам. Но в особой политической системе Центральной Азии ее лидеры не готовы делиться своей властью с регионом. «Неопатримониальная природа центральноазиатских правительств не позволяет интегрировать экономику, политику и безопасность. Поскольку лидеры опасаются, что объединение суверенитетов и снижение значимости границ для облегчения потоков товаров и людей может иметь пагубные последствия, неопатримониальная природа центральноазиатских правительств не позволяет создать интегрированную систему экономики, политики и безопасности на региональном уровне. Поскольку лидеры беспокоятся, что объединение

³³¹ Эсенгул Ч. Национализм и регионализм в Центральной Азии и Юго-Восточной Азии (часть II). // Наука, новые технологии и инновации в Кыргызстане, 2013, №1, с. 240.

суверенитета и уменьшение значимости границ для облегчения потоков товаров и людей может пагубно сказаться на их контроле над стратегическими экономическими ресурсами, то о стремлении к глубокому сотрудничеству с целью создания региональной зоны свободного (или даже менее контролируемого) передвижения не может быть и речи»³³². Таким образом, авторитарные режимы в государствах Центральной Азии в значительной степени сдерживали формирование концепций региональной идентичности и препятствовали развитию регионализма. Этот феномен также можно объяснить с позиции межправительственного подхода. Интерправители утверждают, что государство всегда старается сохранить контроль над процессом принятия решений по вопросам, представляющим жизненно важный интерес³³³.

Общий язык, религия и культура – это несколько элементов этнической общности. Центральное место среди национальных элементов занимает язык. В советский период русский язык стал главным языком межнационального общения в СССР, поскольку он занимал центральное место в СССР. Среди языков, распространенных в Центральной Азии также доминировал русский, а для кириллизации национальной письменности был введен кириллический алфавит. После распада СССР, чтобы подчеркнуть уникальность своих народов и сохранить стабильность своих национальных государств, страны Центральной Азии активно пропагандировали языки³³⁴ и культуры своих народов-субъектов и начали процесс дерусификации. В Казахстане, например, в документах двенадцатой сессии Ассамблеи народов Казахстана говорится, что «казахский язык является одним из символов государства, наряду с государственным гербом, флагом и национальным гимном. Развитие казахского языка является одним из приоритетных направлений

³³² Filippo Costa Buranelli. Central Asian Regionalism or Central Asian Order? Some Reflections. // Central Asian Affairs, 2021, №8(1), p.4.

³³³ Литвинова Т.Н. Россия в большом евразийском партнерстве: от цивилизационной теории к политической практике. // Право и управление. XXI век. 2020, №16(2). с. 35.

³³⁴ В четырех из пяти национальных государств Центральной Азии, за исключением Кыргызстана, язык доминирующей нации был установлен в качестве официального языка, а русский использовался только как язык гражданского общения. В июле 2023 г. в Кыргызстане был принят новый Закон о государственном языке Кыргызстана, согласно которому кыргызский язык становится государственным, а русский - официальным. Новый закон о языке определяет, кто из кыргызов должен владеть кыргызским языком и в каких ситуациях он должен использоваться. Подробнее см.: КОНСТИТУЦИОННЫЙ ЗАКОН КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ от 17.07.2023 г. № 140. О государственном языке Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112618> (дата обращения: 13.10.2023).

государственной культурной и образовательной политики»³³⁵.

Такая этнолингвистическая и культурная политика центральноазиатских национальных государств привела к увеличению языковых и культурных различий между ними. В связи с этим Марта Брилл Олкотт пишет: «С каждым годом государства Центральной Азии все больше отличаются друг от друга. Когда теперь путешествуешь по региону, возникает стойкое ощущение, что переезжаешь из страны в страну. Вывески написаны на разных языках и даже разными алфавитами. Линии горизонта в крупных городах преобразуются совершенно по-разному, и старые советские постройки больше не доминируют. Некоторые из этих стран начинают становиться частью глобальной экономики, в то время как другие остаются почти такими же изолированными, какими они были в советскую эпоху»³³⁶.

Языковые и культурные различия повышают барьеры на пути к взаимопониманию между людьми в соседних странах. В интервью с жителями Центральной Азии многие из них оказались не в состоянии дать полный ответ на вопрос о том, что им приходит на ум в первую очередь, когда они думают о других странах Центральной Азии (рис. 2 и 3)³³⁷:

What is the first thing that comes to mind when these Central Asian countries are mentioned? - Uzbekistan

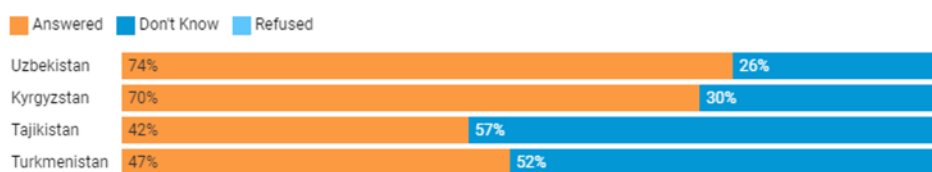
³³⁵ Амина Рахим, Астана. С чего начинается Родина? [Электронный ресурс]. [режим доступа]:

https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30074854&pos=4;-103#pos=4;-103 (дата обращения: 10.10.2023).

³³⁶ Martha Brill O. Central Asia: Common Legacies and Conflicts. In: Roy A, Lena J, Central Asian Security: The New International Context. -Washington, DC: Brookings Institution Press, 2001, p. 24.

³³⁷ Элизабет Вудс и Томас Бейкер. Более интегрированное будущее? Отображение центральноазиатского оптимизма. 31.03.2022. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://thediplomat.com/2022/03/a-more-integrated-future-mapping-central-asian-optimism/> (дата обращения: 15.10.2023).

What is the first thing that comes to mind when these Central Asian countries are mentioned? - Kazakhstan

Источник рисунков: статья «Более интегрированное будущее? Отображение центральноазиатского оптимизма».

(<https://thediplomat.com/2022/03/a-more-integrated-future-mapping-central-asian-optimism/>)

Культурное сближение является важным фактором в формировании региональной идентичности, а по мере укрепления национальных культур государств Центральной Азии и постепенного продвижения политики дерусификации языковые и культурные различия между соседями Центральной Азии растут. Такие различия в значительной степени препятствуют формированию концепции идентичности для субрегионального сотрудничества в Центральной Азии.

Помимо языка и культуры, религия также является важной силой, объединяющей регион и его жителей. Ислам является доминирующей религией в Центральной Азии. Согласно статистике, мусульманское население составляет 81 % от общей численности населения региона³³⁸, в том числе 87,9 % в Узбекистане, 70,2 % в Казахстане, 90 % в Кыргызстане, 96,99 % в Таджикистане и 93,02 % в Туркменистане³³⁹. В истории Советского Союза ислам, как и другие религии, подвергался сильным политическим репрессиям³⁴⁰. После распада Советского Союза, в связи с изменениями в геополитической обстановке, исламские экстремистские силы в Центральной Азии быстро распространились и стали важной политической силой в центральноазиатских обществах, пытаясь воспользоваться неблагоприятной социально-экономической ситуацией и

³³⁸ Rowland R.H. CENTRAL ASIA ii. Demography. Encyclopedia Iranica. 1990. URL: <https://iranicaonline.org/articles/central-asia-ii> (дата обращения: 15.10.2023).

³³⁹ Muslim Population by Country 2023. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/muslim-population-by-country> (дата обращения: 15.10.2023).

³⁴⁰ 许涛. 中亚地缘政治沿革——历史、现状与未来. 北京: 时事出版社, 2016 年. (перевод: Сюй Т. Геополитическая эволюция Центральной Азии: история, настоящее и будущее. -Пекин: Издательство «Актуальные вопросы», 2016.)

захватить власть на волне народного недовольства³⁴¹. Чтобы сохранить национальную безопасность и стабильность режима, лидеры стран Центральной Азии начали решительное подавление экстремистских религиозных организаций. Подавление исламского движения препятствовало вкладу этого фактора в региональную интеграцию³⁴².

Сопутствующей проблемой стала трансграничная этническая проблема, вызванная искусственной демаркацией границ Советским Союзом. Трансграничные этнические проблемы широко распространены в Центральной Азии. Доминирующая этническая группа в одной стране часто является этническим меньшинством в другой стране. Поэтому, когда в одной стране возникают этнические конфликты, они часто сопровождаются солидарностью между трансграничными этническими группами в соседних странах, что, в свою очередь, может привести к дальнейшему развитию событий и даже повлиять на межгосударственные отношения. В Кыргызстане и Таджикистане произошел ряд столкновений между этническими узбеками и доминирующей этнической группой, и Узбекистан также стоял за политическими событиями и этническими конфликтами в Кыргызстане и Таджикистане.

Исторически народы Центральной Азии разделяли схожие культурные, религиозные и национальные воспоминания, что должно было стать важным фактором в развитии региональной идентичности в Центральной Азии. Однако особый процесс формирования государств Центральной Азии Советским Союзом привел к противоречиям между ними, а авторитарные режимы, установленные в государствах после распада СССР, и укрепление их национальной идентичности все больше отдаляли их друг от друга. В целом, государственный национализм в Центральной Азии не смог внести эффективный вклад в формирование региональной идентичности, что в значительной степени сдерживает процесс

³⁴¹ Barov S.A., Medvedev Yu.S. Historical and geopolitical prerequisites of regional integration in Central Asia. // History and society, 2021, 52, с.89.

³⁴² Атид И.У., Озель Озджан М.С. Препятствия к осуществлению региональной интеграции в Центральной Азии: критический анализ. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. №2. С. 142.

интеграции в Центральной Азии в настоящее время.

3) Водные ресурсы и пограничные споры

Демаркация границ – важный элемент отношений между странами Центральной Азии. Под влиянием исторических факторов и административной демаркации в советский период страны в приграничной зоне демонстрируют сложную ситуацию «мы среди вас, вы среди нас», и пограничные споры стали одним из важнейших факторов, влияющих на отношения между странами региона. В настоящее время решено большинство пограничных проблем, но риск возникновения конфликтов полностью не устранен. Среди них наиболее заметным является вопрос о границе между Таджикистаном и Кыргызстаном. Во время своего визита в Таджикистан в феврале 2018 года президент Кыргызстана Сооронбай Жээнбеков надеялся, что лидеры двух стран смогут подписать соглашение о согласованных участках границы. Однако этого не произошло, поскольку документ все еще находился на рассмотрении таджикских властей. В феврале 2020 года состоялись очередные переговоры между делегациями правительств Кыргызстана и Таджикистана, на которых обсуждались вопросы уточнения и обмена 144 километрами границы, однако до сих пор не реализованы какие-либо официальные процедуры по обмену участками границы³⁴³. Это отражает сложность и деликатность данного вопроса. Обеим сторонам не хватает политической воли, и в отсутствие немедленного решения любое урегулирование потребует компромиссов, которые почти наверняка ущемят интересы приграничных общин, имеющих общие источники воды, пастбища, дороги и другие объекты, тем самым увеличивая риск протестов и конфликтов. Например, между местными общинами Кыргызстана и таджикским населением анклава Ворух существует давний спор по поводу прав на водо- и землепользование и введения строгого пограничного контроля на кыргызской стороне. В результате возникло враждебное отношение и широко распространенное недоверие общин друг к другу,

³⁴³ Нерешенный вопрос: сможет ли обмен территориями помирить кыргызстанцев и таджикстанцев? 30.03.2020. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://cabar.asia/ru/nereshennyj-vopros-smozhet-li-obmen-territoriyami-pomirir-kyrgyzstantsev-i-tadzhikistantsev> (дата обращения: 12.09.2024).

что помешало обеим сторонам в конечном итоге прийти к взаимовыгодному решению³⁴⁴. С 2020 г. популистские настроения, вызванные эпидемией новой коронавирусной инфекции усилили антагонизм среди населения региона, вызвав новые пограничные столкновения. Так, 16 сентября 2022 года произошли столкновения в приграничном районе между Кыргызстаном и Таджикистаном, в результате которых число погибших с обеих сторон достигло 84 человек³⁴⁵.

Также большое значение имеют проблемы с водными ресурсами в регионе. Центральнo-Азиатский регион не имеет выхода к морю, здесь многолетняя засуха, мало дождей и высокий уровень испарений, поэтому водные ресурсы являются важной опорой для регионального экономического развития. Пять стран Центральной Азии имеют разные позиции по распределению водных ресурсов: каждый год возникают споры между двумя группами стран: тремя странами, расположенными ниже по течению рек Амударья и Сырдарья – Казахстаном, Туркменистаном и Узбекистаном, которые потребляют большое количество воды для выращивания хлопка, и странами, расположенными выше по течению – Кыргызстаном и Таджикистаном. Страны низовья нуждаются в большем количестве воды для расширения своего сельскохозяйственного сектора и растущего населения, в то время как экономически более слабые страны верховья пытаются получить более полный контроль над своими ресурсами и хотят использовать больше воды для производства электроэнергии и возделывания своих земель³⁴⁶. С момента обретения независимости распределение воды было одной из хронических проблем, влияющих на отношения между странами региона. Например, стратегия развития Таджикистана и Кыргызстана, направленная на строительство крупных гидроэлектростанций, непримиримо противоречит

³⁴⁴ Moraczewska A. The Changing Interpretation of Border Functions in International Relations. // Revista Română de Geografie Politică, [e-journal], 2010, 12(1). pp. 329-340.

³⁴⁵ Приграничный конфликт Киргизии и Таджикистана. 18.09.2022. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.rbc.ru/politics/18/09/2022/632428299a794745d8046839> (дата обращения: 28.04.2024).

³⁴⁶ Центральная Азия: вода и конфликт. 30.03.2002. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.crisisgroup.org/ru/europe-central-asia/central-asia/uzbekistan/central-asia-water-and-conflict> (дата обращения: 29.04.2024).

потребностям Узбекистана в воде для выращивания хлопка, с другой стороны, существует прямая зависимость Таджикистана и Кыргызстана от поставок природного газа через Узбекистан, который часто прекращает поставки в зимние месяцы из-за споров по поводу использования воды, все это не лучшим образом отражается на сотрудничестве Таджикистана и Кыргызстана с Узбекистаном в других областях. В 1992 году из-за спора по поводу трансграничной реки Узбекистан оказал военное давление на Кыргызстан, а в 1997 году, в отместку за невыполнение Казахстаном обязательств по поставкам энергоносителей и выплате задолженности, Кыргызстан на 10 дней отключил подачу воды, что серьезно повлияло на внутреннее производство и жизнь в Казахстане.

К настоящему моменту вопрос о водных ресурсах в Центральной Азии обсуждается уже более двадцати лет. Еще в 1992 году конфликт между странами региона по этому вопросу должен был быть разрешен с принятием документа «Соглашение о сотрудничестве в сфере совместного управления, использования и охраны водных ресурсов межгосударственных источников»³⁴⁷. Однако вплоть до истечения срока действия этого документа данная проблема так и не была решена. Сегодня проблема распределения воды по-прежнему влияет на отношения между странами Центральной Азии и сдерживает региональное общение и сотрудничество.

3.2.2. Геополитическая обстановка как препятствие для развития интеграции в Центральной Азии

1) Нестабильное соседство – Афганистан

В апреле 2021 года президент США Джо Байден объявил всему миру через СМИ, что США выводят свои войска из Афганистана³⁴⁸. Всего через четыре месяца после объявления о выводе американских войск афганские талибы молниеносно

³⁴⁷ Курбонов, Ф.Ф. Водные ресурсы как фактор безопасности в Центральной Азии // Наука и технология XXI века. 2020. № 3(3). С. 121-122.

³⁴⁸ Terri Moon Cronk. Biden Announces Full U.S. Troop Withdrawal From Afghanistan by Sept. 11. DOD News. 14.04.2021. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2573268/biden-announces-full-us-troop-withdrawal-from-afghanistan-by-sept-11/> (дата обращения: 29.04.2024).

захватили власть в Афганистане. 15 августа Ашраф Гани, бывший президент афганского правительства, передал власть талибам и бежал в другую страну, а талибы вошли и захватили столицу Афганистана, Кабул³⁴⁹. В конце того же месяца из аэропорта Кабула вылетел последний американский транспортный самолет, на борту которого находилась последняя группа американских солдат. Двадцатилетняя война с терроризмом в США закончилась удручающим выводом американских войск. Поспешный вывод американских войск и захват власти талибами не только привели к резкому ухудшению внутренней ситуации в Афганистане, но и вызвали обеспокоенность соответствующих стран региона и международного сообщества. Страны Центральной Азии и Афганистан, являющиеся близкими соседями, имеют общую этническую принадлежность, религиозные убеждения и схожую культуру, и на протяжении многих лет испытывают сильное влияние нестабильной ситуации в Афганистане. Поэтому изменения в геополитическом ландшафте, вызванные выводом американских войск, и ситуация, сложившаяся в результате прихода к власти правительства талибов, оказали влияние на стабильность в Центрально-Азиатском регионе и развитие региональной интеграции.

После инцидента 9/11 США создали военные базы в Центральной Азии по соображениям борьбы с терроризмом с целью проникновения в регион (эти военные базы были закрыты). Поспешный вывод американских войск из Афганистана в 2021 году означал всесторонний провал американского присутствия в Афганистане в различных областях, включая военную, политическую и антитеррористическую сферы, что неизбежно снижает влияние США в регионе Центральной Азии. Однако вывод войск США из Афганистана не означает прекращения военного присутствия США в регионе. Напротив, после публичного объявления о выводе войск из Афганистана США попытались создать военные базы в Таджикистане, имеющем протяженную границу с Афганистаном, и в Узбекистане, который придерживается открытой и свободной политики. Хотя

³⁴⁹ Clarissa Ward, Tim Lister, Angela Dewan and Saleem Mehsud. Afghan President Ashraf Ghani flees the country as Taliban forces enter the capital. CNN. 16.08.2021. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://edition.cnn.com/2021/08/15/asia/afghanistan-taliban-advances-kabul-intl/index.html> (дата обращения: 02.05.2024).

соответствующие идеи были категорически отвергнуты заинтересованными странами, поведение США, которые сначала выводят войска из Афганистана, а затем стремятся создать военные базы в странах Центральной Азии, соответствует глобальной стратегической переориентации США: т.е. переходу от борьбы с терроризмом к стратегии закрепления в Азиатско-Тихоокеанском регионе, чтобы сдерживать развитие Китая и России.

Кроме того, Соединенные Штаты надеются, что страны Центральной Азии присоединятся к ним в решении афганской проблемы. До вывода войск администрация Байдена вела переговоры с Узбекистаном, Казахстаном и Таджикистаном о приеме тысяч афганских беженцев, которые сотрудничали с американскими войсками³⁵⁰. Бесспорно, если афганцы, сотрудничающие с американцами, будут размещены в странах Центральной Азии, власти США могут получить больше каналов влияния в регионе³⁵¹.

Туркменистан, Таджикистан и Узбекистан имеют протяженную границу с Афганистаном, и вывод американских войск и захват власти талибами усложнили вопросы безопасности в Центральной Азии. В частности, после прихода к власти правительства Талибана множество афганских беженцев хлынуло через границы в страны Центральной Азии, угрожая их безопасности и стабильности. В то же время, беженцы могут попасть через Центральную Азию в Россию, создавая угрозу стабильности на Кавказе. Будучи лидером Организации коллективной безопасности (ОДКБ) и членом ШОС, для поддержания безопасности и политической стабильности своих союзников и внутренней безопасности Россия была вынуждена направить свои усилия на помощь странам Центральной Азии в поддержании безопасности границ и борьбе с терроризмом. Например, российские войска, размещенные на 201-й военной базе, участвуют в обучении пограничников Таджикистана. В то же время, силы «первого эшелона» укрепляются за счет

³⁵⁰ Phil Stewart, Idrees Ali and Humeysra Pamuk. U.S. looks into having 3 Central Asian states take in at-risk Afghans -sources. Reuters. 03. 07. 2021. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/us-looks-into-having-3-central-asian-states-take-at-risk-afghans-sources-2021-07-02/> (дата обращения: 05.05.2024).

³⁵¹ Ионова Е.П. Страны Центральной Азии в условиях афганского кризиса. // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 3(52). С. 83.

возвращения российских пограничных постов, чтобы предотвратить проникновение мелких террористических групп и остановить поток мигрантов³⁵². С 30 июля по 10 августа 2021 года Россия и Узбекистан провели военные учения на территории Узбекистана. Почти в то же время Россия, Узбекистан и Таджикистан также провели совместные военные учения на юго-западе Таджикистана, всего в 20 километрах от Афганистана³⁵³.

Взаимодействуя с правительством талибов в Афганистане, Россия придерживалась взаимосвязанной стратегии хеджирования ставок: с одной стороны, сотрудничая по официальным дипломатическим каналам в целях сдерживания и борьбы с Талибаном и другими террористическими организациями. С другой стороны, талибы рассматривались как ключевой противовес США в Афганистане, и с ними велись переговоры по различным неофициальным дипломатическим каналам. С изменением ситуации в Афганистане отношение России к Талибану изменилось: из запрещенной террористической организации он превратился в участника мирного процесса. По последним сообщениям ТАСС, Россия работает над вопросом исключения Талибана из списка террористических организаций³⁵⁴. Таким образом, хотя изменение ситуации в Афганистане ставит перед Россией сложные задачи, оно также открывает новые возможности. Если правительство талибов выполнит свои обещания по поддержанию стабильности политической ситуации в Афганистане путем запрета производства наркотических средств и наркоторговли и борьбы с терроризмом, то Россия сможет получить дополнительные политические и экономические выгоды за счет создания коридоров через Центральную Азию и Афганистан в такие регионы и страны, как Южная Азия и Иран.

Возможность распространения терроризма, наркотиков, сепаратистской

³⁵² Евсеенко А.С. Год после прихода талибов к власти: основные вызовы для России и США на афганском направлении. // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 52 (11). С. 118.

³⁵³ Гаврилов Ю. Военные из России, Узбекистана и Таджикистана проведут совместные маневры. Российская газета. 20.07.2021. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://rg.ru/2021/07/20/voennye-iz-rossii-uzbekistana-i-tadzhikistana-provedut-sovmestnye-manevry.html> (дата обращения: 11.05.2024).

³⁵⁴ Пабловский В. МИД РФ: "Талибан" могут исключить из списка террористических организаций. Российская газета. 01.04.2024. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://rg.ru/2024/04/01/mid-rf-soobshchil-o-vozmozhnom-sniatii-s-talibana-statusa-terroristicheskoy-organizacii.html> (дата обращения: 11.05.2024).

идеологии, политической и экономической нестабильности из Афганистана, который граничит с Китаем, учитывая пористый характер границ региона, определяет место Афганистана в китайской инициативе «Пояс и путь» и может негативно повлиять на реализацию проекта транспортного коридора Китай – Пакистан³⁵⁵.

Китай демонстрирует очень позитивный настрой перед лицом прихода талибов к власти. 16 августа 2021 года официальный представитель Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики Хуа Чуньин заявила, что Китай поддерживает контакты и общение с афганскими талибами на основе полного уважения суверенитета афганского государства и пожеланий различных фракций в стране. В то же время Хуа Чуньин также сообщила, что афганская сторона Талибана неоднократно выражала свое желание развивать хорошие отношения с Китаем, с нетерпением ожидая участия Китая в восстановлении и развитии Афганистана, и обещала, что никогда не позволит какой-либо силе использовать территорию Афганистана для совершения действий, угрожающих Китаю³⁵⁶.

В марте 2023 года, после участия в конференции министров иностранных дел Организации исламского сотрудничества, Государственный советник и министр иностранных дел Китая Ван И совершил визит в Афганистан, Пакистан, Индию и Непал. Впервые с момента создания в Афганистане правительства Талибана Китай направил в страну делегацию высокого уровня. Ван И заявил в интервью, что, «исходя из принципа уважения суверенитета Афганистана, Китай готов осуществлять взаимовыгодное сотрудничество с Афганистаном упорядоченным образом в соответствии с принципами сосредоточения внимания на улучшении условий жизни людей, повышении потенциала независимого развития Афганистана, уделении особого внимания практическим результатам, а не выписыванию фальшивых чеков, чтобы помочь Афганистану превратить свои

³⁵⁵ Дьяконова М.А., Тимофеев О.А., Шарипов Ф.Ф. Геополитические интересы Китая в Центральной Азии и Афганистане. // 70 лет современному китайскому государству. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. 2019. С. 285.

³⁵⁶ Признает ли правительство Китая правительство Афганистана, находящееся под контролем Талибана? Ответ Министерства иностранных дел (на китайском). Chinadaily. 16.08.2021. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://cn.chinadaily.com.cn/a/202108/16/WS611a3244a3101e7ce975eea6.html> (дата обращения: 12.05.2024).

ресурсные преимущества в преимущества развития»³⁵⁷. Китай также подчеркивает, что безопасность является основой и предпосылкой развития, и надеется, что афганская сторона выполнит свои обязательства и примет более эффективные меры для более решительной борьбы со всеми террористическими силами, включая «Исламское движение Восточного Туркестана».

Нужно отметить, что страны Центральной Азии и сам Афганистан, являющиеся ближайшими соседями Китая и важными узлами инициативы «Пояс и путь», очень заинтересованы в формировании стабильного режима в Афганистане и реализации основных интересов Китая в Центральной Азии и Афганистане, которые заключаются в развитии экономической деятельности, такой как торговля, размещение инвестиций и развитие основных экономических объектов, а также в борьбе с терроризмом.

Геополитический баланс в Центральной Азии был нарушен после вывода американских войск. После прихода к власти правительства талибов крупные державы скорректировали свою политику в Афганистане и странах Центральной Азии, вызвав новый виток геополитической конкуренции и внося новую нестабильность и неопределенность в жизнь Центральной Азии.

Во-первых, ситуация в Афганистане уже давно беспокоит страны Центральной Азии с точки зрения безопасности, а Таджикистан является страной Центральной Азии с самой протяженной границей с Афганистаном. С тех пор как к власти пришли талибы, напряженность на таджикско-афганской границе сохраняется, и пограничные вопросы выходят на первый план. Политическое соперничество усилило обеспокоенность Таджикистана по поводу безопасности режима Талибана. Таджикистан оценивает политику Талибана с момента прихода к власти негативно. Например, президент Таджикистана Эмомали Рахмон открыто критиковал Афганистан на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН за нарушение этнических

³⁵⁷ Интервью государственного советника и министра иностранных дел Ван И центральным СМИ о его участии в работе Совета министров иностранных дел Организации исламского сотрудничества (ОИС) и визите в Пакистан, Афганистан, Индию и Непал (на китайском). Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. 28.03.2022. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://www.gov.cn/guowuyuan/2022-03/28/content_5682118.htm (дата обращения: 12.05.2024).

прав других народов в Афганистане³⁵⁸. Кроме того, переброска войск правительства Талибана к границе между двумя странами усилила обеспокоенность Таджикистана по поводу безопасности.

Во-вторых, возросла угроза со стороны террористических организаций. С тех пор как талибы стали править Афганистаном, террористическая угроза для стран Центральной Азии значительно возросла. Иностранные террористические организации стали более активными, и талибы не менее активно спонсируют эти организации, предоставляя им все необходимые средства и условия, и используют их для борьбы с оппозицией в Афганистане³⁵⁹. В то же время эти террористические организации активизировали свою деятельность в странах Центральной Азии и на границах Афганистана. Например, афганское отделение ИГИЛ активизировало свою пропагандистскую и вербовочную деятельность против населения Центральной Азии, начало трансграничные атаки на государства Центральной Азии, что значительно повысило уровень террористической угрозы.

Террористические организации не только устраивают теракты, которые влияют на ситуацию с безопасностью в Центрально-Азиатском регионе, но и представляют большую угрозу для внутривнутриполитической ситуации в государствах Центральной Азии. Каждое государство в регионе стремится сохранить светское правление при поддержке своего общества, но непосредственное переплетение традиций и ислама делает ситуацию в регионе особенно сложной³⁶⁰. Возрождение экстремистских идей во имя религии может в любой момент обострить конфликт и конфронтацию внутри государств Центральной Азии и, что вполне вероятно, привести к полному свержению светских режимов в Центральной Азии.

Кроме того, обострилась проблема незаконного оборота наркотиков. Центральноазиатский регион уже давно является транзитным путем для

³⁵⁸ Бактыбек Э. Генассамблея ООН: Эмомали Рахмон настаивает на участии афганских таджиков в госуправлении Афганистана. Кыргызстан сегодня. 25.09.2021. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://ru.kyrgyztoday.org/archives/448316> (дата обращения: 14.05.2024).

³⁵⁹ Ризоён Ш.Ш., Гиёсов М.Ф. Афганистан под властью Талибан: вызовы и угрозы для Центральной Азии. // Международные Отношения и безопасность. 2022. №3(3). С.161.

³⁶⁰ Якубов И.Х., Нуриддинов У.К. Афганский фактор в Центральной Азии: текущие тенденции и перспективы развития. // Постсоветские исследования. 2021. № 4(6). С. 473.

контрабанды афганских наркотиков в Европу и Россию. С тех пор как к власти пришли талибы, объемы контрабанды афганских наркотиков в Центральную Азию возросли. Политика правительства Талибана по борьбе с наркотиками должна была привести к ограничению контрабанды наркотиков в Центральную Азию, однако, согласно отчету Агентства ООН по наркотикам, в 2022 году из-за резкого сокращения экономики Афганистана нелегальный рынок наркотиков процветает, и люди вынуждены заниматься незаконным производством наркотиков и наркоторговлей, чтобы выжить³⁶¹.

Наконец со стороны международных организаций подвергается критике политика приема беженцев. Центральная Азия, транзитный пункт Афганистана в Европу и США, исторически принимала афганских беженцев в небольшом количестве. До изменения ситуации в Афганистане Казахстан и Кыргызстан были готовы принять небольшое количество афганских беженцев. После захвата власти талибами страны Центральной Азии в целом уклонились от приема беженцев, подчеркнув коллективную позицию и поставив принятие беженцев в зависимость от запроса на помощь со стороны Агентства ООН по делам беженцев (УВКБ ООН). Некоторые международные правозащитные организации критикуют страны Центральной Азии за то, что они не принимают беженцев, считая это нарушением международных договоров. Однако прием беженцев в большом количестве увеличит внутреннюю политическую нестабильность и нестабильность в сфере безопасности в Центральной Азии.

В заключение следует отметить, что нестабильная ситуация в Афганистане будет иметь долгосрочные последствия для региональной безопасности в Центральной Азии и, в значительной степени негативно, скажется на центральноазиатской интеграции.

2) Экстремистская религия, этнический сепаратизм и международный терроризм

³⁶¹ Усмонзода Х.У. Современный кризис в Афганистане на фоне геополитических процессов в Центральной Азии. // Таджикистан и современный мир. 2023. № 3 (83). С. 18.

Экстремистская религия, этнический сепаратизм и международный терроризм взаимодействуют друг с другом, угрожая безопасности Центрально-Азиатского региона; в 1970-х годах движение исламского возрождения, имеющее сильный исламский фундаменталистский привкус, возникло на Ближнем Востоке и распространилось на Центральную Азию, Северную Африку и Юго-Восточную Азию, где стало силой религиозного экстремизма. В том числе, угрозу для Центрально-Азиатского региона представляет так называемое «Исламское государство»: 1) транснациональная преступная деятельность, подпитываемая нападениями на границах Центральной Азии, а также нападениями на родные страны со стороны вернувшихся с джихада: действия ряда террористических организаций, прошедших подготовку в Афганистане, направлены в первую очередь на дестабилизацию в странах Центральной Азии. Так, этнические и государственные конфликты в Ферганском регионе служат платформой для деятельности террористов, что подвергает внешнюю политику стран Центральной Азии новым испытаниям³⁶²; 2) распространение терроризма – это, прежде всего, результат воздействия радикальной среды, созданной Исламским государством, на население Центральной Азии, а также терактов «одинокого волка» и связанной с ними поддержки террористических организаций в результате радикализации; 3) потери Исламского государства на местах могут привести к ответным действиям и расширению экспорта его экстремистской идеологии по всему миру.

После распада Советского Союза и дезинтеграции прежней национальной системы в Центральной Азии возник этнический сепаратизм, породивший этнические сепаратистские силы. Пока этнических сепаратистских сил в Центральной Азии недостаточно, чтобы представлять смертельную угрозу для безопасности стран, но все же существует вероятность конфликтов, связанных с маргинализацией этнических меньшинств в некоторых регионах (например, узбеков, численность которых преобладает в четырех соседних с Узбекистаном

³⁶² Лесная, Е.В. Проблемы терроризма и религиозного экстремизма в Центральной Азии на современном этапе общественно-политического развития // E-Scio. 2021. № 11(62). С. 175.

странах, а также таджиков, обосновавшихся в Узбекистане)³⁶³.

Центральная Азия имеет сложный этнический состав, долгую историю религиозных верований и явную тенденцию к политизации ислама. Например, в случае с Исламским движением Узбекистана, после распада организации на Ближнем Востоке остатки организации нашли убежище в других частях мира, чтобы продолжить свою насильственную и террористическую деятельность, и большое количество людей из всех стран Центральной Азии приняли участие в джихаде на Ближнем Востоке, и многие из этих людей попытаются вернуться в Центральную Азию и продолжать там террористическую деятельность, что окажет влияние на местную безопасность. Социальные противоречия в странах Центральной Азии, переживающих период политических и экономических преобразований, становятся все более острыми, и традиционная социальная структура подвергается серьезному воздействию. В условиях глобализации основной движущей силой терроризма и религиозного экстремизма является глубокий и постоянный конфликт в отношениях между богатыми и бедными странами³⁶⁴, а наступление третьей экстремистской идеологии сопровождается дисбалансом богатства и власти, вызванным глобализацией, что также заставляет мусульман в странах Центральной Азии отказываться от корней традиционной культуры своего народа и объективно создает условия для распространения «трех сил зла», а также экстремистской идеологии. В результате религиозный экстремизм становится не только проблемой в сфере безопасности, но также превращается в политическую и социальную проблему. Проблема исламского экстремизма в Центральной Азии распространяется и все теснее переплетается с политическими, социальными, этническими и культурными противоречиями. Под влиянием экстремистского мышления население стран Центральной Азии подвержено идеологической путанице, которая может трансформироваться в силы насилия и терроризма, угрожая региональной безопасности и делая невозможным создание

³⁶³ Пейруз С. Перед лицом сепаратизма: Европейский Союз, Средняя Азия и уйгурский вопрос // EUCAM. 2009. № 4. С. 4.

³⁶⁴ Тулеев, М.С. Международный терроризм в Центральной Азии: социально-политический фактор // Вопросы истории Кыргызстана. 2014. № 1-2. С. 177.

безопасной и стабильной среды для построения региональной интеграции.

3) Большая игра в новую эпоху

В течение длительного времени игра великих держав оказывает определенное негативное влияние на межгосударственные отношения и региональное сотрудничество в Центральной Азии, а стратегические планы, выдвигаемые различными странами, носят явно геополитический характер, объективно истощая ресурсы региональной интеграции. Во-первых, стратегические соображения государств Центральной Азии, направленные на сдерживание друг друга с помощью сил крупных держав, и конкуренция за получение большей экономической, военной, политической и другой поддержки со стороны крупных держав еще больше ослабляют готовность государств Центральной Азии продвигать процесс регионального сотрудничества. Во-вторых, стремление некоторых крупных держав к гегемонизму, односторонности и шовинизму в Центральной Азии еще более осложняет региональную обстановку, региональное сотрудничество сталкивается с еще большими проблемами. Кроме того, борьба держав за власть в регионе игнорирует угрозы безопасности слабых и уязвимых государств Центральной Азии, которые подрывают стабильность в регионе³⁶⁵. Россия имеет традиционные преимущества в Центральной Азии, с момента обретения независимости странами Центрально-Азиатского региона она оказывала им большую помощь и была крупнейшим торговым партнером вплоть до 2015 года. Однако, несмотря на размеры экономики России, существует множество проблем с экономической структурой и технологическим уровнем, поскольку Россия все еще находится на поздних стадиях индустриализации из-за чрезмерной зависимости от добычи энергии и других сырьевых материалов. Это обуславливает ограниченность собственной экономической мощи России для стран Центральной Азии, «эффект перелива» ограничен, странам Центральной Азии сложно получить от России капитал, технологии, экономическую поддержку и другие атрибуты

³⁶⁵ Qamar Fatima and Sumera Zafar. New Great Game: Players, Interests, Strategies and Central Asia. // South Asian Studies: A Research Journal of South Asian Studies, Vol.29, No.2, 2014, pp.651-652.

благополучия, и они полагаются только на внешнюю помощь, но также не могут кардинально решить проблемы регионального развития. С усилением западных санкций против России негативное влияние на страны Центральной Азии будет усиливаться. Для того, чтобы достичь стратегической цели изоляции России, Запад во главе с США оказывает огромное давление на элиты стран Центральной Азии, заставляя их менять свои внешнеполитические приоритеты. В то же время Запад использует влияние финансовых и информационных ресурсов, пытаясь склонить элиты стран Центральной Азии к поддержке антироссийских санкций³⁶⁶. Страны Центральной Азии также пытаются добиться дерусификации с помощью различных мер, например, в 2016 году Ш. Мирзиёев пришел к власти после продвижения модернизации государственного языка, чтобы исключить влияние русского языка в стране, эта инициатива также нашла отражение в других странах Центральной Азии. Все страны Центральной Азии хотят играть определенную роль в региональных делах и усилить свое международное влияние, и в то же время они рассчитывают участвовать во внешнеэкономическом сотрудничестве в более независимом качестве, чтобы получать больше экономических выгод.

3.3. Вызовы развития интеграции в Центральной Азии

Приведенный выше анализ показывает, что в Центральной Азии существует множество региональных интеграционных организаций с дублирующими друг друга функциями. В определенной степени эти организации способствуют безопасности, стабильности и экономическому развитию в Центральной Азии. Однако схожесть их функций и гегемонистское доминирование ограничивают глубину и широту участия в них стран Центральной Азии. Кроме того, ни одна из этих интеграционных организаций не предусматривала полноценного участия стран Центральной Азии. На сегодняшний день в Центральной Азии нет проекта региональной интеграции, который бы возглавлялся ими и в котором бы они участвовали.

³⁶⁶ Гарбузарова, Е.Г. Страны Центральной Азии в условиях антироссийских санкций // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2023. № 3(37). С. 96.

На самом деле, после обретения независимости пять стран Центральной Азии изначально стремились к развитию внутрирегиональной интеграции, последовательно создав Единое экономическое пространство, Центральноазиатское экономическое сообщество, Организацию Центральноазиатского сотрудничества, а в 2006 году президент Казахстана Н. Назарбаев выдвинул инициативу создания Союза Центральноазиатских государств. Позже, под влиянием российского фактора, направления региональной интеграции разошлись: во-первых, Казахстан и Кыргызстан углубили свое сотрудничество с Россией в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и повысили его до уровня Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в 2013 году; во-вторых, Таджикистан, хотя и сотрудничал с Россией в период ЕврАзЭС, был очень осторожен при переходе на уровень ЕАЭС и до сих пор не вступил в него; и, в-третьих, Узбекистан и Туркменистан ясно дали понять, что не будут вступать в Евразийское экономическое сообщество и Евразийский экономический союз, но подчеркнули приоритет развития сотрудничества с Россией.

Однако в последние годы политическая элита Центральной Азии, похоже, осознала важность регионального сотрудничества. Эксперты считают, что будущее стран и народов Центральной Азии во многом зависит от успешного осуществления регионализации³⁶⁷. С момента прихода к власти в 2016 году президент Узбекистана Ш. Мирзиёев начал проводить политику реформ и открытости, сделав приоритетом повышение уровня экономического сотрудничества между странами Центральной Азии³⁶⁸. В 2017 году по его инициативе лидеры пяти стран Центральной Азии вновь собрались в Астане, где в марте 2018 года состоялся первый саммит пяти глав государств стран Центральной Азии. По мнению ряда экспертов, это является новой попыткой развития интеграции в Центральной Азии³⁶⁹ и указывает на то, что в последние годы в

³⁶⁷ Ионова, Е.П. Развитие отношений Казахстана и Узбекистана как фактор регионализации в Центральной Азии / Е.П. Ионова // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 4(41). С. 132.

³⁶⁸ Tanbaev O. How Uzbekistan Promotes Regional Integration in Central Asia. The diplomat. 2023. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://thediplomat.com/2023/09/how-uzbekistan-promotes-regional-integration-in-central-asia/> (дата обращения: 08.11.2023).

³⁶⁹ Ионова, Е.П. Развитие отношений Казахстана и Узбекистана как фактор регионализации в Центральной Азии // Россия и

регионе появились новые факторы и условия сплоченности, в частности:

1. Узбекистан скорректировал свою внешнюю политику и значительно улучшил отношения с соседними странами.

Узбекистан расположен в самом центре Центральной Азии и является единственной из пяти центральноазиатских стран, имеющей общие границы с четырьмя другими. Если Узбекистан не будет играть активную роль, остальные четыре страны в лучшем случае смогут создать кольцеобразный круг сотрудничества, а инфраструктура, созданная в советский период с Узбекистаном в центре, не сможет сформировать органичную систему, что затруднит эффективную интеграцию региональных ресурсов. Кроме того, если отношения между Узбекистаном и Казахстаном, двумя самыми могущественными странами Центральной Азии, будут посредственными, региональной интеграции также будет не хватать внутреннего импульса. Многие ученые и СМИ считают, что в Центральной Азии Узбекистан представляет аграрную культуру, а Казахстан – кочевую. Будучи высшими должностными лицами Политбюро Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) в советский период и высшими руководителями новых независимых государств после распада Советского Союза, бывший президент Узбекистана Каримов и президент Казахстана Назарбаев оба хотели привести свои страны к соперничеству за лидерство в Центральной Азии, и они часто не соглашались друг с другом по вопросам, касающимся Центральной Азии и Содружества Независимых Государств (СНГ), что стало одним из наиболее важных факторов, повлиявших на региональное сотрудничество в Центральной Азии.

Следует отметить, что теперь ось Ташкент-Астана (с абсолютным равенством между сторонами, подобно тандему Германия-Франция в Европе) будет движущей силой в развитии многостороннего сотрудничества в регионе. Более мелкие страны Центральной Азии последуют инициативам Казахстана и Узбекистана. Именно новая политика открытых дверей в Ташкенте и реформы Шавката Мирзиёева

помогли изменить «баланс сил» в регионе и возобновили процесс интеграции³⁷⁰.

2. Все страны представили среднесрочные и долгосрочные стратегии развития с одинаковыми или схожими целями, задачами и мерами по реализации.

После международного финансового кризиса 2008 года страны Центральной Азии отреагировали на кризис, представив четкие среднесрочные и долгосрочные национальные стратегии развития, учитывающие их собственные национальные условия. Несмотря на различия в национальных условиях, национальные стратегии развития и сопровождающие их планы по реализации мер в конкретных секторах и отраслях имеют много общих черт. Во-первых, они нацелены на средне- и долгосрочное будущее развитие, с мандатом на 2030 или 2050 год, для завершения которого потребуется несколько президентов или даже одно или два поколения. Это говорит о том, что такие задачи и цели развития вызывают широкий общественный консенсус. Во-вторых, в центре внимания находятся структурные реформы, развитие диверсифицированной и либерализованной экономики, особенно глубокой переработки и производства, активизация малых и средних предприятий (МСП), важность инновационного промышленного развития, укрепление сельскохозяйственной экономики и активное развитие таких технoемких отраслей, как нефтехимия, химия, пищевая промышленность, текстиль, производство строительных материалов, машиностроение, туризм, логистика и другие. Предпринимаются усилия, чтобы отойти от модели экономики, зависящей от экспорта сырья, и повысить устойчивость к рискам. В-третьих, упор делается на улучшение инфраструктуры. Это и оптимизация дорожной, энергетической и коммуникационной сетей, и использование инвестиций в основные фонды и крупные проекты для ускорения экономического роста и увеличения занятости. В-четвертых, в фокусе внимания социальное развитие, стремление к повышению занятости и доходов населения, улучшение социального обеспечения и содействие социальной гармонии. И в-пятых, делается акцент на совершенствовании

³⁷⁰ Казанцев А., Каженова А. Новый этап центральноазиатской интеграции. 03.12.2019. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyy-etap-tsentralnoaziatskoy-integratsii/> (дата обращения: 12.09.2024).

управления государством, реформировании администрации и судебной системы, повышении эффективности и справедливости, а также на пресечении коррупции.

3. Инфраструктурные связи заметно улучшились, а коридоры сотрудничества с внешним миром постоянно совершенствуются.

Ни одна страна Центральной Азии не имеет выхода к морю, и связь с внешним миром невозможна без хорошо развитой инфраструктурной сети. В советский период система инфраструктуры в Центральной Азии была разработана с точки зрения экономической схемы всего Советского Союза, с упором на связь Центральной Азии с остальной производственной системой Советского Союза. Узбекистан выступал в качестве ядра всей транспортной сети, а ядром сети энергетических трубопроводов была Россия, таким образом формировались три основных маршрута: Восток, Ближний Восток и Запад параллельно Каспийскому морю с севера на юг, что привело к двум серьезным последствиям: во-первых, внешние связи Центральной Азии недостаточны, а во-вторых, внутренняя инфраструктура стран Центральной Азии раздроблена и не имеет взаимосвязи.

После международного финансового кризиса 2008 года, с одной стороны, некоторые средства были накоплены в предыдущий период, когда мировые цены на сырье были высокими; с другой стороны, страны Центральной Азии вкусили сладость инвестиционной тяги и начали вкладывать значительные средства в строительство инфраструктуры, улучшая свои внутренние, а также внешние транспортные и энергетические сети. В то же время, пять стран Центральной Азии все больше улучшают свои связи с внешним миром. Началось строительство проекта газопровода Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия (ТАПИ) и проекта высоковольтной сети электропередач Центральная Азия-Южная Азия (CASA-1000). Однако на реализацию проекта газопровода ТАПИ повлияла ситуация в Афганистане, где проект так и не был запущен. Хотя согласно последним новостям, афганская часть газопровода все же будет официально запущена³⁷¹. Осталось

³⁷¹ Туркменистан и Афганистан запустили строительство ряда объектов энергетической и транспортной инфраструктуры. 11.09.2024. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.newscentralasia.net/2024/09/11/turkmenistan-i-afganistan-zapustili-stroitelstvo-ryada-obektov-ehnergeticheskoy-i-transportnoj-infrastruktury/> (дата обращения: 12.09.2024)

завершить только участок железной дороги Туркменистан-Афганистан-Таджикистан в Таджикистане, а железнодорожная линия Туркменистан-Иран в Казахстане уже введена в эксплуатацию.

Улучшение инфраструктуры не только повысило эффективность, но и привело к исчезновению или ослаблению ранее существовавших зависимостей (железные дороги в обход третьих стран, поставки энергоносителей, требующие участия соседних стран, и т.д.), а также к спокойному изменению прежнего баланса сил между соседними странами и интенсивности подавления и контрподавления в сторону увеличения равенства. Кроме того, сформировался трансграничный транспортный коридор Китай-Центральная Азия-Западная Азия, крупный сухопутный маршрут, соединяющий Тихий океан и Персидский залив. С учетом таких факторов, как время и фрахт, комплексные логистические затраты на внутренние перевозки снижаются, а конкурентные преимущества постепенно растут, что создает хорошие условия для привлечения инвестиций в страны.

4) Китай выдвигает инициативу «Пояс и путь», прямо заявляя, что не стремится к расширению сферы влияния, а Россия, попавшая под санкции Запада из-за инцидента на Украине, уделяет больше внимания развитию Дальнего Востока и сотрудничеству с Азией, фокусируется на роли моста, связывающего два континента – Европу и Азию, и выдвигает инициативу развития «Партнерства Большой Евразии». На этом фоне всестороннее стратегическое партнерство Китая и России еще более углубилось, и появилась возможность найти больше точек соприкосновения на глобальном и региональном уровнях, а также в стратегических и прагматических областях. В 2015 году главы двух государств подписали Совместную декларацию о сотрудничестве в области строительства Экономического пояса Шелкового пути и строительства Евразийского экономического союза, а в 2017 году деловые ведомства двух стран подписали Заявление о совместном технико-экономическом обосновании Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве, что свидетельствует о поддержке Россией инициативы «Один пояс, один путь» и поддержке Китаем инициативы

«Большого евразийского партнерства». Таким образом, можно говорить о взаимной поддержке двух стран в стремлении развивать сотрудничество на суше Евразийского континента со странами Центральной Азии и совместно противостоять «цветным революциям» США и Запада в целом. Это означает, что Китай и Россия не только углубляют свое сотрудничество со странами Центральной Азии, но и расширяют взаимодействие и взаимопонимание по вопросам Центральной Азии, и Центральная Азия больше не является регионом соперничества между Китаем и Россией, а становится регионом сотрудничества между двумя странами. Для стран Центральной Азии нет необходимости запутываться в выборе приоритетного направления сотрудничества, как в случае с Украиной, и они также могут осуществлять внутрирегиональную интеграцию с помощью двух основных внешних рынков и фондов – Китая и России.

С 2018 года по настоящее время регулярно и весьма успешно проводится саммит глав государств Центральной Азии. Примечательно, что Туркменистан также активно участвует в этом механизме регионального диалога и сотрудничества³⁷². Сам факт возобновления встречи региональных президентов в 2018 году после десятилетнего перерыва отражает как минимум две тенденции: 1) признание ценности и реальности региона как общей родины, нуждающейся в восстановлении; и 2) готовность приступить к более тесному сотрудничеству в масштабах всего региона³⁷³.

6-й Саммит глав государств Центральной Азии состоялся в Астане 9 августа 2024 года. Пограничные споры, распределение водных ресурсов, миграция и другие вопросы, препятствующие развитию интеграции в Центральной Азии, были систематически разобраны на этой встрече, и многие препятствия для свободного

³⁷² В 1992 году тогдашний президент Туркменистана Сапармурат Ниязов выдвинул принцип «политического нейтралитета и экономической открытости» в ОБСЕ, а в 1993 году он объявил о политике нейтралитета Туркменистана в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ); на Генеральной Ассамблее ООН в декабре 1995 года была единогласно принята резолюция о предоставлении Туркменистану постоянного нейтралитета, что сделало его единственным постоянно нейтральным государством в Азии и третьим в мире. Защищая свой статус постоянно нейтрального государства, Туркменистан редко участвует в региональных и международных делах.

³⁷³ Tolipov F. Central Asia's Integration Takes One Step Forward, One Step Back. The Central Asia-Caucasus Analyst. 2023. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13658-central-asias-integration-takes-one-step-forward-one-step-back.html> (дата обращения: 02.11.2023).

осуществления взаимной торговли были устранены³⁷⁴. Кроме того, на встрече главы государств совместно приняли и подписали такие важные документы как: Концепция развития региональной кооперации «Центральная Азия – 2040», Дорожная карта по развитию регионального сотрудничества на 2025–2027 годы, План действий по развитию промышленной кооперации государств Центральной Азии на 2025–2027 годы³⁷⁵. Это событие свидетельствует о том, что ситуация в Центрально-Азиатском регионе вышла на более устойчивый путь, а процесс интеграции в Центральной Азии продвинулся дальше³⁷⁶.

В отличие от стремления к созданию единого экономического пространства или экономического сообщества в ранний постсоветский период с целью сохранения органических связей советского периода, интеграция, осуществляемая в настоящее время странами Центральной Азии, больше не имеет конкретных целей и не ограничивается экономической сферой. Демонстрируя стремление к широкому консенсусу, укрепляя дружбу и устанавливая отлаженный механизм коммуникации, начав с поддержания общей безопасности и стабильности в регионе и развития транзитных перевозок и торговли, она будет постепенно укреплять свои отношения, одновременно координируя их с различными механизмами регионального сотрудничества, особенно с Евразийским экономическим союзом, и затем, наконец, определит цели своего будущего сотрудничества и спланирует его конкретное содержание.

Если взглянуть на текущую международную и региональную ситуацию, то, хотя страны Центральной Азии по-прежнему придают большое значение своему суверенитету и независимости, а отдельные конфликты и споры все еще существуют, силы и стремление к развитию внутрирегионального сотрудничества

³⁷⁴ Под председательством Касым-Жомарта Токаева состоялась VI Консультативная встреча глав государств Центральной Азии. 09.08.2024. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.akorda.kz/ru/pod-predsedelstvom-kasym-zhomarta-tokaeva-sostoyalas-vi-konsultativnaya-vstrecha-glav-gosudarstv-centralnoj-azii-971327> (дата обращения: 19.09.2024).

³⁷⁵ 6-я Консультативная Встреча Глав Государств Центральной Азии в Астане – Центральноазиатские страны наметили долгосрочные планы региональной кооперации. 09.08.2024. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.newscentralasia.net/2024/08/09/6-ya-konsultativnaya-vstrecha-glav-gosudarstv-centralnoj-azii-v-astane-centralnoaziatskie-strany-nametili-dolgosrochnye-plany-regionalnoj-kooperacii/> (дата обращения: 19.09.2024).

³⁷⁶ Центральная Азия-2040: новый этап региональной кооперации. 22.07.2024. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://ea-monitor.kz/evraziyskiy-monitoring/centralnaya-aziya-2040-novyy-etap-regionalnoj-kooperacii> (дата обращения: 19.09.2024).

в Центральной Азии преобладают, что способствует созданию дополнительных возможностей для сотрудничества. В частности, все большее совершенствование внутрирегиональных транспортных и энергетических сетей, потребность в более широком рынке для развития диверсифицированной экономики в разных странах, а также растущий спрос на общую защиту от экстремистского религиозного проникновения из-за пределов региона делают возможным то, что в предстоящий период времени страны будут прилагать усилия для поиска точек соприкосновения, сохраняя различия, управлять своими разногласиями и находить общий язык, так что тенденция сотрудничества будет постоянно укрепляться.

Кроме того, некоторые ученые считают, что атмосфера и дух Центральноазиатского саммита схожи с периодом основания ШОС, демонстрируя укрепление доверия между странами. Доверие – это основа процветания каждой страны и региона в целом. Если между странами существует доверие, то проблемы передвижения людей, финансовой свободы и перемещения товаров, продукции и услуг будут решены на благо всех³⁷⁷.

Можно сказать, что если будущая внутрирегиональная интеграция в Центральной Азии будет эффективно интегрировать и использовать региональные ресурсы, она будет способствовать региональной стабильности и развитию и отвечать интересам стран региона. Учитывая, что страны Центральной Азии следуют принципу плюрализма и стремятся развивать дружеские отношения и отношения сотрудничества со всеми странами, а также то, что целью их интеграции и сотрудничества не является изменение существующего геополитического расклада в Центрально-Азиатском регионе, баланса сил между странами региона или конкурентной ситуации крупных держав, внешние державы в основном приветствуют это и с удовольствием наблюдают за происходящим. В будущем Саммит глав государств Центральной Азии, как механизм регионального сотрудничества, также может сыграть положительную роль в интеграции

³⁷⁷ Наргиза Мураталиева. Навруз-2019. Как пройдет второй саммит глав государств Центральной Азии? 16.04.2019. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.caa-network.org/archives/15797> (дата обращения: 16.05.2024).

Центрально-Азиатского региона.

Выводы по третьей главе:

- И региональное сотрудничество, и региональная интеграция являются результатами взаимодействия множества факторов. При изучении динамики интеграции в Центральной Азии важно проанализировать три аспекта: национальные, региональные и внешние факторы. На национальном уровне на выбор национальной политики влияет «политика элит»; на региональном уровне сотрудничество становится возможным благодаря взаимодействию между структурой региональной системы и политической обстановкой в каждой из стран; а внешними движущими силами развития региональной интеграции в Центральной Азии являются геополитика и игра великих держав;

- Развитие Центральной Азии сдерживается рядом факторов, как внутренних, так и внешних, включая слабость национальных экономик, национализм, языковые и культурные различия, трансграничные этнические проблемы, споры в сфере границ и водных ресурсов. Экономические проблемы выражаются в слабом и неравномерном развитии экономик стран Центральной Азии, а также в нерациональной структуре данных национальных экономик, что затрудняет поддержание экономического развития, необходимого для интеграции Центральной Азии;

- Внешние факторы – это ситуация в Афганистане, экстремистская религиозность, этнический сепаратизм, терроризм и новая эра игр великих держав. Ситуация в Афганистане резко изменилась после вывода американских войск и захвата власти талибами, создав множество неопределенностей для центральноазиатской интеграции. Игра великих держав, с другой стороны, служит обоюдоострым мечом, который, в случае негативной конкуренции, окажет отрицательное влияние на развитие центральноазиатской интеграции;

- В настоящее время возросшая готовность лидеров пяти государств Центральной Азии к сотрудничеству, улучшение отношений между ними и

объединение Узбекистана и Казахстана создали новые возможности для Центральной Азии, и в регионе возникли новые события и тенденции в сфере сотрудничества. В новый период открылись новые возможности для региональной интеграции в Центральной Азии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Регион – формирующаяся региональная субмеждународная система, нацеленная в первую очередь на экономическое и политическое сотрудничество. Интеграция, с другой стороны, означает процесс и состояние, в котором географически близкие национальные государства (без акцента на географическую близость), в целях максимизации собственных интересов или на основе определенных общих интересов и характеристик, опосредуют различия в интересах и конфликты интересов посредством межгосударственных режимов, соглашений и т.д. в ряде ключевых областей, включая экономическую, политическую (безопасность) и социальную (культура) сферы, с целью укрепления их сотрудничества и даже интеграции.

Таким образом, после распада Советского Союза – крупного события, повлиявшего на международный и региональный порядок, – страны Центральной Азии, получившие независимость, выбрали путь активного сотрудничества и интеграции в надежде сохранить связи, имевшиеся между этими республиками в период существования Советского Союза, чтобы поддержать собственную стабильность и развитие после периода дезориентации. Но все попытки интеграции, которые предпринимались, были прерваны, не успев оформиться в конкретные действия.

Если распад Советского Союза способствовал возобновлению внимания международного сообщества к Центральной Азии, то война в Афганистане стала ключевым событием, которое вытолкнуло их на мировую арену. После этого события мир начал геополитическую конкуренцию в Центральной Азии. Россия, как «лидер» постсоветского пространства, всегда была активно вовлечена в политическую, экономическую и военную деятельность стран Центральной Азии в качестве доминирующего игрока. Пространственное расширение НАТО и украинский кризис сделали Россию слишком занятой, чтобы продолжать оказывать поддержку и помощь странам Центральной Азии. В то же время, специальная военная операция заставила страны Центральной Азии настороженно относиться к

России. В результате России пришлось принимать трудное решение о необходимости выбора между двумя идентичностями – лидера и партнера.

В последние годы Китай стал второй по величине экономикой мира после США. Активно развивая свою внутреннюю экономику, Китай также начал уделять внимание расширению своего внешнего влияния, предлагая проекты геополитического сотрудничества, такие как инициатива «Пояс и путь». Страны Центральной Азии, имеющие протяженные границы с Китаем, находятся в центре китайской стратегии «Экономический пояс Шелкового пути». Обладая собственными экономическими преимуществами, Китай активно осуществляет экономическое сотрудничество со странами Центральной Азии и является важной движущей силой их экономического развития.

После окончания холодной войны Соединенные Штаты стали гегемонистской державой в однополярном мире. Реализация возможности использовать Центральную Азию для сдерживания развития Китая и России – важная часть дипломатической стратегии США, поэтому Центральная Азия стала одним из стержней евразийской стратегии США.

Турция и страны Центральной Азии имеют общие культурные атрибуты, т.е. тюркскую и исламскую культуры. После распада Советского Союза Турция продолжала укреплять влияние своих собственных доминирующих организаций в Центральной Азии, таких как Организация тюркских государств (ОТГ), чтобы укрепить свою «мягкую силу» в регионе. Будучи самой могущественной тюркоязычной страной на сегодняшний день, Турция считает обеспечение единства тюркоязычных народов своей обязанностью.

В этом конкретном геополитическом контексте ведущие державы начали реализовывать свои собственные программы региональной интеграции в Центральной Азии.

Инициативы «Большая Центральная Азия» и «Новый Шелковый путь» были двумя региональными интеграционными концепциями, предложенными Соединенными Штатами, с первоначальной целью объединения Центральной и

Южной Азии и содействия региональной интеграции. Однако на практике Соединенные Штаты всегда стремились к сохранению собственной гегемонии, из-за чего эти организации постепенно утратили свою значимость и к ним стали относиться холодно.

Евразийский экономический союз вырос из Организации Центрально-Азиатского Сотрудничества (ЦАС), в которой доминировали страны Центральной Азии. После вступления России в организацию она стала доминировать в ней. Пока что Евразийский экономический союз работает стабильно и добился ряда результатов. Но его все еще сдерживают наднациональные механизмы, слабая конкурентоспособность продукции и экономический спад в ведущих странах. В целом, глобальное влияние Союза остается весьма ограниченным с точки зрения его долгосрочного воздействия, но его деятельность способна оказать глубокое влияние на Евразийский регион, особенно на его центральную часть.

«Экономический пояс Шелкового пути», в отличие от западных теорий региональной интеграции, основан на суверенном равенстве государств для продвижения регионального сотрудничества и интеграции, и не стремится к созданию наднациональных региональных организаций, вливая новую жизненную силу в развитие Центральной Азии.

Институциональные рамки и способ функционирования Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) как региональной организации нового типа отличаются от механизмов организаций западной региональной интеграции, имеют свои собственные уникальные характеристики и играют важную роль в поддержании безопасности, стабильности и экономического развития в Центральной Азии. Основываясь на принципах «шанхайского духа» и «новой концепции безопасности», ШОС смогла наладить сотрудничество даже в условиях отсутствия прочной институциональной основы и самобытности государств-членов.

Как региональное сотрудничество, так и региональная интеграция являются результатом взаимодействия множества факторов и движущих сил. При изучении

динамики интеграции в Центральной Азии важно было проанализировать три аспекта: национальные, региональные и внешние стимулы. На национальном уровне на выбор национальной политики влияет «политика элит»; на региональном уровне реализации сотрудничества способствует взаимодействие между структурой региональной системы и политической средой каждой страны; а геополитика и игра великих держав являются внешними движущими силами для развития региональной интеграции в Центральной Азии.

Развитие чего бы то ни было не может быть плавным. Существует ряд факторов, сдерживающих развитие Центральной Азии как изнутри, так и извне, включая слабые национальные экономики, национализм, языковые и культурные различия, трансграничные этнические проблемы, споры о водных ресурсах и пограничные споры. Экономические проблемы выражаются в небольшом размере и неравномерном развитии экономик стран Центральной Азии, а также в нерациональной структуре национальных экономик, что затрудняет поддержание экономического развития, необходимого для интеграции.

Внешние факторы – это ситуация в Афганистане, экстремистская религиозность, этнический сепаратизм, международный терроризм и новая эра игр великих держав. Ситуация в Афганистане кардинально изменилась после вывода войск Соединенных Штатов и захвата власти талибами, что создало множество неопределенностей для центральноазиатской интеграции. С другой стороны, игра великих держав служит обоюдоострым мечом, который, при негативной конкуренции, может оказать отрицательное влияние на развитие центральноазиатской интеграции.

В Центральной Азии параллельное функционирование интеграционных моделей под руководством внерегиональных акторов и структурные различия между механизмами на уровне правил и стандартов, интересов государств-членов и стратегических целей привели к формированию в регионе «режимного комплекса», что обусловило фрагментацию ресурсов и трудности координации политики.

Во внутреннем плане дисбаланс в уровнях развития, институциональная неоднородность и исторические споры между странами Центральной Азии продолжают ослаблять эффективность коллективных действий. В то же время внешние акторы обеспечивают экономический рост и общественные блага за счет инвестиций (инвестиции Китая в энергетические и транспортные проекты в Центральной Азии), сотрудничества в сфере безопасности (возглавляемая Россией Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)) и культурного проникновения (экспорт мягкой силы Турцией), что объективно повышает региональную взаимосвязанность. Тем не менее, привлечение внешних сил также усилило «давление, заставляющее выбирать сторону», что привело к зависимости стран Центральной Азии от стратегий хеджирования и ослаблению автономности интеграции.

Современный процесс интеграции в Центральной Азии по сути является экзогенным, и его основные направления зачастую определяются внерегиональными акторами. Россия сохраняет свое традиционное влияние благодаря историческим связям и энергетической зависимости, Китай делает ставку на экономическое сотрудничество для углубления своей стратегии «открытости Западу», США усиливают свое присутствие в регионе за счет вопросов безопасности, а Турция пытается проникнуть в регион через тюркскую культуру.

Данная модель, управляемая извне, обусловила «фрагментацию» интеграции в Центральной Азии: с одной стороны, конкуренция между державами создала избыток институтов, так что страны региона могут максимизировать свои интересы с помощью диверсифицированных механизмов сотрудничества; С другой стороны, краткосрочная и инструментальная тенденция внешней стратегии может ослабить устойчивую эндогенную динамику региональной интеграции и даже вызвать «ловушку институциональной вложенности».

В целом, нынешнее состояние интеграции в Центральной Азии можно охарактеризовать как ограниченная интеграция в рамках дублирующих друг друга

механизмов и пассивная адаптация в условиях конкуренции держав. Для ее дальнейшего развития необходимо найти баланс между импортом внешних ресурсов и наращиванием внутреннего управленческого потенциала, а также выбрать путь трансформации интернализации экзогенной динамики через укрепление региональной идентичности и институциональных механизмов координации.

В декабре 2016 года Ш. Мирзиёев занял пост президента Узбекистана, отстаивая концепции «дипломатия соседства без проблем», «соседство превыше всего» и «общие интересы Центральной Азии», а также совершая частые визиты в четыре другие страны региона, чтобы сломать жесткую дипломатическую ситуацию в пяти странах Центральной Азии и оживить региональное сотрудничество. В настоящее время лидеры пяти стран Центральной Азии усилили готовность к сотрудничеству, отношения между пятью странами смягчились, а связь между Узбекистаном и Казахстаном, а также инициатива Экономического пояса Шелкового пути открыли новые возможности для региона Центральной Азии, что привело к новой тенденции развития и сотрудничества в регионе. На этом новом этапе истории открылись новые возможности для региональной интеграции в Центральной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Официальные документы и нормативно-правовые акты

На русском языке:

1. Декларация о создании "Шанхайской организации сотрудничества". [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1678030/ (дата обращения: 19.09.2024)
2. Договор о Евразийском экономическом союзе. 29.05.2014. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://economy.gov.ru/material/file/2bbbf9ae33443d533d855bf2225707e/Dogovor_ees.pdf (дата обращения: 18.09.2024)
3. Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 года. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://russia.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/sojuz/legal_acts/a8c7dec6793bf47e.html (дата обращения: 18.09.2024)
4. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества. 09.10.2000. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://kremlin.ru/supplement/3402> (дата обращения: 18.09.2024)
5. Заявление Глав Правительств (Премьер-министров) государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о региональном экономическом взаимодействии. ИНФО ШОС, 15. 12. 2015. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://infoshos.ru/ru/?id=130> (дата обращения: 28.05.2023)
6. КОНСТИТУЦИОННЫЙ ЗАКОН КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ от 17.07.2023 г. № 140. О государственном языке Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112618> (дата обращения: 13.10.2023)
7. Концепция внешней политики Российской Федерации 2000г. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://constitutions.ru/?p=23595> (дата обращения: 18.09.2024)

17.07.2023).

8. Ликвидация барьеров, ограничений и изъятий во взаимной торговле в ЕАЭС. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://economy.gov.by/ru/likv_izjatij-ru/ (дата обращения: 20.11.2023)
9. Московская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://kremlin.ru/supplement/5575> (дата обращения: 19.09.2024)
10. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. 08.05.2015. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 28.10.2024)
11. Соглашение между государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://kremlin.ru/supplement/3864> (дата обращения: 19.09.2024)
12. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910250023?index=1> (дата обращения: 19.09.2024)
13. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/International_legal_documents/Conventions/shanghai_conv.pdf (дата обращения: 19.09.2024)

На английском языке:

14. Condoleezza Rice, Remarks at the State Department Correspondents

- Association's Inaugural Newsmaker Breakfast, January 5, 2006. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2006/58725.htm> (дата обращения: 22.10.2023).
15. Declaration of the tenth summit of the Organization of Turkic states. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.turkicstates.org/assets/pdf/haberler/samarkand-declaration-2679-165.pdf> (дата обращения: 06.10.2024)
16. Europe and Central Asia Economic Update, Spring 2022: War in the Region. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099517406012214353/pdf/IDU0e3baf4c505b0104d8e08bc9054428139f5ab.pdf> (дата обращения: 28.11.2023)
17. Joint Statement on United States-Pakistan Strategic Partnership. March 4, 2006. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/03/20060304-1.html> (дата обращения: 28.10.2023).
18. Nakhchivan Agreement on the establishment of the Cooperation Council of Turkic Speaking States. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://international.vlex.com/vid/nakhchivan-agreement-on-the-851195705> (дата обращения: 06.10.2024)
19. Richard A. Boucher, U.S. Policy in Central Asia: Balancing Priorities (Part II), April 26, 2006. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://2001-2009.state.gov/p/sca/rls/rm/2006/65292.htm> (дата обращения: 30.10.2023).
20. Samarkand declaration of the ninth summit of the Organization of Turkic States. (2022). [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.turkicstates.org/u/d/basic-documents/ninth-summit-declarataion-16-en.pdf> (дата обращения: 06.10.2024)
21. The Conference Report for the Kabul Conference on Partnership, Trade and Development in Great Central Asia, April 2006.
22. Turkic World Vision – 2040. [Электронный ресурс]. [режим доступа]:

<https://www.turkicstates.org/assets/pdf/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf> (дата обращения: 06.10.2024)

На китайском языке:

23. 中国与欧亚经济联盟正式签署经贸合作协定. (перевод: Китай и Евразийский экономический союз официально подписали соглашение об экономическом и торговом сотрудничестве. Министерство коммерции КНР.) 18.05.2018. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://www.mofcom.gov.cn/article/ae/ai/201805/20180502745041.shtml> (дата обращения: 30.05.2024)

Диссертации

На русском языке:

24. Михайленко Е.Б. Регионализм и регионализация в процессе формирования нового ядерного порядка: политические и институциональные аспекты: диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук: 5.5.4. Екатеринбург, 2024.

Книги и монографии и главы из монографий

На русском языке:

25. Байков А.А. Интеграционизм в мировой политике. // Современная политическая наука: Методология: Научное издание / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. – 2-е изд., испр. и доп.. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Аспект Пресс", 2019, сс. 696-727.
26. Дугин А. Основы геополитики. -М.: Арктогея, 1997.

27. Дугин А. Русская война. -М: Родина, 2024.
28. Жильцов С.С., Зонн И.С. США в погоне за Каспием. -Москва: Международные отношения, 2009.
29. История СССР, с древнейших времен до конца XVIII в., под редакцией Академика Б.А. Рыбакова. Москва: «ВЫСШАЯ ШКОЛА», 1983.
30. Казбеков Б.К. Интеграция Казахстана и Центральной Азии в мировую экономику. -Алматы: Дайк-Пресс, 2002.
31. Карабаев Э., Подкуйко Ю. Центральная Азия: История региона. -Бишкек, 2004.
32. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. – М.: Аспект Пресс, 2002.
33. Кушкумбаев С.К. Геополитические концепции регионообразования Центральной Азии. // Обеспечение безопасности и стабильности государства в контексте формирования международного имиджа Республики Казахстана. – Алматы: КазНУ им. аль-Фараби, 2009, сс. 72-82.
34. Мукимджанова, Р.М. Страны Центральной Азии: Азиатский вектор внешней политики. -М.: Наука, 2005.
35. Назарбаев Н.А. Пять лет независимости. -Алматы: «Казахстан»,1996.
36. Неклюдов Н.Я. Мягкая сила на перепутье границ: к вопросу религиозно-культурного взаимодействия России, Турции и Ирана в Грузии // Аспирантские тетради : сборник научных статей, Воронеж, 31 января 2018 года / Воронежский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». Том Выпуск 2. – Воронеж: Воронежский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2018, сс. 119-129.
37. Олкотт М.Б. Второй шанс Центральной Азии / Марта Брилл Олкотт ; Московский центр Карнеги, Фонд Карнеги за Международный мир. -

Москва ; Вашингтон, 2005.

38. Советский энциклопедический словарь. - Москва, 1980.
39. Статистика Евразийского экономического союза 2019 год (Статистический сборник) . Евразийская экономическая комиссия. -Москва: Издательство ООО «Сам Полиграфист», 2020.
40. Шишков, Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. -М.: III тысячелетие, 2001.

На английском языке:

41. Aris S. Eurasian Regionalism: The Shanghai Cooperation Organization. -New York: Palgrave Macmillan, 2011.
42. Baikov A.A. International Integration in Theoretical Discourse. In: Polycentric World Order in the Making. – Singapore : Palgrave Macmillan Ltd., 2023, pp. 181-201.
43. Balassa B. The Theory of Economic Integration. -Routledge Revivals, Taylor and Francis, 2013.
44. Börzel T. A., Risse T. (eds). The Oxford Handbook of Comparative Regionalism. -Oxford: Oxford University Press, 2016.
45. Brill M.O. Central Asia: Common Legacies and Conflicts. In: Roy A., Lena J. eds., Central Asian Security: The New International Context. -Washington, DC: Brookings Institution Press, 2001.
46. Brzezinski Z.K., The grand chessboard. - New York: Basic books, 1997.
47. Cohen S.B. Geopolitics: the geography of international relations, third edition. - London: Rowman & Littlefield Publishers, 2014.
48. Deutsch, K.W. The analysis of international relations. - Englewood Cliffs, N.J: Prentice-Hall, 1968.
49. Dickinson R.E. The Makers of Modern Geography. – London: Routledge, 1969.
50. Dominick S. International economics. -New York: Macmillan publishing

company, 1993.

51. Dougherty J.E., Pfaltzgraff R.L. *Contending Theories of International Relations: A Comprehensive Survey*. -New York: Harper & Row, 1981.
52. Engel U., Zinecker H., Mattheis F., Dietze, A., & Plötze, T. (Eds.). *The New Politics of Regionalism: Perspectives from Africa, Latin America and Asia-Pacific* (1st ed.). -London: Routledge, 2018.
53. *Comparative regionalism*. Edited by Fred H. Lawson. -London: Routledge, 2009.
54. Gareth W. Turkey and the Newly Independent States of Central Asia and the Transcaucasus. In: Barry Rubin and Kemal Kirisci, eds., *Turkey in World Politics: An Emerging Multiregional Power*. -Istanbul: Bogazici University Press, 2002.
55. Glinkina S. Russian Ideas on Integration within the CIS Space: How Do They Match or Clash with EU Ideas? // Institute for World Economics of the Hungarian Academy of Sciences, Working Paper. No.182, 2008.
56. Haas E.B. *The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces, 1950-1957*. -Stanford: Stanford University Press, 1958.
57. Grant J.A. *The Ashgate Research Companion to Regionalisms* (T.M. Shaw, Ed.) (1st ed.). -London: Routledge, 2011.
58. Hambly G. *Central Asia*. -New York: Delacorte press, inc, 1969.
59. Helge Hveem. *Explaining the Regional Phenomenon in an Era of Globalization*. In: Richard Stubbs, Geoffrey R.D. Underhill (eds.), *Political Economy and the Changing Global Order*, 3rd Edition. -New York: Oxford University Press, 2006.
60. Hettne B. and Söderbaum F. *Theorising the Rise of Regionness*, in Breslin, S., Hughes, C.W., Phillips, N., & Rosamond, B. (Eds.). *New Regionalism in the Global Political Economy: Theories and Cases* (1st ed.). Routledge, 2002.
61. Hettne B. *Globalization and the New Regionalism: The Second Great Transformation*. In Wagstaffed P., *Regionalism in the European Union*. -U.K.: Intellect Books; USA: Intellect Books, 1999.
62. Humboldt H. *Asie centrale*. -Paris, 1843.
63. Hunczak T. *Russian imperialism from Ivan the Great to the revolution*. -New

- Brunswick: Rutgers University Press, 1974.
64. Huntington S.P. The clash of civilizations and the remaking of world order. - New York: Touchstone, 1997.
 65. Hurrell A. Regionalism in Theoretical Perspective, in Louise Fawcett and Andrew Hurrell (eds.) , Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order. -New York: Oxford University Press, 1995, pp.37-73.
 66. Katzenstein P. J. A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium. – Ithaca: Cornell University Press, 2005.
 67. Lenze N., Schriwer C. Converging Regions: Global Perspectives on Asia and the Middle East (1st ed.). –London: Routledge, 2014.
 68. Lindberg L. The Political Dynamics of European Economic Integration. -Stanford University Press, 1963.
 69. Linn J.F., Pidufala O. The Experience with Regional Economic Cooperation Organizations. Lessons for Central Asia. -Washington, DC: Wolfensohn Center for Development at Brookings, October 2008.
 70. Mackinder H. J. Democratic ideals and reality. -New York: W.W. Norton, 1962.
 71. Martin G. J. All possible worlds: a history of geographical ideas. - New York: Oxford university press, 2005.
 72. Mattli W. The Logic of Regional Integration: Europe and Beyond. - Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
 73. Neumann I.B. A Region-Building Approach. In: Söderbaum F., Shaw T.M. (eds) Theories of New Regionalism. International Political Economy Series. -London: Palgrave Macmillan, 2003.
 74. Nye, Joseph S. International regionalism: readings. -Boston: Little, Brown & Co., 1968.
 75. Olcott, M.B. Central Asia's Second Chance. -Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2005.
 76. Olcott, M.B., Aslund, A., Garnett, Sh.W. Regional Cooperation and Commonwealth of Independent States. Getting It Wrong. - Washington, DC:

- Carnegie Endowment for International Peace, 1999.
77. Parker G. *Geopolitics: past, present and future*. - London ; Washington, DC : Pinter, 1997.
 78. Parker G. *Western Geopolitical Thought in the Twentieth Century*. - London: Routledge, 1985.
 79. Ravenhill J. *APEC and the Construction of Pacific Rim Regionalism*. - New York : Cambridge University Press, 2002.
 80. Risse T. *A Community of Europeans? : Transnational Identities and Public Spheres*. – Ithaca: Cornell University Press, 2010.
 81. Rumer B., Zhukov S. *Central Asia: The Challenges of Independence*. -New York: M.E. Sharpe, 1998.
 82. Schulz M., Söderbaum F., and Öjendal J.(eds.). *Regionalization in a Globalizing World: A Comparative Perspective on Forms, Actors and Processes*. -London: Zed Books, 2001.
 83. Smith M., *Regions and Regionalism*. In Brian Whit, Richard Little and Michael Smith, eds. *Issues in World Politics*. -Macmillan Press Ltd., 1997.
 84. Söderbaum F. *Rethinking Regionalism*. –London: Macmillan Education, 2016.
 85. Solingen E. *Comparative Regionalism: Economics and Security* (1st ed.). – London: Routledge, 2014.
 86. Spykman N. *The Geography of the Peace*. -New York: Harcourt, Brace, 1944.
 87. Spykman, N.J. *America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power* (1st ed.). -Routledge, 2007.
 88. Starr. F. A “Greater Central Asia Partnership” for Afghanistan and Its Neighbors. Central Asia - Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, March, 2005.
 89. Telò M. *European Union and New Regionalism: Competing Regionalism and Global Governance in a Post-Hegemonic Era* (3rd ed.). -London: Routledge, 2014.
 90. Wagstaffed P. *Regionalism in the European Union*. U. K.: Intellect Books. -USA: Intellect Books, 1999.
 91. Waltz K.N. *Theory of International Politics*. - Boston, Mass.: McGraw-Hill, 1979.

92. Warleigh-Lack A., Robinson N., Rosamond B. (Eds.). New Regionalism and the European Union: Dialogues, Comparisons and New Research Directions (1st ed.). -London: Routledge, 2011.
93. Weitz R. Kazakhstan and the New International Politics of Eurasia. -Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies, 2008.
94. Zhang F. Chinese Hegemony: Grand Strategy and International Institutions in East Asian History. -Stanford: Stanford University Press, 2015.

На китайском языке:

95. 安特耶·维纳, 托马斯·迪兹. 拼盘式的一体化理论. // 安特耶·维纳, 托马斯·迪兹主编: 欧洲一体化理论, 朱立群等译. 北京: 世界知识出版社, 2009 年, 第 15 页. (Перевод: Антея Винер, Томас Дитц. Теория интеграции на блюде // Антея Винер, Томас Дитц (ред). Теория европейской интеграции, перевод Чжу Лицзюнь и др. -Пекин: Издательство «Мировое знание», 2009, с. 15., 2021. С. 1.)
96. 蔡运龙, 比尔·怀科夫(美). 地理学思想经典解读. 北京: 商务印书馆, 2011 年. (перевод: Цай Ю., Уайкофф Б. Интерпретация классики географической мысли. -Пекин: Коммерческая пресса, 2011.)
97. 陈军. 地缘战略视角下的大国博弈——以中亚为例. 上海: 上海外国语大学出版社, 2021 年. (Чэнь Ц. Игра великих держав с точки зрения геостратегии: пример Центральной Азии. Шанхай: Издательство Шанхайского университета иностранных языков, 2021.)
98. 姜国柱, 肖冬松. 孙子兵法——中华经典精粹解读. 北京: 中华书局, 2011 年. (перевод: Цзян Г., Сяо Д. Искусство войны Сунь-Цзы - существенное толкование китайской классики. -Пекин: Чжунхуа Шуцзюй, 2011.)
99. 王志. 制度与规范——比较视野下中亚区域一体化研究. 北京: 社会科学文献出版社, 2021 年. (перевод: Ван Ч. Институты и нормы: исследование

региональной интеграции в Центральной Азии в сравнительной перспективе. -Пекин: Издательство литературы по общественным наукам, 2021.)

100. 许涛. 中亚地缘政治沿革——历史、现状与未来. 北京: 时事出版社, 2016 年. (перевод: Сюй Т. Геополитическая эволюция Центральной Азии: история, настоящее и будущее. -Пекин: Издательство «Актуальные вопросы», 2016.)

Статьи и материалы конференций

На русском языке:

101. Акматалиева, А.М. Организация тюркских государств как новый актор евразийского пространства // Научные исследования в Кыргызской Республике. 2023. № 4, с. 43-51.
102. Андиржанова Г.А. Формирование политики России в региональных институтах Центральной Азии. // Narxoz law and public policy. 2020, 1(1), с. 61-68.
103. Атид И.У., Озель Озджан М.С. Препятствия к осуществлению региональной интеграции в Центральной Азии: критический анализ. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. №2, с. 137-157.
104. Ахмедов Ф.А. «Большая игра» XXI века или геополитические игры мировых держав в Центральной Азии. // Известия Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан, 2018, №. 4, с. 201-210.
105. Бекашев К.А. ЕАЭС: Международная (Межгосударственная) Организация или Международное (Межгосударственное) Интеграционное Объединение // Евразийский Юридический Журнал. №11. 2014, с. 14-16.
106. Борисенко Н.А. Экономика стран Центральной Азии в условиях вовлеченности в мировое экономическое пространство // Глобальная

экономика и образование. 2021. Том 1. № 4, с. 21–33.

107. Бурханов А. Концепция "Большой Центральной Азии": проблемы и перспективы // Экономические стратегии – Центральная Азия. 2006. № 2., с. 56-59.
108. Гарбузарова Е.Г. Страны Центральной Азии в условиях антироссийских санкций // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2023. № 3(37), с. 92-104.
109. Данапияева Ж.К. Геополитика Центральной Азии на орбите мировых систем. // Вестник Кыргызского Национального Университета имени Жусупа Баласагына. 2022. № 3 (111), с. 246-253.
110. Дьяконова М.А., Тимофеев О.А., Шарипов Ф.Ф. Геополитические интересы Китая в Центральной Азии и Афганистане. // 70 лет современному китайскому государству. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. 2019, с. 284-292.
111. Евсеенко А.С. Год после прихода талибов к власти: основные вызовы для России и США на афганском направлении. // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 52 (11), с. 111-126.
112. Ефременко Д.В. Новый этап в развитии Шанхайской Организации Сотрудничества // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. Т. 24, № 24, с. 114-130.
113. Желдыбаева А.Т. Стратегия "мягкой силы" как инструмент политики Турции в отношении Казахстана. // Дневник Алтайской школы политических исследований, 2018, № 34, с.77-83.
114. Игитян М.Ю. Китайская внешняя политика в Центральной Азии и интересы России. // Власть. 2019. № 3, с.250-259.
115. Ионова Е.П. Развитие отношений Казахстана и Узбекистана как фактор регионализации в Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 4(41), с. 132-145.
116. Ионова Е.П. Страны Центральной Азии в условиях афганского кризиса.

// Россия и новые государства Евразии. 2021. № 3(52), с. 78-92.

117. Казакова А.В. Евразийская интеграция: препятствия для развития и пути их преодоления // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 4, с. 145-154.
118. Карнаухова Е.А. «Большая игра» в Центральной Азии в контексте формирования нового мирового порядка. // Мировая политика XXI века: образы будущего в мозаике региональных проблем: сборник статей по материалам секции «Мировая политика» XXV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / Отв. ред. В.И. Бартенев, Н.В. Юдин. М.: Издательство Московского университета, 2018, с. 13-40.
119. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Центральная Азия в контексте современной геополитики на евразийском пространстве. // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 6, с. 65–72.
120. Кокошин А.А., Кокошина З.А. Об основных направлениях внешнеполитической стратегии США в Центральной Азии. // Современная Европа. 2022, № 6, с. 126-139.
121. Курбонов Ф.Ф. Водные ресурсы как фактор безопасности в Центральной Азии // Наука и технология XXI века. 2020. № 3(3), с. 117-125.
122. Кузьмина Е.М. Проблемы экономического единства Центрально-Азиатского региона. // Проблемы национальной стратегии, 2018, № 4(49), с.116-130.
123. Кузьмина Е.М. Государства Центральной Азии и ЕАЭС: экономические возможности и проблемы экономической сопряженности / Е. М. Кузьмина // Постсоветские государства: 25 лет независимого развития : в 2-х томах. Том 1. – Москва : Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2017, с. 136-149.
124. Лаумулин, М.Т. Политические аспекты интеграции Казахстана и России.

// Казахстан в глобальных процессах. 2006. №4, с. 68-75.

125. Лесная Е.В. Проблемы терроризма и религиозного экстремизма в Центральной Азии на современном этапе общественно-политического развития // E-Scio. 2021. № 11(62), с. 174-178.
126. Литвинова Т.Н. Россия в большом евразийском партнерстве: от цивилизационной теории к политической практике. // Право и управление. XXI век. 2020;16(2), с. 33-42.
127. Малышева Д.Б. В контексте фактора Афганистана. Россия и Китай в постсоветской Средней Азии // Свободная мысль. 2021. № 6 (1690), с. 99-114.
128. Малышева Д.Б. Международно-политическая конкуренция на постсоветском центральноазиатском пространстве // Мировая экономика и международные отношения. 2021. т. 65, № 7, с. 106-115.
129. Малышева Д.Б. Центральноазиатское Ближнее Зарубежье в стратегии коллективного Запада // Постколониализм и современность. 2023. № 3, с. 7-25.
130. Малышева Д.Б. Центральноазиатское направление политики Турции // Россия и новые государства Евразии. 2024. № II (LXIII), с. 60-72.
131. Масат С. Геополитические модели стратегии и внешняя политика России в Центральной Азии. // Центральная Азия и Кавказ. 2014, 4(17), с. 34-42.
132. Михайлова Н.В., Карпова К.Р. Проблемы евразийской интеграции: политические аспекты // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 4(154), с. 9-16.
133. Мога И.С., Горбунова Л.П., Денисова А.В. [и др.]. Сдерживающие и подталкивающие факторы интеграции Евразийского экономического союза в условиях новейших вызовов глобальной экономики // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № 2.
134. Музапарова Л.М. К вопросу об экономическом сотрудничестве и интеграции в Центральной Азии. // Казахстан в глобальных процессах. 2007.

№3, с. 38-42.

135. Мусаев А.И. Потенциал интеграции Центральной Азии в свете возвышения «тюркского мира» // Реформа. 2023. № 1(97), с. 6-11.
136. Назарбаев Н.А. Региональная интеграция и евразийство. // Казахстанская правда. 02.04.2004.
137. Нармбаев М. Республика Казахстан и ОЭС: современное состояние и перспективы взаимодействия. // Центральная Азия и Кавказ. 2008. №1, с. 114-129.
138. Новиков Д.П. Китайско-американское соперничество и Большое Евразийское партнерство: Влияние и перспективы. // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 1 (109), с. 113-134.
139. Односталко О.В. Евразийская идея Н.А. Назарбаева: от теории к практике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11, с. 132-135.
140. Опарин В.И. Политика США в Центрально-Азиатском регионе в контексте национальных интересов России. // Проблемы национальной стратегии. 2023. № 4 (79), с. 106-125.
141. Парамонов В., Строков А., Столповский О. Внешняя политика России в Центральной Азии: взгляд из Узбекистана // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 3(63), с. 123-137.
142. Парубочая Е.Ф. Интеграция тюркского мира на современном этапе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6-1(68), с. 147-151.
143. Пейруз С. Перед лицом сепаратизма: Европейский Союз, Средняя Азия и уйгурский вопрос // EUCAM. 2009. № 4, с. 1-8.
144. Пономарев В.А. Об основных направлениях политики США в Центральной Азии. // Проблемы постсоветского пространства. 2020. № 6, с.

445-459.

145. Примбетов С. Перспективы интеграции центральноазиатских государств. // Центральная Азия и Кавказ, 2006, №6, с. 135-144.
146. Притчин С.А. “Большая игра 2.0” в Центральной Азии на современном этапе // Мировая экономика и международные отношения. 2022. т. 66, № 6, с. 112-123.
147. Притчин С.А. Турецкая стратегия в отношении Центральной Азии на современном этапе: сильные стороны и ограничители // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2, с. 52-62.
148. Ризоён Ш.Ш., Гиёсов М.Ф. Афганистан под властью Талибан: вызовы и угрозы для Центральной Азии. // Международные Отношения и безопасность. 2022. №3(3), с.149-167.
149. Сабов И.Н. Имиджевое позиционирование Турции в Центральной Азии: проблемы институционализации интеграции тюркского мира. // Журнал «Вестник КРСУ», 2021, № 3, с. 197-203.
150. Сафранчук И. А. Концепция «Новый шелковый путь» и американская политика в Большой Центральной Азии // Международная жизнь. 2013. № 7, с. 43–53.
151. Сирочиддин С. Новая большая игра в Центральной Азии: конфликты и интересы России, Китая и США. // Известия института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова национальной академии наук Таджикистана, 2021, №. 3, с. 150-156.
152. Смирнов В.А. Политическое развитие постсоветского пространства: к вопросу о роли политических элит // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 6, с. 31-52.
153. Сужикова Ш.М. Роль региональной интеграции на евразийском пространстве в условиях глобализации. // Политические проблемы международных отношений и глобального развития: материалы международной научно-практической конференции в рамках шестых

мустафинских политологических чтений. Алматы: КазНУ им. аль-Фараби, 2005, с. 78-84.

154. Султанов Ш.М. Геостратегия Турции в регионе Центральной Азии: провал политики пантюркизма и уроки экономического прагматизма. // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017, 9(2), с. 39-44.
155. Сыроежкин К.Л. ШОС и интеграционные объединения на постсоветском пространстве. // Проблемы экономического и финансового сотрудничества в рамках ШОС: материалы международной научно-практической конференции. Алматы: КИСИ, 2006. с. 91-97.
156. Тулеев М.С. Международный терроризм в Центральной Азии: социально-политический фактор // Вопросы истории Кыргызстана. 2014. № 1-2, с. 170-178.
157. Тулепбергенова Г. Проект Большой Центральной Азии: анализ состояния и эволюция // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 1(61), с. 85-97.
158. Усмонзода Х.У. Современный кризис в Афганистане на фоне геополитических процессов в Центральной Азии. // Таджикистан и современный мир. 2023. № 3 (83), с. 13-23.
159. Уяма Т. Влияние перемен периода перестройки на становление политических систем стран Центральной Азии: чувство угрозы и авторитаризм // Международная аналитика. 2021. № 1(12), с. 55-73.
160. Хоперская Л. Евразийский интеграционный проект: позиция центральноазиатских элит // Россия и мусульманский мир. 2014. № 7(265), с. 84-101.
161. Хуррамов М.К. Теоретические аспекты двусторонних отношений между Узбекистаном и Казахстаном в 1991 - 2016 годах // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. 2022. № 2(139), с. 129-138.
162. Чазов О.П. Интересы и политика России в Центральной Азии в новых

геополитических условиях. // Обозреватель. 2012, 5(268), с. 44-55.

163. Чжан Ю. Механизмы сотрудничества тюркоязычных стран в период с 1991 по 2022 год // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29, № 2, с. 145–156.
164. Чжан Ю. Организация тюркских государств (ОТГ): происхождение, мотивы, особенности и влияние // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. Т. 17, № 1, с. 78-87.
165. Эсенгул Ч. Национализм и регионализм в Центральной Азии и Юго-Восточной Азии (часть II). // Наука, новые технологии и инновации в Кыргызстане, 2013, №1, с. 240-242.
166. Юньюшкина А.С., Понька Т.И., Шаповалова К.А. Конкуренция мировых держав в Центральной Азии. // Международные отношения. 2021. № 2, с. 40-54.
167. Якубов И.Х., Нуриддинов У.К. Афганский фактор в Центральной Азии: текущие тенденции и перспективы развития. // Постсоветские исследования. 2021. № 4(6), с. 470-478.
168. Яшлавский, А.Э. Вывод войск США из Афганистана и проблемы безопасности в Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 3(52), с. 93-109.

На английском языке:

169. Acharya A. Comparative Regionalism: A Field Whose Time has Come? // The International Spectator, №.47(1), 2012, pp. 3–15.
170. Acharya A. Global International Relations (IR) and Regional Worlds: A New Agenda for International Studies. // International Studies Quarterly, Vol. 58, Issue 4, 2014, pp. 647–659.
171. Acharya A. Ideas, identity, and institution-building: From the “ASEAN way”

- to the "Asia-Pacific way"? // *Pacific Review*, 1997, №10, pp. 319-346.
172. Akaliyski P., Welzel C., Hien J. A community of shared values? Dimensions and dynamics of cultural integration in the European Union. // *Journal of European Integration*, 2021, 44(4), pp. 569–590.
 173. Aras B., Fidan H. Turkey and Eurasia: Frontiers of a New Geographic Imagination. // *New Perspectives on Turkey*, 2009, Vol.40, Iss.1, pp.193-215.
 174. Aubakir A. Global actors in Central Asia: Great Game or Great Gain? // *Public administration and civil service*, 2020, №. 3(74), pp. 68-76.
 175. Balassa B. Trade creation and trade diversion in the European Common Market. // *The Economic Journal*. Vol. 77, No. 305, 1967, pp. 1-21.
 176. Barov S.A., Medvedev Yu. S. Historical and geopolitical prerequisites of regional integration in Central Asia. // *History and society*, 2021, 52, p.89.
 177. Bohr A. Regionalism in Central Asia: New Geopolitics, Old Regional Order. // *International Affairs*, Vol. 80, No. 3, 2004, pp. 485-502.
 178. Börzel T.A., Risse T. Grand theories of integration and the challenges of comparative regionalism. // *Journal of European Public Policy*, vol. 26(8), 2019, pp. 1231–1252.
 179. Boucher R.A. U.S. Policy in Central Asia: Balancing Priorities (Part II). // *Hearing Before the Subcommittee on the Middle East and Central Asia of the Committee on International Relations House of Representatives*, 109th Congress, Second Session, Serial No.109-186. U.S. Government Printing Office, Washington: 2006.
 180. Bukalerova L.A., Kaminskiy I.S. Development Prospects of The Eurasian Economic Union as a regional integrational organization. // *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 2022, №3, pp. 271-278.
 181. Buranelli F.C. Central Asian Regionalism or Central Asian Order? Some Reflections. // *Central Asian Affairs*, 2021, №8(1), p.4.
 182. Cabestan J. The Shanghai Cooperation Organization, Central Asia, and the

- Great Powers, an Introduction: One Bed, Different Dreams. // Asian Survey, Vol. 53, No. 3, 2013, pp. 423-435.
183. Collins K. The Limits of Cooperation: Central Asia, Afghanistan, and the New Silk Road. // Asian Policy, No. 17, January 2014, pp.18-26.
 184. Durdular Ercan. Parliamentary Assembly of Turkic-Speaking Countries (TurkPA): Beyond Parliamentary Diplomacy // Perceptions, Vol.22, No. 1, 2017, pp.115-142.
 185. Grugel J., Riggirozzi P. Post-neoliberalism in Latin America: Rebuilding and Reclaiming the State after Crisis. // Development and Change, International Institute of Social Studies, vol. 43(1), 2012, pp.1-21.
 186. Haas E.B. and Schmitter P.C. Economics and Differential Patterns of Political Integration: Projections about Unity in Latin America. // International Organization, Vol.18, No.4, Autumn, 1964, pp.705-737.
 187. Haas E.B. The Study of Regional Integration: Reflections on the Joy and Anguish of Pre theorizing. // International Organization, Vol.24, No.4. Regional Integration: Theory and Research, Autumn, 1970, pp. 607-646
 188. Hoffmann S. Obstinate or Obsolete: The Fate of the Nation State and the Case of Western Europe. // Daedalus, Vol.95, No.3, Summer,1966, pp.862-915.
 189. Kaczmarek M. Non-Western Visions of Regionalism: China's New Silk Road and Russia's Eurasian Economic Union. // International Affairs, Vol. 93, No. 6, 2017, pp.1357 – 1376.
 190. Laruelle M. The US Silk Road: geopolitical imaginary or the repackaging of strategic interests? // Eurasian Geography and Economics, No. 56(4), 2015, pp. 360–375.
 191. Leuffen D. European Union as a blueprint: Nine Hypotheses on differentiated integration in a comparative perspective. // WAI-ZEI Paper, No.8, vol. 8, 2013.
 192. Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History. // The Geographical Journal, Vol.23, No.4, April 1904, pp. 421–437.
 193. Mansfield Edward D., Helen V. Milner. The New Wave of Regionalism. //

- International Organization, vol. 53, №. 3, 1999, pp. 589–627.
194. Moraczewska A. The Changing Interpretation of Border Functions in International Relations. // Revista Română de Geografie Politică, [e-journal], 2010, 12(1), pp.329-340.
195. Musabay B.P. Turkic World Vision–2040: A Step Forward for the Resilience of Turkic Cooperation // Perceptions: Journal of International Affairs, 2022, № 1, pp. 26-52.
196. Nye J.S. Comparative Regional Integration: Concept and Measurement. // International Organization, 1968, vol. 22, issue 4, pp. 855-880.
197. Patnaik P. Regionalism and Regional Cooperation in Central Asia. // International Studies, Vol 56, No.2-3, 2019, pp.147–162.
198. Pravesh Kumar Gupta. Organization of Turkic States: An Instrument of Turkey's Central Asia Policy. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.vifindia.org/article/2022/august/29/organization-of-turkic-states-an-instrument-of-turkeys-central-asia-policy> (дата обращения: 06.10.2024)
199. Puchala D.J. Of Blind Men, Elephants and International Integration. // Journal of Common Market Studies.10(3), 1971.
200. Qamar Fatima and Sumera Zafar. New Great Game: Players, Interests, Strategies and Central Asia. // South Asian Studies: A Research Journal of South Asian Studies, Vol.29, No.2, 2014, pp.627-655.
201. Väyrynen Raimo. Regionalism: Old and New. // International Studies Review, Vol.5, Issue 1, 2003, pp. 25–51.
202. Rooh Ul Amin, Ghulam Muhammad Awan, Faryal Raheem. Critical Analyses of Pak-Afghan Transit Trade Agreement: Pakistan's Perspective. // Research Journal of Social Sciences & Economics Review, Vol. 1, Issue 4, 2020, pp. 418-426.
203. Sarwat R. Changing Geopolitical Dynamics in Central Asia: Causes and Effects. // Strategic Studies, Vol. 37, No. 4, 2017, pp.149-165.
204. Scott B. Chinese Regionalism: China's Engagement with ASEAN and SCO.

- // The Bulletin of the Centre for East-West Culture and Economic Studies, Vol. 11, No. 1, 2014, pp. 22-28.
205. Thornton S.A. China in Central Asia: is China winning the “New Great Game”? // Global China, 2020, №6, pp. 1-10.
206. Timur D. Shanghai Cooperation Organization (SCO): Regional Identity Formation from the Perspective of the Central Asia States. // Journal of Contemporary China, Vol.8, No. 85, 2014, pp.102-118.
207. Timur D. Shanghai Cooperation Organization Regional Identity Formation from the Perspective to China. // Journal of Contemporary China. Vol. 23, No.85, 2014, pp.102 – 118.
208. Tinbergen J. International economic integration. // Revue économique, vol.17, No.4, 1966, pp.697-698.
209. Zeng L. Conceptual Analysis of China’s Belt and Road Initiative: A Road towards a Regional Community of Common Destiny. // Chinese Journal of International Law, Vol.15, No.3, 2016, pp. 517 – 541.

На китайском языке:

210. 阿古达目, 王静. 哈萨克斯坦“突厥语国家一体化”构想与实践研究. // 俄罗斯学刊, 2023 年第 6 期. 第 113-132 页. (перевод: Агудам, Ван Ц. Исследование концепции и практики «Интеграции тюркоязычных стран» в Казахстане. // Академический вестник востоковедения. 2023. № 13(06), с. 113-132.)
211. 邓浩. 中国经略上合组织: 进展、战略与前景. // 俄罗斯学刊, 2023 年第 4 期. 第 54-68 页. (перевод: Дэн Х. Стратегия Китая в ШОС: прогресс, стратегия и перспективы. // Вестник российских исследований, 2023, № 4, с. 54-68.)
212. 富景筠. 俄白哈关税同盟的历史演进、动因及前景——基于区域内贸易特点的视角. // 俄罗斯东欧中亚研究, 2014 年第 2 期. 第 24-31+95-96 页.

- (перевод: Фу Ц. Историческая эволюция, мотивы и перспективы создания российско-белорусско-казахстанского таможенного союза — взгляд на характеристику внутрирегиональной торговли. // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии, 2014, №2, с. 24-31.)
213. 耿协峰. “新地区主义”研究 — 不同视角的评析. // 世界经济与政治, 2001年第1期. 第118-123页. (Гэн С. Исследование «нового регионализма» - обзор с разных точек зрения. // Мировая экономика и политика, 2001, №1, с. 118-123.)
214. 顾炜. 中亚一体化的架构变化与发展前景. // 国际关系研究, 2020年第2期. 第9-30+153-154页. (перевод: Гу В. Архитектурные изменения и перспективы развития интеграции Центральной Азии. // Исследование международных отношений, 2022, №2, с. 9-30+153-154.)
215. 郭晓琼, 蔡真. 百年变局下上海合作组织国家经济发展与区域经济合作. // 欧亚经济, 2023年第06期. 第104-124+126页. (перевод: Го С., Цай Ч. Экономическое развитие стран ШОС и региональное экономическое сотрудничество в условиях вековых изменений. // Евразийская экономика, 2023, №06, с. 104-124+126.)
216. 何金科. 中亚安全共同体与中亚一体化趋势研究. // 国外理论动态, 2020年第1期. 第162-169页. (перевод: Хэ Ц. Исследование Сообщества безопасности Центральной Азии и тенденций интеграции в Центральной Азии. // Зарубежная теоретическая динамика, 2020, №1, с. 162-169.)
217. 李睿思, 高辛. 俄罗斯“向东看”战略调整对中国与中亚国家经济合作的影响. // 欧亚经济, 2024年第5期. 第73-89+134页. (перевод: Ли Ж., Гао С. Влияние стратегии России «Поворот на Восток» на экономическое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии. // Евразийская экономика, 2024, №5, с. 73-89+134.)
218. 李孝天. 上海合作组织的新发展: 开创地区主义的“上合模式”. // 当代亚

- 太. 2023 年第 4 期. 第 94-130+167-168 页. (перевод: Ли С. Новое развитие Шанхайской организации сотрудничества: создание «модели ШОС» регионализма. // Современный Азиатско-Тихоокеанский регион, 2023, с. 94-130 + 167-168.)
219. 李孝天. 上海合作组织扩员后的地区定位与合作格局. // 国际展望, 2021 年第 3 期. 第 96-118+156-157 页. (перевод: Ли С. Региональное позиционирование и паттерны сотрудничества после расширения ШОС. // Международные перспективы, 2021, №3, с. 96-118+156-157.)
220. 刘丹. 后苏联空间: 俄罗斯的战略依托及大国博弈. // 俄罗斯东欧中亚研究, 2021 年第 6 期. 第 81-96+154 页. (перевод: Лю Д. Постсоветское пространство: стратегическая обусловленность России и игра великих держав. // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии, 2021, № 6, с. 81-96+154.)
221. 欧阳向英. 产业链、区域一体化与全球化——疫情后中亚经济将走向何方? // 欧亚经济, 2020 年第 5 期. 第 20-35+125+127 页. (перевод: Оуян С. Индустриальная цепочка, региональная интеграция и глобализация - куда направляется экономика стран Центральной Азии после эпидемии? // Евразийская экономика, 2020, №5, с. 20-35+125+127.)
222. 彭昕. 制度功能的多重性与上海合作组织扩员. // 外交评论(外交学院学报), 2024 年第 2 期. 第 131-154+169 页. (перевод: Пэн С. Множественность институциональных функций и расширение ШОС. // Дипломатическое обозрение «Вестник Академии дипломатии», 2024, № 2, с. 131-154+169.)
223. 苏畅. 从“边缘地带”到“枢纽地带”: 中亚稳定的地缘政治视角分析. // 俄罗斯东欧中亚研究. 2023 第 3 期. 第 122-141+161 页. (перевод: Су Цан. От «периферии» к «оси»: стабильности в Центральной Азии сквозь геополитическую перспективу. // Исследования России, Восточной Европы

- и Центральной Азии. 2023, No. 3. No. 3, с. 122-141+161.)
224. 孙超. 上海合作组织与欧盟中亚治理的比较——构建命运共同体还是规范性改变. // 俄罗斯研究, 2021 年第 6 期. 第 140-164 页. (перевод: Сунь Ч. Сравнение управления ШОС и ЕС в Центральной Азии - создание сообщества судьбы или нормативные изменения. // Российские исследования, № 6, 2021, с. 140-164.)
225. 孙壮志. 阿富汗变局后的中亚安全: 大国博弈与地区合作. // 俄罗斯东欧中亚研究, 2022 年第 1 期. 第 1-16+154 页. (перевод: Сунь Ж. Безопасность Центральной Азии после изменений ситуации в Афганистане: игра великих держав и региональное сотрудничество. // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии, 2022, № 1, с. 1-16+154.)
226. 孙壮志. 中亚五国的地缘战略地位//东欧中亚研究. 2000 年第四期. 第 61-67 页. (перевод: Сунь Ч. Геостратегическая позиция пяти стран Центральной Азии. // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии, 2000, № 4, с. 61-67.)
227. 王志. 比较地区主义:理论进展与挑战. // 国际论坛, 2017 年第 6 期. 第 56-62+79 页. (перевод: Ван Ц. Сравнительный регионализм: теоретический прогресс и проблемы. // Международный форум, 2017, № 6, с. 56-62.)
228. 杨恕, 王术森. 社会认同理论视角下的中亚地区一体化. // 俄罗斯研究, 2018 年第 3 期. 第 45-75 页. (перевод: Ян Ш., Ван Ш. Региональная интеграция в Центральной Азии с точки зрения теории социальной идентичности. // Вестник Российских исследований, 2018, №3, с. 45-75.)
229. 杨宇, 何则, 刘毅. “丝绸之路经济带”中国与中亚国家油气贸易合作的现状、问题与对策. // 中国科学院院刊, 2018 年第 6 期. 第 575-584 页. (перевод: Ян Ю., Хэ Ц., Лю И. Текущая ситуация, проблемы и меры противодействия сотрудничеству в области торговли нефтью и газом между Китаем и странами Центральной Азии в рамках «Экономического пояса Шелкового

- пути». // Труды Китайской академии наук. 2018, No. 6, с. 575-584.)
230. 张宁. 中亚五国元首峰会与区域一体化新动向. // 世界知识, 2022 年第 16 期. 第 32-33 页. (перевод: Чжан, Н. Саммит пяти глав государств Центральной Азии и новые тенденции в региональной интеграции. // Мировые знания, 2022, №16, с. 32-33.)
231. 张玉艳. 泛突厥主义在土耳其的由来与发展. // 国际政治研究, 2019 年第 5 期. 第 40-68+5-6 页. (перевод: Чжан Ю. Происхождение и развитие пантюркизма в Турции // Международные политические исследования, 2019, №40(05), с. 40-68+5-6.)
232. 曾向红, 罗金. 试析“上海合作组织发展模式”的内涵与价值. // 南亚研究, 2024 年第 2 期. 第 1-26+153 页. (перевод: Цзэн С., Ло Ц. Анализ смысла и значения модели развития ШОС. // Исследования Южной Азии, 2024, № 2, с. 1-26+153.)
233. 曾向红, 王子寒. “错位的竞争”: 大国在中亚地区的互动新态势. // 俄罗斯东欧中亚研究, 2024 年第 5 期. 第 1-26 页. (перевод: Цзэн С., Ван Ц. «Смещенная конкуренция»: новая динамика взаимодействия великих держав в Центральной Азии. // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии, 2024, № 5, с. 1-26.)
234. 曾向红. “无声的协调”: 大国在中亚的互动模式新探. // 世界经济与政治, 2022 年第 10 期. 第 42-70+165-166 页. (перевод: Цзэн С. «Молчаливая координация»: новый взгляд на модели взаимодействия держав в Центральной Азии. // Мировая экономика и политика, 2022. №10, с. 42-70+165-166.)
235. 郑金发. 首次突厥国家首脑会议. // 瞭望周刊, 1992 年第 46 期. 第 41-42 页. (перевод: Чжэн Ц. Первый саммит тюркских государств // Еженедельный обзор, 1992, № 46, с. 41-42.)
236. 朱永彪, 尹舒阳. 美国大中亚战略进入新阶段. // 国际观察, 2010 年第 5

期. 第 29-36 页. (перевод: Чжу Ю., Инь Ш. Стратегия США в отношении Большой Центральной Азии вступает в новую стадию. // Международное обозрение, 2010, №5, с. 29-36.)

Официальные выступления

На русском языке:

237. Назарбаев Н.А. Оригинальный текст выступления Н.А. Назарбаева 29 марта 1994 г. в Московском государственном университете. 28.04.2018. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://e-history.kz/ru/news/show/28540> (дата обращения: 18.09.2024)

На китайском языке:

238. 习近平在哈萨克斯坦纳扎尔巴耶夫大学发表重要演讲. (перевод: Си Цзиньпин выступил с ключевой речью в Назарбаевском университете в Казахстане. Правительственная сеть КНР) 07.09.2013. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://www.gov.cn/ldhd/2013-09/07/content_2483425.htm (дата обращения: 23.05.2024)

Электронный ресурс

На русском языке:

239. 6-я Консультативная Встреча Глав Государств Центральной Азии в Астане – Центральноазиатские страны наметили долгосрочные планы региональной кооперации. 09.08.2024. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.newscentralasia.net/2024/08/09/6-ya-konsultativnaya-vstrecha-glav-gosudarstv-centralnoj-azii-v-astane-centralnoaziatskie-strany-nametili-dolgosrochnye-plany-regionalnoj-kooperacii/> (дата обращения: 19.09.2024)
240. Азербайджан, Турция, Казахстан и Кыргызстан утвердили единые учебники. 26.06.2022. [Электронный ресурс]. [режим доступа]:

- <https://kazislam.kz/ru/azerbajdzhan-turciya-kazahstan-i-kyrgyzstan-utverdili-edinye-uchebniki/> (дата обращения: 08.11.2024).
241. Американская стратегия "Новый Шелковый путь", 11.03.2019. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://parstoday.ir/ru/radio/programs-i99340> (дата обращения: 16.09.2024)
242. Бактыбек Э. Генассамблея ООН: Эмомали Рахмон настаивает на участии афганских таджиков в госуправлении Афганистана. Кыргызстан сегодня. 25.09.2021. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://ru.kyrgyztoday.org/archives/448316> (дата обращения: 14.05.2024).
243. Беспорядки в Казахстане. 02.03.2022. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://ria.ru/category_aksii-protestov-v-kazakhstane/ (дата обращения: 13.11.2024).
244. Большая российская энциклопедия// Великая держава. [Режим доступа]: <https://bigenc.ru/c/velikaia-derzhava-620c48> (дата обращения: 16.06.2024).
245. В Бишкеке состоялся 11-й Саммит глав государств Организации тюркских государств. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.turksoy.org/ru-RU/novosti/v-bishkeke-sostoyalsya-11-j-sammit-glav-gosudarstv-organizacii-tyurkskih-gosudarstv> (дата обращения: 29.01.2025).
246. Виктор Катона. Нефть и газ Каспийского региона между Европой и Азией. РСМД. 17. 08. 2017. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/neft-i-gaz-kaspiyskogo-regiona-mezhdu-evropoy-i-aziey/> (дата обращения: 10.08.2024).
247. Владимир Путин принял участие во встрече глав государств – участников первого саммита Россия – Центральная Азия. 14.10.2022. [Электронный ресурс]. [режим доступа]:

<http://kremlin.ru/events/president/news/69598> (дата обращения: 11.11.2024).

248. Гаврилов Ю. Военные из России, Узбекистана и Таджикистана проведут совместные маневры. Российская газета. 20.07.2021. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://rg.ru/2021/07/20/voennye-iz-rossii-uzbekistana-i-tadzhikistana-provedut-sovmestnye-manevry.html> (дата обращения: 11.05.2024)
249. Галузин рассказал о росте товарооборота России с Центральной Азией. 14.05.2024. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://ria.ru/20240514/ekonomika-1945773082.html> (дата обращения: 06.09.2024)
250. Гульнор Д., Аббос Б. Станет ли ОТГ ведущей платформой в Центральной Азии? [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://cabar.asia/ru/stanet-li-otg-vedushhej-platformoj-v-tsentralnoj-azii> (дата обращения: 06.10.2024)
251. Гусейнов Э., Султоназаров А. Будущее интеграции Центральной Азии в тени американо-китайского противостояния. 24.04.2024. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://cabar.asia/ru/budushhee-integratsii-tsentralnoj-azii-v-teni-amerikano-kitajskogo-protivostoyaniya> (дата обращения: 06.09.2024)
252. Гусейнов Э., Султоназаров А. Критические ресурсы Центральной Азии: новое пространство для конкуренции великих держав? [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://cabar.asia/ru/critical-raw-materials-central-asia> (дата обращения: 07.09.2024)
253. Интервью государственного советника и министра иностранных дел Ван И центральным СМИ о его участии в работе Совета министров иностранных дел Организации исламского сотрудничества (ОИС) и визите в Пакистан, Афганистан, Индию и Непал (на китайском). Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. 28.03.2022. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://www.gov.cn/guowuyuan/2022-03/28/content_5682118.htm (дата

обращения: 12.05.2024).

254. Казанцев А., Каженова А. Новый этап центральноазиатской интеграции. 03.12.2019. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyy-etap-tsentralnoaziatskoy-integratsii/> (дата обращения: 12.09.2024)
255. Казахстан и Узбекистан – два локомотива интеграции? 28. 07. 2021. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.caa-network.org/archives/22034/kazakhstan-i-uzbekistan-dva-lokomotiva-integraczii> (дата обращения: 06.09.2024)
256. Касым - Жомарт Токаев: Региональное сотрудничество — ключ к стабильности и процветанию Центральной Азии. 17.10.2024. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://daryo.uz/ru/2024/10/17/tokayev-regional-cooperation-is-the-key-to-stability-and-prosperity-in-central-asia> (дата обращения: 12.11.2024).
257. Катерина Борнукова. Железный занавес может оказаться новой реальностью, 20 апреля 2022. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://thinktanks.by/publication/2022/04/20/katerina-bornukova-zheleznyy-zanaves-mozhet-okazatsya-novoy-realnostyu.html> (дата обращения: 28.11.2023)
258. Лавров рассказал о сопряжении ЕАЭС и инициативы «Один пояс — один путь». 23.06.2021. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://ria.ru/20210623/lavrov-1738277007.html> (дата обращения: 12.11.2024)
259. Международному университету Ясави в Туркестане присвоили особый статус. 17.01.2020. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://rus.azattyq.org/a/turkish-schools-central-asia-considered-as-threat-to-regime/24919501.html> (дата обращения: 08.11.2024).
260. Наргиза Мураталиева. Навруз-2019. Как пройдет второй саммит глав государств Центральной Азии? 16.04.2019. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.caa-network.org/archives/15797> (дата обращения: 16.05.2024).

261. Начинает действовать Таможенный союз Белоруссии, России и Казахстана. 01.01.2010. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://ria.ru/20100101/202497616.html> (дата обращения: 18.09.2024)
262. Нерешенный вопрос: сможет ли обмен территориями помирить кыргызстанцев и таджикистанцев? 30.03.2020. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://cabar.asia/ru/nereshennyj-vopros-smozhet-li-obmen-territoriyami-pomirit-kyrgyzstantsev-i-tadzhikistantsev> (дата обращения: 12.09.2024)
263. Новая Центральная Азия по внешней политике Узбекистана - Абдулазиз Комилов. 14.08.2024. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://daryo.uz/ru/2024/08/14/new-central-asia-in-uzbekistans-foreign-policy> (дата обращения: 06.09.2024)
264. Под председательством Касым-Жомарта Токаева состоялась VI Консультативная встреча глав государств Центральной Азии. 09.08.2024. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.akorda.kz/ru/pod-predsdatelstvom-kasym-zhomarta-tokaeva-sostoyalas-vi-konsultativnaya-vstrecha-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-971327> (дата обращения: 19.09.2024)
265. Почему конфликты на таджикско-кыргызской границе в последние годы переросли в кровавые боестолкновения, и почему это плохо? 08.01.2024. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/security/20240108/pochemu-konflikti-na-tadzhiksko-kirgizskoi-granitse-v-poslednie-godi-pererosli-v-krovavie-boestolknoveniya-i-pochemu-eto-ploho> (дата обращения: 13.11.2024).
266. Президент Казахстана принял участие в заседании Высшего Евразийского экономического совета. 27. 05. 2022. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.akorda.kz/ru/prezident-kazahstana-prinyal-uchastie-v-zasedanii-vysshego-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soveta-2742524> (дата обращения: 12.12.2023)
267. Президент принял участие в пленарной сессии Восточного

- экономического форума. Тема ВЭФ-2022 – «На пути к многополярному миру». 07.09.2022. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://kremlin.ru/events/president/news/69299> (дата обращения: 11.11.2024).
268. Приграничный конфликт Киргизии и Таджикистана. 18.09.2022. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.rbc.ru/politics/18/09/2022/632428299a794745d8046839> (дата обращения: 28.04.2024).
269. Признает ли правительство Китая правительство Афганистана, находящееся под контролем Талибана? Ответ Министерства иностранных дел (на китайском). Chinadaily. 16.08.2021. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://cn.chinadaily.com.cn/a/202108/16/WS611a3244a3101e7ce975eea6.html> (дата обращения: 12.05.2024).
270. Проект «Большой Центральной Азии» и преемственность американской региональной стратегии. 23.10. 2023. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://casp-geo.ru/proekt-bolshoj-tsentralnoj-azii-i-preemstvennost-amerikanskoj-regionalnoj-strategii> (дата обращения: 16.09.2024)
271. Сельское хозяйство в Центральной Азии: как реализовать потенциал? Интервью с Ирной Хофман. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.caa-network.org/archives/14330> (дата обращения: 18.04.2024)
272. Транс-евразийская интеграция: Центральная Азия как ключ к региональной связности и устойчивому развитию. 16.09.2024. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://odkb-info.org/analitiks/6320/> (дата обращения: 18.09.2024)
273. Тулебердиев Р. Т. Политика США в Центральной Азии: цели и подходы. 23.05.2024. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://cabar.asia/ru/budushhee-integratsii-tsentralnoj-azii-v-teni-amerikano-kitajskogo-protivostoyaniya> (дата обращения: 07.09.2024)
274. Туркменистан и Афганистан запустили строительство ряда объектов

- энергетической и транспортной инфраструктуры. 11.09.2024. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.newscentralasia.net/2024/09/11/turkmenistan-i-afganistan-zapustili-stroitelstvo-ryada-obektov-ehnergeticheskoy-i-transportnoj-infrastruktury/> (дата обращения: 12.09.2024)
275. Узбекистан и Казахстан построят приграничный центр сотрудничества. 12.04.2021. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/04/12/borde> (дата обращения: 12.04.2024)
276. Центральная Азия: вода и конфликт. 30.03.2002. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.crisisgroup.org/ru/europe-central-asia/central-asia/uzbekistan/central-asia-water-and-conflict> (дата обращения: 29.04.2024).
277. Центральная Азия-2040: новый этап региональной кооперации. 22.07.2024. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://ea-monitor.kz/evraziyskiy-monitoring/centralnaya-aziya-2040-novyuy-etap-regionalnoy-kooperacii> (дата обращения: 19.09.2024)
278. Шабловский В. МИД РФ: "Талибан" могут исключить из списка террористических организаций. Российская газета. 01.04.2024. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://rg.ru/2024/04/01/mid-rf-soobshchil-o-vozmozhnom-sniatii-s-talibana-statusa-terroristicheskoy-organizacii.html> (дата обращения: 11.05.2024).
279. Экономика стран Центральной Азии: позитивная динамика - долгосрочные риски. Эксперт РА. Макроэкономика, 20.06.2023. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://raexpert.ru/researches/regions/economic_central_asia_2023/ (дата обращения: 19.04.2024)
280. Элизабет Вудс и Томас Бейкер. Более интегрированное будущее? Отображение центральноазиатского оптимизма. 31. 03. 2022. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://thediplomat.com/2022/03/a-more-integrated-future-mapping-central-asian-optimism/> (дата обращения: 19.04.2024)

15.10.2023)

На английском языке:

281. Central & South Asia Economic Integration. January 24, 2006. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.osce.org/files/f/documents/7/4/17821.pdf> (дата обращения: 23.10.2023).
282. China colonising Kyrgyzstan. Asianews, 17.12.2016. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.asianews.it/news-en/China-colonising-Kyrgyzstan-39429.html> (дата обращения: 03.02.2024)
283. Clarissa Ward, Tim Lister, Angela Dewan and Saleem Mehsud. Afghan President Ashraf Ghani flees the country as Taliban forces enter the capital. CNN. 16.08.2021. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://edition.cnn.com/2021/08/15/asia/afghanistan-taliban-advances-kabul-intl/index.html> (дата обращения: 02.05.2024)
284. Dictionary. com // geopolitics. [Режим доступа]: <https://www.dictionary.com/browse/geopolitics> (дата обращения: 14.06.2024).
285. Economic Cooperation // Organization of Turkic States. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.turkicstates.org/en/isbirligi-alanlari> (дата обращения: 06.10.2024)
286. Hillary Rodham Clinton. Remarks on India and the United States: A Vision for the 21st Century, July 20, 2011. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/07/168840.htm> (дата обращения: 07.11.2023)
287. Mankoff Jeff. The United States and Central Asia after 2014. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, January 2013. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.csis.org/analysis/united-states-and-central-asia-after-2014> (дата обращения: 16.09.2024)
288. Member States // Economic Cooperation Organization (ECO). [Электронный

- ресурс]. [режим доступа]: <https://www.turkicstates.org/en/gozlemci-ulkeler/E>
(дата обращения: 09.11.2024).
289. Muslim Population by Country 2023. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/muslim-population-by-country> (дата обращения: 15.10.2023)
290. OED// Oxford English Dictionary, integration. [Режим доступа]: https://www.oed.com/dictionary/integration_n?tab=factsheet#209348
(дата обращения 15.10.2023).
291. Phil Stewart, Idrees Ali and Humeyra Pamuk. U.S. looks into having 3 Central Asian states take in at-risk Afghans -sources. Reuters. 03. 07. 2021. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/us-looks-into-having-3-central-asian-states-take-at-risk-afghans-sources-2021-07-02/> (дата обращения: 05.05.2024)
292. Political Cooperation // Organization of Turkic States. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.turkicstates.org/en/isbirligi-alanlari>
(дата обращения: 06.10.2024)
293. Robert D. Hormats, The United States ‘New Silk Road Strategy’: What is it? Where is it headed?, September 29, 2011. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://www.state.gov/e/rls/rmk/2011/174800.htm> (дата обращения: 01.11.2023)
294. Rowland R. H. CENTRAL ASIA ii. Demography. Encyclopedia Iranica. 1990. URL: <https://iranicaonline.org/articles/central-asia-ii> (дата обращения: 15.10.2023)
295. S. Frederick Starr, Mike Doran, To Avert Disaster in Afghanistan, Look to Central Asia. American Foreign Policy Council. 12.07.2021 [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.afpc.org/publications/articles/to-avert-disaster-in-afghanistan-look-to-central-asia> (дата обращения: 24.05.2024).
296. Tanbaev O. How Uzbekistan Promotes Regional Integration in Central Asia. The diplomat. 2023. [Электронный ресурс]. [режим доступа]:

<https://thediplomat.com/2023/09/how-uzbekistan-promotes-regional-integration-in-central-asia/> (дата обращения: 08.11.2023).

297. Terri Moon Cronk. Biden Announces Full U.S. Troop Withdrawal From Afghanistan by Sept. 11. DOD News. 14.04.2021. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2573268/biden-announces-full-us-troop-withdrawal-from-afghanistan-by-sept-11/> (дата обращения: 29.04.2024)
298. Tolipov F. Central Asia's Integration Takes One Step Forward, One Step Back. The Central Asia-Caucasus Analyst. 2023. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13658-central-asias-integration-takes-one-step-forward-one-step-back.html> (дата обращения: 02.11.2023)
299. Turkey Full Year GDP Growth. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://tradingeconomics.com/turkey/full-year-gdp-growth> (дата обращения: 05.11.2024)
300. Turkic Council to turn into global power center. 16.10.2019. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://avim.org.tr/en/Bulten/TURKIC-COUNCIL-TO-TURN-INTO-GLOBAL-POWER-CENTER-EXPERT> (дата обращения: 06.10.2024)
301. World Bank national accounts data, and OECD National Accounts data files. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.CD> (дата обращения: 15.04.2024).

На китайском языке:

302. 关于在边境地区加强军事领域信任和相互裁减军事力量的《上海协定》和《莫斯科协定》签署 20 周年纪念. (перевод: Двадцатая годовщина подписания Шанхайского и Московского соглашений об укреплении доверия в военной сфере и взаимном сокращении военных сил в

- приграничной зоне.) 24.04.2017. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://world.people.com.cn/n1/2017/0424/c1002-29231574.html> (дата обращения: 19.09.2024)
303. 哈萨克斯坦贸易指南 (2023 年). (перевод: Торговый справочник по Казахстану (2023).) [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://www.tdb.org.cn/u/cms/www/202311/13110843vsfb.pdf> (дата обращения: 27.05.2024).
304. 孔子学院带动“中文热”在中亚渐成潮流. (перевод: Институты Конфуция вызывают «горячку китайского языка» в Центральной Азии..) 16.05.2023. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/2023nzt/zgzyfh/bjzl/202305/t20230516_11078279.shtml (дата обращения: 12.11.2024).
305. 美国“新丝绸之路”计划的缘起、演变和发展前景. (перевод: Истоки, развитие и перспективы программы США «Новый шелковый путь».) 10.04.2015. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://xj.cnr.cn/2014xjfw/2014xjfwgjsxw/20150410/t20150410_518285189.shtml (дата обращения: 16.09.2024)
306. 人民日报钟声：“丝绸之路经济带”立意高远. (перевод: «Экономический пояс Шелкового пути» - дальновидная идея. Народная газета (People's Daily) (газета КНР).) 14.11.2013. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <http://opinion.people.com.cn/n/2013/1114/c1003-23533518.html> (дата обращения: 11.12.2023).
307. 王四海, 魏锦, 孙默融, 艾沙江·艾买提. 聚焦合作, 中亚区域一体化呈现哪些新动向? (перевод: Ван С., Вэй Ц., Сунь М., Аймайти А. Фокусируясь на сотрудничестве, каковы новые тенденции региональной интеграции в Центральной Азии?) [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://news.haiwainet.cn/n/2022/0922/c3541089-32489310.html> (дата обращения: 13.11.2024)

308. 续写千年友谊 开辟崭新未来——习近平主席在西安主持首届中国—中亚峰会纪实. (перевод: Возобновление тысячелетней дружбы, открывающей совершенно новое будущее - президент Си Цзиньпин проводит в Сиане первый саммит Китай-Центральная Азия. Центральное народное правительство Китайской Народной Республики.) 21.05.2023. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202305/content_6875368.htm (дата обращения: 28.07.2024).
309. 织密经贸往来 共谋繁荣发展——中国—中亚国家经贸合作开启新篇章. (перевод: Переплетая экономические и торговые обмены и стремясь к общему процветанию и развитию - китайско-центральноазиатское экономическое и торговое сотрудничество открывает новую главу. Центральное народное правительство Китайской Народной Республики.) 20.05.2023. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202305/content_6875214.htm (дата обращения: 23.07.2024).
310. 中国提出建设“丝绸之路经济带”引领欧亚大陆整体合作. (перевод: Предложение Китая о строительстве Экономического пояса Шелкового пути способствует общему сотрудничеству на Евразийском континенте. Информационное агентство Синьхуа, 13. 09. 2013.) [Электронный ресурс]. [режим доступа]: http://www.xinhuanet.com/world/2013-09/13/c_117364702.htm (дата обращения: 11.12.2023).
311. 中国与哈萨克斯坦达成双边货币互换协议. (перевод: Китай и Казахстан заключили двустороннее соглашение о валютном обмене.) 15.12.2014. [Электронный ресурс]. [режим доступа]: <https://finance.sina.com.cn/world/20141215/111721078066.shtml> (дата обращения: 26.05.2024).
312. 中国与欧亚经济联盟经贸合作伙伴协定首轮谈判将尽快启动. (перевод:

Первый этап переговоров по соглашению об экономическом и торговом партнерстве между Китаем и Евразийским экономическим союзом начнется в ближайшее время. 19.07.2016.) [Электронный ресурс]. [режим доступа]:

http://www.xinhuanet.com/world/2016-07/19/c_129159636.htm (дата

обращения: 19.09.2024)

313. 中国与欧亚经济联盟实质性结束经贸合作协议谈判. (перевод: Китай и Евразийский экономический союз существенно завершают переговоры о заключении соглашения об экономическом и торговом сотрудничестве.)

02.10.2017. [Электронный ресурс]. [режим доступа]:

http://www.china.com.cn/news/world/2017-10/02/content_41677362.htm

(дата обращения: 19.09.2024)

314. 中国 – 中亚峰会成果清单 (全文) . (перевод: Список итогов саммита Китай-Центральная Азия. Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. 19.05.2023.) [Электронный ресурс]. [режим доступа]:

https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202305/content_6875140.htm (дата

обращения: 28.07.2024).

315. 中亚天然气管道今年向我国输气超 400 亿方 . (перевод:

Центральноазиатский газопровод поставит в Китай более 40 миллиардов кубометров газа в этом году. Центральное народное правительство Китайской Народной Республики.) 28.11.2022. [Электронный ресурс].

[режим доступа]: [https://www.gov.cn/xinwen/2022-](https://www.gov.cn/xinwen/2022-11/28/content_5729223.htm)

[11/28/content_5729223.htm](https://www.gov.cn/xinwen/2022-11/28/content_5729223.htm) (дата обращения: 23.07.2024).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ECSC — Европейское сообщество угля и стали
- ЕЕС — Международная организация труда
- АСЕАН — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
- ЕАСТ — европейская ассоциация свободной торговли
- ЕАЭС — Евразийский экономический союз
- ЕврАзЭС — Евразийское Экономическое Сообщество
- ЕК — Европейская Комиссия
- ЕС — Европейский союз
- ЕЭС — Европейское экономическое сообщество
- ИДУ — Исламское движение Узбекистана
- КПК — Коммунистической партии Китая
- МОТ — Международная организация труда
- НАТО — Организация Североатлантического договора
- ННГ — Новые независимые государства
- НПО — Неправительственная организация
- ОАГ — Организация американских государств
- ОАЕ — Организация африканского единства
- ОВД — Организация Варшавского договора
- ОДБК — Организации Договора о коллективной безопасности
- ОЦАС — Организация Центрально-Азиатского Сотрудничества
- ПСР — Партии справедливости и развития
- РАТС — Региональная антитеррористическая структура
- СБСЕ — Совещание по сотрудничеству в области безопасности в Европе
- СВМДА — Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии
- СЕАТО — Организация договора Юго-Восточной Азии
- СНГ — Содружество Независимых Государств
- СССР — Союз Советских Социалистических Республик

СЭВ — Совет экономической взаимопомощи

ШОС — Шанхайская организация сотрудничества